ms yellow

ab47

ACTA
HORTI PETROPOLITANI.

TOMUS XXX.

FASCICULUS I.

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО БОТАНИЧЕСКАГО САДА.

ТОМЪ XXX.

ВЫПУСКЪ I.

СОДЕРЖАНІЕ:

Федченко Б. А., Шугнанъ. Географическіе и ботаническіе результаты путешествій въ 1901 и въ 1904 г. Часть I. }
Fedtschenko B. A., Schugnan. Descriptio geographica et botanica itinerum Schugnanicorum 1901 et 1904. Pars I. } стр. 1—134.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

MISSOURI BOTANICAL GARDEN LIBRARY
RECEIVED
DEC 28 1945

ACTA
HORTI PETROPOLITANI.

TOMUS XXX.

FASCICULUS I.

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО БОТАНИЧЕСКАГО САДА.

ТОМЪ XXX.

ВЫПУСКЪ I.

СОДЕРЖАНІЕ:

Федченко Б. А., Шугнанъ. Географическіе и ботаническіе результаты путешествій въ 1901 и въ 1904 г. Часть I.
Fedtschenko B. A., Schugnan. Descriptio geographica et botanica itinerum Schugnanicorum 1901 et 1904. Pars I. . стр. 1—134.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

ACTA
HORTI PETROPOLITANI

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО

Печатано по распоряженію Императорскаго СПб. Ботаническаго Сада.

Типографія К. Маттисена въ Юрьевѣ (Лифл. губ.).

Prière de signer et retourner au Jardin Impérial botanique de St. Pétersbourg.

№

Peçu du Jardin Impérial botanique de St. Pétersbourg:

Acta horti Petropolitani Vol. XXX Fasc. /

Bulletin. Année №

L'herbier

Graines

Plantes vivantes

Date *Nom*

№ 3060. Typ. „Express".

Б. А. Федченко.

Шугнанъ.

Географическіе и ботаническіе результаты путешествій въ 1901 и въ 1904 г.

Часть первая.

Fedtschenko B. A., Schugnan. (Descriptio geographica et botanica itinerum Schugnanicorum 1901 et 1904). Pars prima.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

I. Описаніе путешествій 1901 и 1904 года.

1. Путешествіе 1901-го года.

Лѣтомъ 1901 года мнѣ въ первый разъ пришлось быть на Памирѣ и въ Шугнанѣ, въ составѣ экспедиціи, участниками которой, кромѣ меня, были Ольга Александровна Федченко, зоологъ С. Г. Григорьевъ и агрономъ М. И. Тулиновъ. Въ распоряженіи экспедиціи находились кромѣ того два казака, Федоръ Малихановъ и Рахметулиновъ. Кромѣ того путь до Памирскаго поста съ нами сдѣлалъ также студентъ Б. А. Вараксинъ, а нѣкоторое время шли съ нашимъ караваномъ еще Ѳ. Н. Алексѣенко и А. Я. Дзейверъ, далѣе направившіеся самостоятельно.

Главной цѣлью нашей экспедиціи 1901 года было производство различныхъ, преимущественно ботаническихъ, наблюденій на собственномъ Памирѣ. Однако, когда мы были на западной окраинѣ Памира, на озерѣ Яшель-куль, выяснилась полная возможность для экспедиціи проникнуть и въ Шугнанъ, который не только представлялъ тогда, но и теперь представляетъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ уголковъ Средней Азіи.

Такимъ образомъ, вмѣсто непосредственнаго возвращенія съ Яшель-куля домой, была предпринята поѣздка въ Шугнанъ, которая была однако непродолжительна и могла потому имѣть лишь рекогносцировочный характеръ. Тѣмъ не менѣе и эта поѣздка дала интересные научные результаты.

Отъ озера Яшель-куль мы направились прямо къ югу по ручью Сулу-тагаркакты, все время имѣя передъ собой, все ближе и ближе, величественный снѣговой пикъ, по формѣ своей названный нами „Шапкой Мономаха“. Это, очевидно

тотъ пикъ, который Сѣверцовъ (въ 1878 г.) назвалъ Каргош-тынъ-тау, но который теперь на картахъ почему то вовсе не отмѣчается. Небольшой переходъ до Ходжа-Назара былъ сдѣланъ по мѣстности Памирскаго характера.

Слѣдующій переходъ отъ Ходжа-Назара черезъ перевалъ Кой-Тезекъ долженъ былъ привести насъ въ предѣлы Шугнана.

Какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе увидѣть новый міръ, новую природу, новую растительность, все то, что ожидало насъ по ту сторону Памира, я всетаки рѣшилъ посвятить нѣкоторое время болѣе детальному изученію Памирскаго склона перевала Кой-тезекъ, надѣясь собрать здѣсь дополненіе къ имѣвшемуся уже Памирскому матеріалу и вмѣстѣ съ тѣмъ окинуть взоромъ и лежащія за переваломъ Кой-тезека шугнанскія области. И дѣйствительно, здѣсь я имѣлъ возможность болѣе подробно, чѣмъ гдѣ-либо ознакомиться съ растительностью дерновинъ альпійскихъ лужаекъ надпамирскихъ хребтовъ. Высокогорная растительность Шугнанскихъ хребтовъ во многомъ уже отличается отъ наблюдавшейся здѣсь у Кой-тезека.

Постепенно поднимаясь все выше и выше, собирая растенія и ловя насѣкомыхъ, мы дошли наконецъ до вершины одного изъ довольно высокихъ холмовъ къ юго-востоку отъ перевала Кой-тезека и здѣсь могли любоваться великолѣпнымъ видомъ (рис. 1.). Предъ нами на сѣверовостокѣ и востокѣ виднѣлись знакомыя уже Памирскія мѣста, къ сѣверозападу, подъ ногами, у насъ находился перевалъ Кой-тезекъ (рис. 1.), который едва можно назвать переваломъ, если идти къ нему съ Памира — подъемъ едва замѣтный; на Шугнанской же сторонѣ почти сразу начинается крутой спускъ. Самое интересное, однако, было на югѣ, гдѣ передъ нашими глазами показалась величественная цѣпь снѣговыхъ горъ, тянущаяся съ запада и уходящая куда-то на востокъ. Въ этой цѣпи первенствующее мѣсто занимаетъ вершина, которую мы видѣли во все время пути отъ Яшель-куля и которую мы прозвали „Шапкой Мономаха“. Немного восточнѣе возвышается также грандіозный снѣговой „Трехгранный“ пикъ.

Вершина холма, на которомъ мы находились и юго-западный склонъ его состоятъ изъ сланцеваго щебня, а на сѣверной его сторонѣ лежитъ немного снѣгу.

Мы спустились съ этого холма безъ большихъ затруд-

неній, хотя мѣстами и было не легко выбирать дорогу на мокрыхъ каменныхъ мѣстахъ: кое-гдѣ здѣсь образуются болотинки отъ снѣговой воды.

Подъ холмомъ мы находились въ довольно широкой и ровной долинѣ съ однообразной растительностью, среди которой однако рѣзко выдѣлялись красивыя группы Gymnandra (Lagotis) Stelleri[1]) съ яркосиними вѣнчиками. Ни по своему общему виду, ни по характеру роста, ни по мѣсту обитанія, наконецъ, не похоже это растеніе на близкій видъ G. decumbens Rupr., обычный на Памирѣ; впрочемъ, и отъ уральскихъ представителей Gymnandra наше растеніе отличается довольно сильно.

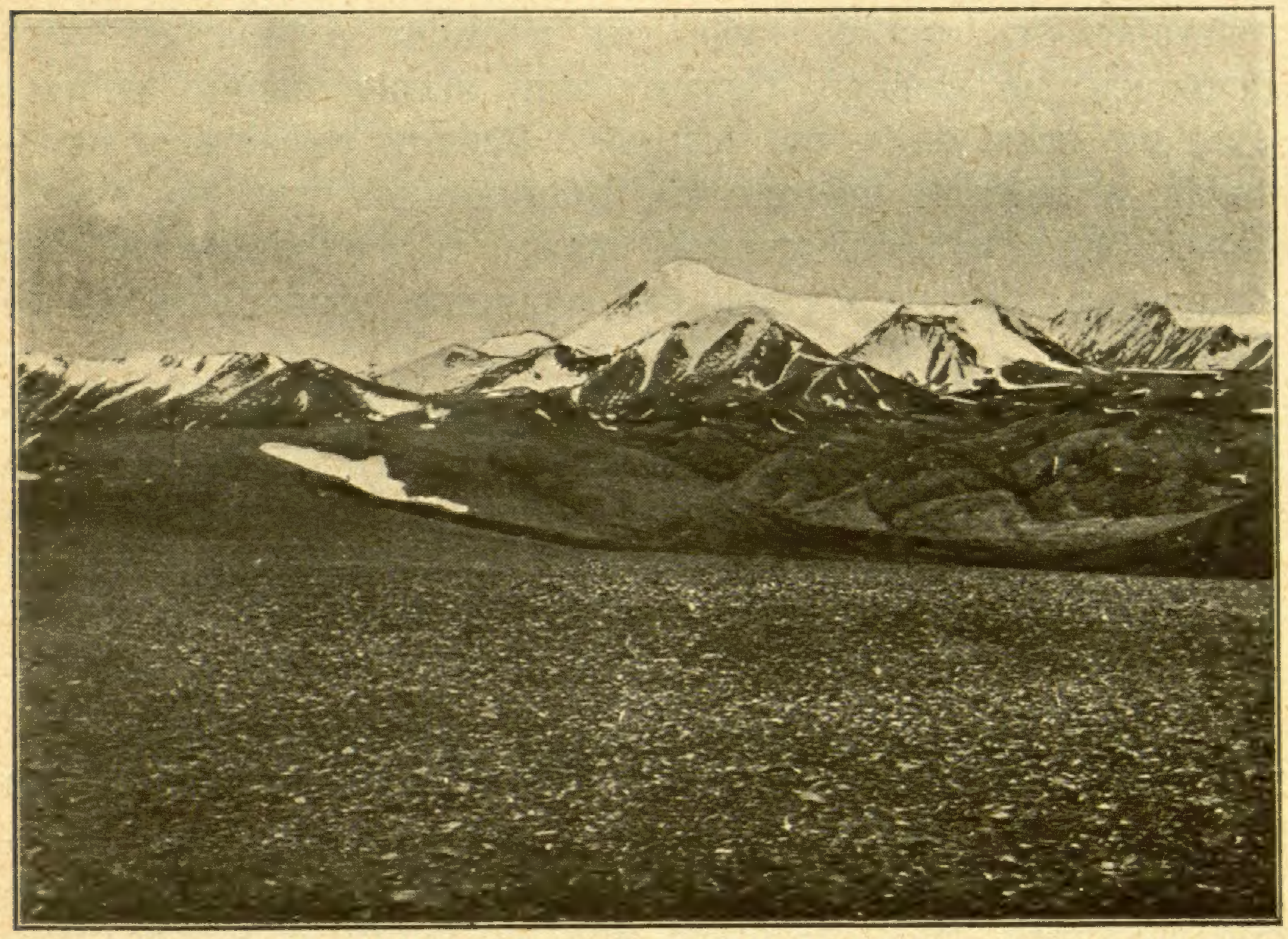


Рис. 1. Перевалъ Кой-тезекъ (видъ къ югу).

Не меньшій интересъ представилъ и новый видъ астрагала, Astragalus pamiricus B. Fedtsch., вполнѣ безстебельный, съ красивыми яркожелтыми цвѣтками, которые при отцвѣтаніи получаютъ бурокрасную окраску.

---

1) Указываемыя въ текстѣ растенія для краткости поставлены **безъ авторовъ** въ виду того, что въ спеціальной части и въ указателѣ эти авторы выставлены.

Съ подошвы долины я рѣшилъ сдѣлать еще одно небольшое восхожденіе, казавшееся мнѣ интереснымъ для лучшаго выясненія устройства поверхности мѣстности около перевала, и для сбора растеній. Мы поднялись на сланцевые утесы ближе къ перевалу, поднимающіеся футовъ на 500 надъ переваломъ. Сначала подъемъ былъ легокъ, но затѣмъ уклонъ былъ все больше и больше нашихъ лошадей пришлось наконецъ вести въ поводу. Такимъ образомъ добрались мы до сѣдловинъ этого сланцеваго кряжа. Видъ съ сѣдловины на западъ былъ закрытъ незначительнымъ возвышеніемъ кряжа, куда мы и стали взбираться, уже пѣшкомъ, по снѣгу. Снѣгъ былъ затвердѣвшій, почему идти по немъ было не трудно. Вскорѣ снѣжникъ окончился и дальше вверхъ мы поднимались уже по скалѣ. Однако, съ этихъ сланцевыхъ скалъ удалось намъ увидѣть немногимъ больше, чѣмъ съ вершины выше описаннаго холма.

Спускаться пришлось сначала опять къ этой же сѣдловинѣ, а потомъ внизъ по осыпямъ, немного западнѣе, чѣмъ гдѣ мы поднимались. Спускъ очень труденъ, а первоначально предполагавшійся спускъ къ сѣверозападу оказался и вовсе невозможнымъ — вслѣдствіе чрезвычайной крутизны склона.

Спустившись мы были опять на довольно ровной площади, ведущей къ перевалу. Безъ труда замѣтили мы тропу, ведущую отъ Ходжа-Назара къ перевалу; вдоль этой тропы и поѣхали мы, собирая отдѣльныя растенія, кое-гдѣ попадавшіяся. Все это были еще Памирцы, и только красивый Ranunculus Aucheri Boiss. являлся провозвѣстникомъ чего то новаго. То же растеніе, дѣйствительно въ изобиліи было собрано дальше, уже въ Шугнанѣ.

Только въ исходѣ 6-го часа вечера были мы на перевалѣ Кой-тезекъ. Высота его опредѣляется обыкновенно въ 14.000′ фут.

Подъ нашими ногами находилось ушелье и верховье одного изъ ручьевъ, дающаго начало р. Токузъ-булакъ. Истокъ этого ручья лежитъ, впрочемъ, не у перевала, а влѣво отъ него и на довольно значительномъ разстояніи, какъ показали наблюденія 1904 года.

Теперь, въ концѣ іюля, идти здѣсь было не трудно. Снѣгу уже почти не оставалось нигдѣ и мы стали спускаться

безъ затрудненій. Немного раньше, въ іюнѣ, перевалъ былъ едва проходимъ вслѣдствіе массы рыхлаго снѣга. Возникалъ даже вопросъ объ устройствѣ новаго пути сообщенія съ Шугнаномъ, намѣченъ былъ къ разработкѣ путь вдоль озера Яшель-куль, но, повидимому, вопросъ этотъ остается открытымъ и по сіе время.

Перевалъ Кой-тезекъ принимается [1]) въ настоящее время какъ условная граница „собственнаго Памира“. Мы вполнѣ согласны съ этимъ, хотя и считаемъ нужнымъ оговориться, что растительность Памирскаго типа заходитъ отчасти и западнѣе. Однако, спускаясь съ перевала Кой-тезекъ, мы первое время шли по мѣстности съ растительностью того же Памирскаго характера — здѣсь росли: Ranunculus Aucheri, Draba alpina, Smelowskia pectinata, Aster Poncinsii, Nepeta podostachys, Dracocephalum discolor, Hedysarum cephalotes var. pamiricum.

Немного далѣе, на склонахъ къ ущелью, появляются дерновины съ болѣе разнообразной растительностью, среди которой отмѣтимъ Pleurospermum Lindleyanum и Myosotis silvatica var. alpestris. По ручью на каменныхъ розсыпхъ появляются Oxyria digyna. При дальнѣйшемъ спускѣ появляется здѣсь наконецъ Myricaria germanica var. alopecuroides, а вслѣдъ за ней и первые небольшіе отдѣльные кустики ивы, Salix caesia, которые дальше образуютъ уже заросль кустарника вдоль ручья. Эти отдѣльные кустики ивы появились, какъ только мы переѣхали черезъ притокъ, именуемый Опалы, тысячи на двѣ футовъ ниже перевала Кой-тезекъ [2]). Постепенно верховья Токузъ-булака принимаютъ все болѣе и болѣе спокойное теченіе, а между кустами ивы появляются луговины изъ злаковъ, осокъ и нѣкоторыхъ многолѣтниковъ. Рѣзко выдѣляются здѣсь крупные кусты Swertia lactea, которую не трогаетъ скотъ, вѣроятно, вслѣдствіе ея ядовитыхъ свойствъ. По временамъ, среди этихъ луговинъ попадаются ямы съ водой, нѣчто вродѣ такъ называемыхъ „бочаговъ“.

---

1) См. карту, приложенную къ „Флорѣ Памира“, составл. *О. А. Федченко* („Труды Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада“ т. XXI).

2) Наше опредѣленіе высоты перевала Кой-тезека дало цифры болѣе высокія, чѣмъ принято: въ среднемъ около 15,000'. Первыя Myricaria на 13,455', первыя Salix на 13,334'.

Ямы эти представляютъ нѣкоторое препятствіе для движенія каравана.

Немного далѣе направленіе нашего пути мѣняется, такъ какъ по сліяніи съ ручьемъ, текущимъ отъ Кой-тезека, ручья, текущаго изъ озера Турумъ-тай-куль, общій ручей течетъ почти прямо на сѣверъ. Туда и мы направились. Характеръ мѣстности здѣсь сильно измѣнился. Теперь мы ѣхали по каменистому пологому склону, по широкой долинѣ; слѣва течетъ соединенный ручей, который отсюда собственно получаетъ названіе Токузъ-булакъ. Разстояніе отъ перевала Кой-тезекъ до сюда не превышаетъ 10 верстъ. Въ своихъ очеркахъ Шугнана, Серебрянниковъ [1]) подробно описываетъ маршрутъ отъ Кой-тезека до Кала-и-баръ-Пянджа, подраздѣляя его на семь участковъ.

Для удобства, при описаніи своего маршрута, я буду приводить свои замѣчанія о показаніяхъ Серебрянникова согласно его подраздѣленіямъ. Первый участокъ показанъ имъ слишкомъ длиннымъ — 12 верстъ. Далѣе онъ говоритъ, что здѣсь „на всемъ протяженіи этого участка дороги . . . сначала кустарники, а потомъ даже и небольшія деревца тальника“ — мы видѣли, что кустарная ива появляется едва лишь на полдорогѣ, т. е. верстахъ въ 5 отъ перевала, а „деревцовъ“ и вовсе не замѣтно. — Въ „урочищѣ Токузъ-булакъ“, т. е. немного ниже сліянія рѣчекъ, текущихъ отъ Кой-тезека и изъ Турумъ-тай-куля, по словамъ Серебрянникова „растетъ много деревьевъ, и это объясняется тѣмъ, что повсюду много воды, а зимою бываетъ много снѣга“. Опять таки, по нашему мнѣнію, здѣсь растутъ не деревья, а кустарная ива. Тѣмъ не менѣе, надо вполнѣ согласиться съ Серебрянниковымъ, что мѣстность здѣсь удобная для стоянки — много воды, есть топливо и хорошій кормъ. Растительность съ каждымъ шагомъ становилась все разнообразнѣе и интереснѣе. — Отмѣтимъ прежде всего хорошія кормовыя травы: Elymus, Stipa turkestanica Hackel а также приземистые многолѣтники: Sedum Olgae, Inula rhizocephala. Наконецъ здѣсь росли Swertia lactea, Winklera silaifolia — характернѣйшее шугнанское растеніе,

---

1) Очерки Шугнана, состав. капит. *Серебрянниковъ*. („Сбор. матер. по Азіи“ вып. LXX С. П. Б. 1896 г. стр. 9 и слѣд.).

Epilobium latifolium. Изъ кустарниковъ здѣсь росли: та же Salix и еще Lonicera Olgae.

Было однако уже довольно поздно, и намъ не разъ приходилось давать отдыхъ нашимъ утомленнымъ лошадямъ. Почти совершенно стемнѣло уже, когда мы дошли до новаго поворота долины, у небольшой скалистой горки; здѣсь замѣтили мы новыхъ представителей флоры, растенія кустарныхъ зарослей ивы: Astragalus secundus, Libanotis condensata. А еще немного дальше у ручья, чрезъ который предстояло намъ перебираться, во множествѣ цвѣлъ красивый Epilobium latifolium. Ручей этотъ, еще одинъ правый притокъ Токузъ-булака, доставилъ большія затрудненія намъ: къ вечеру отъ таянія снѣговъ вода сильно прибыла въ немъ и намъ едва удалось перейти на другой его берегъ. Было уже совершенно темно, когда мы встрѣтили верхового таджика, посланнаго съ мѣста ночлега нашего каравана къ намъ навстрѣчу. Еще чрезъ четверть часа ѣзды по каменистой трапѣ мы были въ юртѣ въ урочищѣ Джиланды, гдѣ уже былъ разведенъ огонь, грѣлся чайникъ и варилась пища.

На утро, 21 іюля, предстоялъ переходъ не очень большой, верстъ въ 30, и потому мы имѣли возможность ознакомиться съ растительностью мѣста нашей стоянки въ ур. Джиланды, и также и по пути въ долинѣ Токузъ-булака.

Около Джиландовъ, на высотѣ 12.200′ растительность уже совершенно лишена представителей высокогорной флоры. У ручья здѣсь порядочныя заросли ивняковъ, кусты которыхъ достигали здѣсь уже значительныхъ размѣровъ. Сильно развиты здѣсь и болотистыя луговины съ густымъ зеленымъ дерномъ, образованнымъ разнообразными злаками и осоками. Выше надъ долиной начинаются каменистые склоны. Мы уже упомянали о каменистой тропинкѣ, по которой пришлось намъ пробираться наканунѣ вечеромъ, предъ самыми Джиландами. Оказалось, что въ этомъ мѣстѣ образовался каменный завалъ долины Токузъ-булака (табл. I.).

Сейчасъ же за Джиландами долина снова поворачиваетъ вправо. Очень недалеко, верстахъ въ 3-хъ отъ Джиландовъ, находятся горячіе источники, Иссыкъ-булакъ, славившіеся когда-то своей цѣлебной силой. Температура воды достигаетъ здѣсь приблизительно 70°. Ключи окружены топкимъ солонцомъ. Здѣсь же приблизительно находятся и первыя старыя пашни, остатки прежняго земле-

дѣльческаго населенія, когда то жившаго на Токузъ-булакѣ и ушедшаго отсюда главнымъ образомъ вслѣдствіе причинъ политическихъ. Здѣсь именно на Токузъ-булакѣ, были замѣчены эти старыя пашни еще Д. Л. Ивановымъ.[1])

Пройдя мимо теплыхъ ключей, мы встрѣтили великолѣпное бобовое растеніе, оказавшееся новымъ видомъ, притомъ чрезвычайно характернымъ для Шугнана. Это былъ описанный нами Astragalus Scheremetevianus. На востокъ онъ не идетъ дальше Токузъ-булака и Яшель-куля, гдѣ былъ собранъ Паульсеномъ.

Немного дальше, на каменистыхъ склонахъ попадались красивые Hedysarum cephalotes var. schugnanicum, а также крупные Heracleum Olgae съ желтыми цвѣтами. Здѣсь же встрѣчались: Ephedra monosperma, Artemisia togusbulakensis, Acantholimon parviflorum, Trigonella Emodi, Cicer songoricum, Astragalus lasiosemius, Elymus lanatus.

Въ руслѣ рѣки у ивняковъ, встрѣчались иныя растенія: Salix oxycarpa, Lonicera microphylla, Libanotis condensata, Swertia lactea, Rumex domesticus, Erigeron sp., Euphrasia Fedtschenkoana, Astragalus secundus.

Тропа идетъ все время по пологому каменистому склону, по временамъ переходя черезъ боковые ручьи, притоки Токузъ-булака. Въ одномъ мѣстѣ, въ урочищѣ Акъ-тайлякъ, долина нѣсколько расширяется и замѣтны уже болѣе ясные слѣды посѣвовъ, чѣмъ тѣ, которые мы встрѣтили выше по долинѣ.

Почти здѣсь же къ ивнякамъ въ долинѣ присоединяется и тополь (Populus nigra), растущій здѣсь въ видѣ небольшого деревца между ивъ.

Немного дальше мы ѣдемъ около самаго ручья. На прибрежномъ пескѣ, около ивняковъ, встрѣчаемъ мы здѣсь первые Eremurus. Не много ихъ здѣсь въ плодахъ, но одинъ изъ нихъ, къ счастью нашему, оказался въ цвѣту, очевидно, это второе цвѣтеніе. По красивымъ желтымъ цвѣтамъ сразу было видно, что это Eremurus stenophyllus, характерный для Гиндукуша и горной Бухары.

Еще дальше, и ивняки настолько увеличиваются въ

---

1) *Ивановъ Д. Л.*, Шугнанъ, гл. XII („Вѣстникъ Европы“ 1885 г. Іюль, стран. 68—9).

размѣрахъ, что приходится ѣхать мѣстами уже дѣйствительно въ тѣни ивняковаго *лѣса.*

Здѣсь гдѣ-нибудь находится урочище Марджанъ-дара, составляющее грань между 2-мъ и 3-мъ участками пути, въ описаніи Серебрянникова. Разстояніе отъ „Токузъ-булака“ показано имъ въ 28 верстъ, что является немного преувеличеннымъ. „Почти на всемъ протяженіи этого перехода встрѣчаются кусты тальника, *облѣпихи, шиповника и можжевельника;* образующіе нерѣдко такъ называемые туган или заросли.“ По нашимъ наблюденіямъ, составъ древесной и кустарной растительности иной, хотя и нельзя отрицать возможности присутствія здѣсь облѣпихи и даже и шиповника и можжевельника (т. е. арчи).

Въ дальнѣйшемъ пути намъ пришлось взбираться по узкой каменистой тропѣ надъ обрывомъ, причемъ въ особенности труденъ былъ спускъ. Спустившись по кручѣ внизъ, мы были опять у Токузъ-булака, который и перешли по довольно сносному мостику въ 4 верстахъ выше впаденія его въ р. Гунтъ. Дальнѣйшій путь шелъ по песчано-каменистой мѣстности. Характеръ растительности въ общемъ здѣсь тотъ же, что и выше по Токузъ-булаку. Надо отмѣтить здѣсь однако рѣдкое зонтичное Ferula schugnanica B. Fedtsch. болѣе ни откуда не извѣстное.

Долина здѣсь расширена, тѣмъ болѣе, что почти незамѣтно мы вступаемъ уже въ самую долину Гунта. Вправо виднѣется отдѣльный бугоръ, заслоняющій собою верхнюю долину Гунта. Прямо передъ нами стѣна западнаго продолженія хребта Базаръ-дары, а влѣво открывается болѣе широкая долина Гунта.

Проѣхавъ нѣсколько сотъ саженъ далѣе, мы встрѣчаемъ и первые посѣвы — уже въ долинѣ Гунта. Всего выше до 11.000′ идутъ посѣвы ячменя и гороха; немного ниже, на 10.670′ встрѣтили мы пшеницу и рапсъ, переѣхавъ въ бродъ ручей Паршидъ.

Еще немного дальше по долинѣ Гунта — и мы приближаемся къ урочищу Ванкала. На противоположномъ правомъ берегу Гунта виденъ напротивъ кишлакъ Сардымъ, въ свое время (1883 г.) бывшій крайнимъ пунктомъ движенія въ Шугнанъ Д. Л. Иванова. На нашемъ лѣвомъ берегу, въ верстѣ отъ насъ, у начала подъема горныхъ склоновъ, видна была роща, находящаяся у могилы

святаго, Хазретъ-имамъ. Могила мало чѣмъ отличается отъ обычныхъ могилъ.

Проѣхавъ еще немного по долинѣ, мы останавливаемся на ночлегъ въ „бесѣдкѣ“, сплетенной изъ ивняковыхъ вѣтвей, въ урочищѣ Ванъ-кала, на площадкѣ, около зарослей ивняковъ. Вьючныя лошади находятъ здѣсь себѣ достаточно обильный кормъ.

Насъ встрѣчаютъ здѣсь первые шугнанцы, узнавшіе о нашемъ движеніи вглубь Шугнана. Въ числѣ этихъ

Рис. 2. Шугнанцы и ихъ земледѣльческія орудія.

шугнанцевъ былъ и благородный Азисъ-ханъ, съ которымъ судьба столкнула насъ при иныхъ обстоятельствахъ чрезъ три года послѣ этой первой встрѣчи, и которому я обязанъ въ сильной степени успѣхомъ своихъ работъ въ Шугнанѣ.

Тутъ, въ Ванъ-кала, мы встрѣтили массу разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній; кромѣ пестрыхъ костюмовъ шугнанцевъ, кромѣ непривычныхъ звуковъ страннаго шугнанскаго языка, весьма большое удовольствіе доставила намъ возможность разнообразить наше памирское меню *зеленью*, — былъ сваренъ супъ съ зеленымъ горошкомъ.

Здѣсь же мы достали и десятокъ яицъ. которыя однако оказались всѣ тухлыми (см. рис. 2, на стр. 12).

Ночь въ „бесѣдкѣ“ почти то же, что подъ открытымъ небомъ; но благодаря умѣренному климату холода мы не испытывали.

На слѣдующій день, 22 іюля, отправились мы дальше, внизъ по Гунту. Проѣхавъ версты 3 по сравнительно ровной мѣстности, мы дошли затѣмъ до каменныхъ развалоѣ, образовавшихся отъ разрушенія скалъ, подходящихъ близко къ Гунту съ лѣвой стороны. — Здѣсь, въ урочищѣ Паринакъ прекрасно виденъ (табл. II.) общій характеръ долины Гунта въ его верховьяхъ; распиренная котловина, по которой спокойно течетъ рѣка; по берегамъ ея — песчаныя отмели, покрытыя отчасти ивняковыми зарослями, а справа, слѣва и на заднемъ планѣ возвышаются горы. Выходъ Гунта изъ этой котловины не виденъ отсюда.

Проѣхавъ еще версты двѣ, мы стали подниматься на громадный каменный развалъ, стѣснившій собою всю долину Гунта. Рѣка здѣсь совершенно неузнаваема, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы видѣли выше, въ котловинѣ. Здѣсь, въ развалѣ, она очень не широка и бурливо пѣнится среди каменныхъ глыбъ (табл. III). Между тѣмъ, здѣсь, на камняхъ, встрѣтились намъ новыя растенія. Здѣсь было много красивыхъ шиповниковъ, Rosa Webbiana, были таже кустарники Cotoneaster. На сухихъ склонахъ росли здѣсь также: Cynoglossum anchusoides, Euphorbia virgata, Artemisia, Cousinia, Cirsium arvense, Mulgedium tataricum, Ephedra, Ferula.

На луговинахъ, подобныхъ той, которыя были и на мѣстѣ нашего ночлега, росли; Trifolium repens, Melilotus officinalis, Cirsium esculentum, Swertia lactea, Euphrasia, Pedicularis dubia, Gentiana barbata, Orchis turkestanica, Inula rhizocephala.

У рѣки Гунта росли: Salix, Hippophäe rhamnoides, Rosa, Myricaria germanica vor. alopecuroides.

Поднявшись на вершину развала, мы увидѣли каменную башню (рис. 2), очевидно остатокъ тѣхъ временъ, когда этотъ пунктъ представлялъ серьезное стратегическое значеніе. Впереди предъ нами открывалась новая котловина Гунта и въ этой котловинѣ наиболѣе интереснымъ пунктомъ были

остатки укрѣпленія Чартымъ, представляющіе семь довольно солидныхъ башенъ (см. рис. 3).

Въ двухъ верстахъ отъ Чартыма находится небольшой прудъ-заводь, въ которомъ была собрана[1]) нами водная растительность, состоявшая изъ: Hippuris vulgaris, Potamogeton pectinatus, Rumex Hydrolapathum.

Описывая участокъ пути отъ Марджанъ-дары до кип-

Рис. 3. Башня предъ Чартымомъ.

лака Чартымъ, Серебрянниковъ сообщаетъ свѣдѣнія не вполнѣ согласующіяся съ нашими данными, что̀ объясняется тѣмъ, что въ настоящее время дорога сильно исправлена, устроенъ мостъ на р. Токузъ-булакъ, раздѣланы карнизы по нему. Бродъ черезъ р. Паршидъ, по словамъ Серебрянникова, „крайне непріятенъ и даже опасенъ“.

---

1) Уже въ 1904 году.

Этого мнѣ не пришлось наблюдать. — Дорога отъ Сардыма до Чартыма была въ то время (1896 г.) очень трудной: „подъемъ и въ особенности спускъ съ этой груды камней положительно убійственный“. Теперь и здѣсь раздѣлана вьючная тропа.

На разстояніи въ 6 верстъ отъ Чартыма находится кишлакъ Виръ. Путь до него идетъ сначала по ровной мѣстности, потомъ незначительный подъемъ на скалы и затѣмъ опять по равнинѣ. Виръ представляетъ удобное мѣсто для стоянокъ.

Отъ Вира мы продолжаемъ нашъ путь вдоль по Гунту, сообразуясь съ изгибами его долины. Черезъ 2 версты пути по равнинѣ мы проѣзжаемъ мимо моста черезъ Гунтъ, а дальше мы вынуждены опять подниматься на скалу, Штамъ-паринъ, и въ настоящее время представляющій нѣкоторое затрудненіе для вьючнаго движенія. До разработки этого „парина“ въ 1897 г., здѣсь было едва проходимое мѣсто и обыкновенно старались идти въ обходъ.

Здѣсь на скалахъ попадались чрезвычайно интересныя и оригинальныя сложноцвѣтныя Inula Schmalhauseni.

Дальнѣйшія 12 верстъ пути до кишл. Воджъ не представляютъ никакихъ затрудненій и въ то же время на этомъ переходѣ не наблюдалось ничего особенно интереснаго. Тропа идетъ все почти время по щебнистой равнинѣ. На противоположномъ, правомъ берегу Гунта виднѣется кишлакъ Штамъ и долину рѣчки того же имени. Здѣсь вышли мы на пути изъ Рошана въ Шугнанъ въ августѣ 1904 года.

Кишлакомъ Воджъ оканчивается 4-ый участокъ пути въ описаніи Серебрянникова. Описаніе его опять таки не вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ, такъ какъ чрезвычайныя трудности и „треугольная трещина“ уничтожились со времени раздѣлки дороги. Серебрянниковъ говоритъ, что на этомъ переходѣ встрѣчается кишлакъ Шитамъ. Здѣсь, повидимому, небольшое недоразумѣніе, т. к. кишлакъ Ш(и)тамъ находится на противоположномъ *правомъ* берегу Гунта, тогда какъ на нашемъ пути лежитъ кишлакъ Немацъ.

Сейчасъ же у кишлака Воджъ переѣзжаемъ черезъ ручей того же имени, вытекающій изъ ледниковъ.

Далѣе, въ 5 верстахъ отъ Воджа мы проѣзжаемъ чрезъ кишлакъ Насивъ. Здѣсь въ долинѣ Гунта отмѣтимъ большой ивняковый лѣсъ, представляющій чрезвычайную чащу.

Черезъ двѣ версты мы приближаемся къ ручью Саръ-міона-дара. — Здѣсь влѣво видно три ледника въ хребтѣ; но несомнѣнно, что въ верховьяхъ этого ручья ледниковъ гораздо больше. Намъ пришлось ѣхать по разливамъ этого ручья, а затѣмъ перебираться и чрезъ главное русло его въ бродъ, причемъ переправа представляла весьма существенныя затрудненія: отъ таянія снѣговъ въ горахъ воды сильно прибавились и намъ едва удалось перебраться. Черезъ два года, но не въ іюлѣ, а въ августѣ, мы переправились чрезъ эту рѣчку безъ всякихъ затрудненій: воды въ ней было очень немного.

Съ противоположной стороны къ Гунту вплотную подходитъ круто обрывающаяся скала, а съ нашей стороны подходитъ къ рѣкѣ выносъ долины Саръ-міона-дара; вслѣдствіе этого рѣка здѣсь сильно стѣснена, бурлитъ и образуетъ небольшой водопадъ.

Проѣхавъ чрезъ небольшой кишлакъ Саръ-міона, состоящій всего изъ одного дома, мы подъѣхали къ довольно крутому подъему зигзагами, на перевалъ чрезъ поперечную гряду, загородившую собой долину Гунта. По мягкому грунту безъ особыхъ затрудненій поднялись мы на вершину перевала, откуда открывается превосходный видъ на долину Гунта, въ обѣ стороны.

Спускъ съ перевала гораздо легче, чѣмъ подъемъ. Черезъ двѣ версты мы переѣзжаемъ чрезъ сухой ручей Бондъ-дару, а еще чрезъ двѣ — чрезъ р. Садъ-дару, въ разливахъ которой находятся заросли кустарниковъ, а среди нихъ одинокое деревцо арчи Juniperus excelsa, вообще не часто встрѣчающейся въ Шугнанѣ. Черезъ нѣсколько сотъ саженъ проѣзжаемъ мимо кишлака Садъ. На противоположномъ берегу Гунта, немного ниже, находится кишлакъ Дебаста. Здѣсь возможно переѣхать Гунтъ въ бродъ, по крайней мѣрѣ въ невысокую воду (наприм., въ августѣ 1904 года). На прибрежныхъ пескахъ здѣсь растутъ во множествѣ Eremurus Olgae.

Въ 2-хъ верстахъ отъ кишлака Садъ, находится кишлакъ Гарджевинъ, не доѣзжая котораго мы переѣзжаемъ ручей того же имени. Около этого кишлака изобиліе Heracleum barbatum.

Доѣхать въ одинъ день до кишлака Ривакъ, какъ предполагалось, не удалось и потому мы остановились на ночлегъ

около рѣки Гунта, въ прибрежныхъ ивнякахъ. Отдыхъ дѣйствительно былъ необходимъ для всѣхъ.

На утро 23 іюля мы сдѣлали еще одинъ переходъ, уже послѣдній, по долинѣ Гунта и дошли до укр. Хорогъ.

Пройдя немного по долинѣ рѣки недалеко отъ русла ея по карнизу надъ рѣкой, мы повернули затѣмъ нѣсколько

Рис. 4. Ривакъ.

влѣво, съ тѣмъ чтобы перейти по небольшому мостику ручей Ривакъ, впадающій въ Гунтъ. Здѣсь же, у небольшого арыка, отведеннаго изъ р. Ривакъ, на дерновинахъ удалось намъ найти замѣчательное растеніе, которое я описалъ, какъ новый видъ — Primula Warshenevskiana[1]).

1) Названо это растеніе въ честь А. К. Варженевскаго, извѣстнаго садовода и ботаника.

Видъ этотъ близокъ къ Гималайскому виду Pr. rosea и Зеравшанскому Pr. Olgae. Онъ представляетъ замѣчательныя морфологическія особенности: длина черешка листа и высота цвѣточной стрѣлки измѣняется очень сильно. Собраны экземпляры съ цвѣтками, сидящими одиночно у самаго корня и на этихъ же экземплярахъ имѣются стрѣлки длиной около 10—15 см. съ нѣсколькими (отцвѣтшими) цвѣтами.

Здѣсь же у кишлака Ривакъ нами собраны образцы Шугнанской березы, которую я выдѣлилъ въ особую разновидность — Betula alba L. var. schugnanica. У кишлака Ривакъ отмѣтимъ двѣ скалы, находящіяся въ долинѣ Гунта, и, благодаря своей формѣ, рѣзко бросающіяся въ глаза (рис. 4, стр. 17).

Ривакомъ заканчивается пятый участокъ пути въ описаніи Серебрянникова. Въ этой части пути наши наблюденія вполнѣ сходятся.

Чрезъ 2 версты пути отъ кишлака Ривакъ направленіе долины нѣсколько мѣняется, — оно склоняется влѣво, т. е. къ югу. Еще черезъ двѣ версты мы проѣзжаемъ чрезъ кишлакъ Шашвозъ; затѣмъ чрезъ 6 верстъ кишлакъ Вінвъ (рис. 5, стр. 19) и наконецъ чрезъ 6 верстъ еще мы находимся у моста чрезъ Гунтъ близъ кишлака Богивъ. По этому то мосту мы переходимъ на правый берегъ Гунта, которымъ и слѣдуемъ еще 6 верстъ по каменистой мѣстности, поднимаясь и опускаясь. Спустившись наконецъ къ самому Гунту, мы затѣмъ должны идти еще 4 версты вдоль Гунта, но уже по болѣе трудной дорогѣ — по узкой тропѣ, раздѣланной въ видѣ карниза, по временамъ очень высоко надъ рѣкой. Пройдя этотъ карнизъ, мы выходимъ опять на каменную болѣе ровную мѣстность — мы находимся около сліянія Гунта съ Шахъ-дарой. Рѣка, получившаяся отъ сліянія этихъ двухъ, носитъ разныя названія: ее называютъ и Сучанъ, и Хорогъ, или же продолжаютъ именовать Гунтомъ.

Здѣсь оканчивается 6-ой участокъ пути Серебрянникова. Мостъ въ то время „пѣшеходный и не прочный“. Карнизъ трудный и теперь, какъ былъ и тогда „затруднителенъ даже для вьюковъ“.

Отъ сліянія рѣкъ направленіе долины рѣзко мѣняется — теперь мы направляемся прямо на западъ, гдѣ въ 4-хъ верстахъ отъ насъ находится русское укрѣпленіе Хорогъ; около него кишлакъ того же имени, а въ 8-ми верстахъ

рѣка впадаетъ въ Пянджъ и задній планъ панорамы замыкается Бадахшанскими горами. Путь до укрѣпленія здѣсь очень нетруденъ и тропа проходитъ по культурной мѣстности среди посѣвовъ. Безъ труда возможно здѣсь движеніе въ повозкахъ.

Задолго до прибытія нашего къ укрѣпленію Хорогъ мы

Рис. 5. Долина р. Гунтъ ниже Ривака.

были встрѣчены начальникомъ русскаго поста, поручикомъ Яременко, а также и бухарскимъ бекомъ Ишанъ-кулемъ со свитой.

Хорогъ (табл. IV) — небольшое русское укрѣпленіе, построенное въ 1897 г. и служащее въ настоящее время штабъ-квартирой всего Памирскаго отряда, раскинутаго на 5 постовъ: Хорогскій, Ишкашимскій, Ляшгарь-гиштскій, Памирскій,

удачно въ смыслѣ примѣненія къ климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ страны, тѣмъ болѣе что здѣсь же обитаютъ и бухарскія власти съ бекомъ во главѣ. Правда, за послѣдніе годы власть ихъ сдѣлалась почти номинальной, ко благу населенія. Съ стратегической точки зрѣнія выборъ мѣста для укрѣпленія представилъ серьезныя затрудненія, такъ какъ съ господствующихъ высотъ фортъ можетъ быть обстрѣливаемъ. Съ другой стороны было необходимо строить укрѣпленіе именно здѣсь, такъ какъ здѣсь находится узловой пунктъ путей по Пянджу, Гунту и Шахъ-дарѣ. Русское укрѣпленіе построено на правомъ берегу Гунта, на краю каменной террассы на высотѣ 4—5 саженъ надъ рѣкой. Строенія расположены въ видѣ четырехъугольника, причемъ строенія (помѣщенія для офицеровъ и канцелярія, помѣщенія для нижнихъ чиновъ, конюшни) все это выстроено весьма основательно. Немного ниже по Гунту расположенъ и домъ бека, находящійся въ большомъ саду, тоже по краю каменистой террассы Гунта (рис. 6, стр. 21).

На слѣдующій день, 24 іюля, утромъ къ намъ явился съ визитомъ бекъ Ишанъ-куль съ двумя сыновьями своими. Во время этого посѣщенія мы получили приглашеніе на торжественный обѣдъ къ беку, въ тотъ же день. Отправились мы всѣ, вмѣстѣ, конечно, съ начальникомъ поста П. М. Яременко, и могли хорошо ознакомиться съ бухарской кухней. Началось по обычаю со сластей, затѣмъ былъ данъ чай и только послѣ этого стали подавать жареныя и вареныя мясныя блюда. Въ общемъ было всего чрезвычайно много. Вечеромъ въ тотъ же день намъ пришлось познакомиться еще съ двумя выдающимися мѣстными жителями, судьба которыхъ была впослѣдствіи очень различна. Одинъ — это поручикъ Ѳ. Глуздовскій, начальникъ Ишкашимскаго укрѣпленія, лежащаго на Пянджѣ, верстахъ въ 80-ти выше Хорога. Глуздовскій выѣхалъ въ тотъ день утромъ изъ своего укрѣпленія и къ 6 час. вечера прибылъ, со своимъ джигитомъ въ Хорогъ. Знакомство съ нимъ было очень интересно, такъ какъ онъ разсказалъ намъ много подробностей о странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его слова и его примѣръ показывали, что является вполнѣ возможнымъ въ два — три дня совершить крайне интересную поѣздку по Пянджу и увидѣть много интереснаго. Такимъ образомъ было принято рѣшеніе на слѣдующее же утро отправиться въ Ишкашимскій постъ.

Другой почетный гость того дня былъ ишанъ Сеидъ Юсуфъ-Али-Ша, жившій въ селеніи Паршневъ, верстахъ въ восьми отъ Хорога и являющійся духовной главой всего Шугнана. Умное, энергичное лицо Сеидъ-Юсуфа произвело на всѣхъ насъ сильное впечатлѣніе, хотя и трудно было предвидѣть, до какой степени велико вліяніе его въ Шугнанскомъ народѣ.

На слѣдующее утро, 25-го іюля, мы постарались выѣхать возможно рано изъ Хорога. Лошади были приготов-

Рис. 6. Садъ въ Хорогѣ.

лены свѣжія, чтобы дать нашимъ лошадямъ возможность нѣсколько отдохнуть.

Выѣхавъ изъ укрѣпленія, мы проѣхали около сотни саженъ старой дорогой вверхъ по Гунту, доѣхали до моста и по нему перебрались на лѣвый берегъ Гунта. Тутъ мы снова свернули въ обратномъ направленіи, внизъ по Гунту, слѣдуя по возвышенной террассѣ, командующей надъ Хорогскимъ укрѣпленіемъ. Черезъ двѣ версты начинается незначительный подъемъ, который и выводитъ насъ на вершину перемычки, отдѣляющей долину Гунта отъ долины

Пянджа. Съ перемычки этой открывается красивый видъ на сліяніе Гунта съ Пянджемъ и значительные участки до́линъ обѣихъ рѣкъ.

Повернувъ влѣво, мы направились вверхъ по Пянджу. Сейчасъ же пришлось намъ спускаться по довольно крутому склону среди зарослей кустарниковъ Rosa, Lonicera и отдѣльныхъ деревьевъ орѣха (Juglans regia). Изъ травянистой растительности выдѣляющійся интересъ представляли здѣсь, на склонѣ, высокіе стройные Scaligeria elata.

Рис. 7. Рѣка Пянджъ.

Спустившись къ Пянджу, мы ѣхали вдоль него. Въ это время года въ рѣкѣ была полая вода, тропа нерѣдко оказывалась залитой водой и намъ приходилось пускаться на розыски бродовъ въ заливахъ рѣки или-же взбираться на крутизны скалъ. На обратномъ пути черезъ два дня воды въ рѣкѣ было уже значительно меньше и самыхъ трудныхъ обходныхъ путей намъ не пришлось снова искать — можно было пользоваться обычной тропой.

Растительность скалъ во многомъ отличается отъ растительности болѣе рыхлыхъ осыпей и склоновъ. На скалахъ мы замѣтили такія формы какъ Campanula incanescens, Inula

Schmalhauseni. Мѣстами на скалахъ имѣются выходы ключей; здѣсь обнаженіе подъ вліяніемъ постоянно просачивающейся влаги сильно метаморфизуется, а среди растеній появляются такія рѣдкости, какъ Primula Warshenevskiana, Adiantum capillus veneris, не считая обычныхъ Aquilegia lactiflora, Equisetum ramosissimum и другихъ (рис. 7, стр. 22).

Значительно отличается наконецъ растительность луговъ вдоль ручьевъ, гдѣ встрѣчается не мало гидрофильныхъ и бореальныхъ растеній. Видное мѣсто здѣсь занимаютъ однако и такія формы, какъ Heracleum. Совсѣмъ особнякомъ стоятъ наконецъ исполины Ferula gigantea B. Fedtsch. n. sp. (См. табл. V и VI.) встрѣтившіяся немного ниже по Пянджу, между кишлакомъ Дармарахомъ и Андеробомь, въ урочищѣ Пасъ-Хорогъ. Нигдѣ больше, ни въ 1901, ни въ 1904 г., не попадалось мнѣ это рѣдчайшее растеніе — только на противоположной, авганской сторонѣ, противъ Дармараха-Андероба, виднѣлись (въ 1901 г.) кое-гдѣ заросли этого растенія.

Проѣхавъ по карнизамъ Торсы, чрезъ незначительный боковой перевалъ Канабинъ, ручей и кишлакъ Вруджакъ, кишлакъ Вожакъ, мы остановились на небольшой отдыхъ только въ кишлакѣ Пишъ, въ 18-ти верстахъ отъ Хорога, подъ тѣнью абрикосоваго дерева, плодами котораго мы и угощаемся. Отъ кишлака Пишъ есть тропа къ одному изъ перевaловъ, ведущихъ въ сторону Шахъ-дары. Изъ растительности здѣсь, немного ниже кишлака, Cissus aegyrophylla, Trichodesma incanum. Здѣсь же у кишлака протекаетъ ручей Морджакъ, по которому можно пройти къ перевалу Риджунъ-хефъ, выводящему на Шарфъ-дару.

Выше по Пянджу проѣзжаемъ по карнизу Морджакъ паринъ а затѣмъ прибываемъ въ кишлакъ Нишузъ (онъ же Дармарахъ), гдѣ снова останавливаемся. Здѣсь кишлакъ довольно большой и въ немъ много деревьевъ. Изъ плодовъ здѣсь отмѣтимъ вишни и яблоки. Послѣдніе были еще не зрѣлы, но во время второго путешествія (въ 1904 году) я былъ въ Нишузѣ въ августѣ и могъ вполнѣ оцѣнить здѣшніе сорта яблокъ, и культивируемыя здѣсь груши. (Рис. 8, стр. 24.)

Въ 5 верстахъ за Нишузомъ мы проѣзжаемъ по карнизу Барджи, хорошо устроенному, около самой рѣки, но вслѣдствіе того не рѣдко размываемому водой, какъ это и было напримѣръ въ 1904 г. Въ прежнее время это мѣсто

славилось, какъ большое затрудненіе для пути. Шли обыкновенно чрезъ боковой перевалъ Биджунтъ, въ обходъ этого мѣста. Нѣкоторые путешественники упоминаютъ о какомъ то туннелѣ, будто бы здѣсь существующемъ, „Кугузъ-паринъ“. Трудностью сообщенія обусловливалось между прочимъ то обстоятельство, что именно здѣсь проходила граница между двумя областями, когда то независимыми: Шугнаномъ (къ сѣверу) и Гораномъ (къ югу).

Рис. 8. Кишлакъ на Пянджѣ.

Черезъ версту мы проѣзжаемъ по котловинѣ у ручья, около котораго развита буйная растительность, и между прочимъ, въ изобиліи встрѣчаются тѣ гиганты Ferula gigantea B. Fedtsch., о которыхъ было уже упомянуто выше. Прибавимъ, что туземцы называютъ это растеніе „вицекъ“, а сѣмена его „комоль“, сухіе же стебли Ferula Jaeschkeana, въ изобиліи встрѣчающіеся всюду, называютъ „роу“. Мѣстность эта называется Хосъ-Хорогъ, здѣсь есть и посѣвы, сильно засоренные между прочимъ Phragmites communis, Melilotus officiralis; однако, постояннаго людского жилья здѣсь нѣтъ.

Здѣсь же замѣтили мы два дерева урюка, быть можетъ одичалыя.

Проѣхавъ затѣмъ по небольшому карнизу, около котораго снова собрали Primula Warshenevskiana, мы переѣзжаемъ по мостику р. Андеробъ или Гармъ-чашму, одну изъ географическихъ загадокъ Шугнана, и поднимаемся въ кишлакъ Андеробъ.

Въ Андеробѣ я сдѣлалъ двѣ небольшихъ экскурсіи — одна дала мнѣ возможность собрать сорную растительность посѣвовъ. Отмѣчу здѣсь прежде всего интересную Elsholtzia densa Benth., которая распространена преимущественно въ Индіи, хотя и заходитъ въ Бухарскій Дарвазъ. Упомяну еще о множествѣ Acanthocephalus Benthamianus. Другая экскурсія была сдѣлана мною вверхъ по р. Андеробъ (т. е. Гармъ-чашмѣ), на скалы, гдѣ самымъ интереснымъ растеніемъ оказалась та же Campanula incanescens, которую мы видѣли уже раньше на Пянджѣ.

Перемѣнивъ лошадей, мы направились изъ Андероба далѣе вверхъ по Пянджу.

Въ 5 верстахъ отъ Андероба мы проѣзжали мимо мѣста разработки, высоко въ горѣ, такъ называемыхъ „рубиновъ“. Мы не имѣли времени на обслѣдованіе копей, но получили отъ туземцевъ образцы добываемаго тамъ минерала, повидимому — шпинели.

Въ 5 верстахъ выше рубиновыхъ копей мы проѣзжаемъ чрезъ кишлакъ Ситъ. Слѣдующіе кишлаки носятъ наименованія Ваузъ и Шамбеды. Затѣмъ почти десять верстъ никакихъ кишлаковъ не встрѣчается. Между тѣмъ уже совсѣмъ стемнѣло, а тропа лѣпится по крутому обрыву, очень высоко, въ тысячѣ футовъ слишкомъ надъ рѣкой, такъ что приходилось ѣхать осторожно, шагомъ. Было уже совсѣмъ темно, когда мы добрались до кишлака Казыды, гдѣ рѣшили еще разъ перемѣнить лошадей. Это оказалось однако не такъ легко, такъ какъ всѣ уже спали въ селеніи и мы едва нашли кого-то. Сейчасъ же за Казыды проѣзжаемъ по небольшому карнизу Рофакъ-и-Шингаръ, затѣмъ по болотинѣ. Въ трехъ верстахъ отъ кишлака Казыды находимъ кишлакъ Баршоу. Здѣсь какъ разъ въ этотъ вечеръ остановилась на ночлегъ экспедиція графа А. А. Бобринскаго. Я зналъ, что въ составъ экспедиціи входитъ мой хорошій знакомый, московскій зоологъ Н. В. Богоявленскій и поэтому, не смотря

на поздній уже часъ, мы всѣ направились къ ставкѣ графа, гдѣ и были любезно приняты. Насъ усиленно убѣждали остаться на ночлегъ въ кишлакѣ Баршоу, но я рѣшилъ продолжать нашъ путь до конца — до Ишкашимскаго укрѣпленія. Было уже близко къ полночи, когда мы простились съ гр. А. А. Бобринскимъ и двинулись въ дальнѣйшій путь. Особенно непріятно путешествіе въ темнотѣ, притомъ по разливамъ р. Пянджъ, гдѣ каждую минуту рискуешь попасть на глубокое мѣсто или въ быстрину, да еще на спускѣ, который пришлось намъ сдѣлать въ обходъ однаго изъ рукавовъ Пянджа. Черезъ день, на обратномъ пути, намъ на этотъ спускъ уже не пришлось идти, такъ какъ воды въ Пянджѣ немного убыло, въ тому же днемъ мы могли вообще смѣлѣе пускаться по рѣчнымъ разливамъ.

До Ишкашимскаго укрѣпленія добрались мы часамъ къ тремъ ночи и разумѣется поспѣшили лечь спать.

Слѣдующее утро, 26-го іюля, было посвящено прежде всего осмотру самаго укрѣпленія, а затѣмъ ознакомленію съ природой долины Пянджа.

Укрѣпленіе Ишкашимское построено около самаго Пянджа, рукава котораго густо заросли здѣсь ивнякомъ и облѣпихой. Говорятъ, въ чащѣ здѣсь попадаются даже кабаны, несмотря на порядочную абсолютную высоту (8200′). Укрѣпленіе выстроено возлѣ самой заросли кустарника, на каменистой терассѣ. Вслѣдствіе этого къ укрѣпленію можно подойти незамѣченнымъ буквально вплотную. Впрочемъ самое названіе „укрѣпленіе“ черезчуръ громко для небольшой глиняной мазанки, въ которой помѣщается офицеръ съ нѣсколькими солдатами, составляющими гарнизонъ „укрѣпленія“.

Мы сказали уже, что укрѣпленіе построено на сухой каменистой терассѣ. Кромѣ различныхъ травъ, здѣсь растутъ также некрупные кустарники Ephedra procera, Atraphaxis spinosa, Colutea arborescens.

Въ заливной долинѣ Пянджа, кромѣ ивняковъ, встрѣчается мѣстами и гидрофильная луговая растительность образующая луговины. На такихъ лугахъ, кромѣ злаковъ и осокъ, мы собрали еще Oxytropis glabra.

На югъ отъ поста видъ на долину Пянджа замыкается отрогами Гиндукуша, который здѣсь впервые пришлось намъ увидѣть. Еще ночью, подъѣзжая къ посту, мы

видѣли Гундукушъ, такъ какъ тамъ бушевала сильная гроза, и молніи, скорѣе зарницы, почти непрерывно освѣщали горы.

Среди дня выступили мы въ обратный путь къ Хорогу, уже по знакомой намъ дорогѣ. Въ Шамбедахъ обогнали мы гр. Бобринскаго съ его караваномъ, въ Сизъ пріѣхали уже, когда совсѣмъ почти стемнѣло, почему и рѣшили тамъ заночевать.

На утро 27 іюля выѣхали изъ Сиза очень рано и къ полудню возвратились уже въ Хорогъ, чѣмъ и закончили свою поѣздку вверхъ по Пянджу.

Остатки этого дня и весь слѣдующій (28 іюля) ушелъ на укладку вещей и сборъ въ обратный путь, а также на различные переговоры съ бекомъ и поручикомъ Яременко.

Жалко было разставаться съ чудной страной, съ гостепріимными людьми, и тѣмъ непріятнѣе былъ тягостный обратный путь чрезъ тотъ же Памиръ. Однако избрать другой путь, при состояніи нашего каравана, не было возможности. Предполагавшееся же мной путешествіе чрезъ Гиндукушъ въ Индію не могло осуществиться въ виду отказа англо-индійскаго правительства пропустить меня въ Гильгитъ въ виду якобы „большой опасности тѣхъ мѣстностей“.

29 іюля двинулись мы изъ Хорога и дошли до Ривака. На слѣдующій день (30 іюля) были въ Ванкалѣ, 31-го дошли до Джиландовъ и уже 1-го августа были на перевалѣ Кой-тезекъ, гдѣ вступили въ предѣлы Памира. Наши шугнанскіе провожатые, Азисъ-ханъ съ спутниками, дошли до слѣдующаго нашего ночлега въ Ходжа-назарѣ, гдѣ и распростились съ нами.

Первое посѣщеніе Шугнана было закончено. Я увѣренъ былъ тогда же, что оно для меня не будетъ послѣднимъ.

Путешествіе 1904 года.

2. Отъ перевала Кой-тезекъ къ верховьямъ Шахъ-дары.

Ровно чрезъ три года послѣ того, какъ первый разъ переходилъ я чрезъ перевалъ Кой-тезекъ, былъ я снова на этомъ перевалѣ.

19-іюля (1904 г.) мы сдѣлали переходъ отъ Сассыкъ-куля до перевала Кой-тезекъ и взявъ влѣво отъ перевала, начали немного спускаться, остановившись вскорѣ и на ночлегъ въ юртѣ, въ киргизскомъ аулѣ, уже на шугнанской сторонѣ. Погода стала хмуриться, пока мы шли по лощинѣ ведущей отъ Ходжа-назара къ перевалу Кой-тезекъ, начинался небольшой снѣжокъ, и было очень холодно, такъ что добравшись до аула, первое о чемъ мы позаботились, это набрать топлива — той же Памирской полыни, и скорѣе развести огонь. Аулъ, въ которомъ мы расположились, находился на берегу ручья, именуемаго Горумды, текущаго отъ ледниковъ, виднѣвшихся на сѣверномъ склонѣ хребта и образующаго истинную вершину Тогузъ-булака. Изъ ледниковъ упомянутаго хребта видно было ясно *три* крупныхъ ледника, длиною 1—3 версты, а также большія снѣговыя поля.

На слѣдующее утро (20 іюля) мы направились въ дальнѣйшій путь (7 ч. у.). По берегамъ ручья не растаялъ еще образовавшійся за ночь ледъ, когда я осматривалъ растительность этой мѣстности. На луговинкахъ у ручья росли: Oxytropis humifusa, Cerastium alpinum, Leontopodium alpinum. На каменистыхъ мѣстахъ я замѣтилъ Primula nivalis и Saxifraga flagellaris. Въ особенности интересно было послѣднее растеніе, такъ какъ здѣсь впервые встрѣтилъ я его, на всемъ Памирѣ его никто не находилъ, а здѣсь, въ сотнѣ метровъ отъ условной границы Памира, оно уже нашлось. Дальше, въ

Шугнанѣ, его встрѣчалъ я всюду у высокихъ перевaловъ. Надо думать, оно найдется и на Памирѣ.

Мы направились вдоль ручья Горумды, по пологимъ каменистымъ склонамъ, общій характеръ растительности которыхъ мало отличается отъ Памирскихъ склоновъ. Здѣсь росли тѣ же полукустарники Tanacetum tenuifolium и кустистыя Smelovskia pectinata, Astragalus pamiricus, Chorispora songarica, Draba alpina. Тропа, по которой мы направились теперь, держалась все время направленія вдоль долины р. Тогузъ булака, только значительно выше уровня этой рѣки. Такимъ образомъ, мы двигались параллельно нашему пути 1901 года, только *выше* него.

Я рѣшилъ направиться прежде всего въ верховья р. Шахъ-дары, чрезъ мало извѣстный перевалъ Карагорумъ. Первоначально я однако думалъ осмотрѣть озеро Турумтай-куль, лежащее немного въ сторонѣ отъ упомянутаго перевала. Двигаясь все время, какъ уже сказано, надъ Тогузъ-булакомъ, мы должны были перейти чрезъ три его боковыхъ притока — всѣ они носятъ названіе Учь-колъ съ прибавленіемъ порядковаго числительнаго: 1-ый, 2-ой и 3-ій.

Влѣво виднѣлся хребетъ съ большими залежами вѣчныхъ снѣговъ. Въ верховьяхъ Учь-коловъ виднѣлись и ледники (въ верховьяхъ 2-го Учькола не менѣе 2-хъ ледниковъ, въ верховьяхъ 3-го Учькола одинъ большой ледникъ и вѣроятно, кромѣ него и другіе.

Характеръ растительности въ описываемой мѣстности мѣняется съ очень большой постепенностью, поэтому я привожу всѣ свои замѣтки.

Около 1-го Учь-кола на каменистыхъ склонахъ росли Acantholimon diapensioides, Acantholimon alatavicum, Arenaria Griffithi, Artemisia (сѣд. кусты), Dracocephalum discolor, Hedysarum cephalotes, Cousinia sp., Astragalus alatavicus, Macrotomia perennis, Ziziphora clinopodioides, Dracocephalum sp., Papaver alpinum, Artemisia rupestris, Swertia marginata, Myosotis alpestris, Allium узк. лист., Ranunculus Aucheri. У самаго ручья (1-ой Учь-колъ) на луговинѣ злаки, осоки, Polygonum viviparum, Leontopodium alpinum. Между 1-мъ и 2-мъ Учь-колами на возвышенности я осмотрѣлъ растительность около сухого ложа небольшого ручья. На дерновинахъ здѣсь росли: Ranunculus flexicaulis, Ranunculus sp., Eutrema Przevalskii, Gentiana синяя, Gentiana falcata. Немного далѣе, но еще не доѣзжая

2-го Учькола, на сухой равнинѣ появилась Winklera silaifolia, характернѣйшее Шугнанское растеніе, нигдѣ на собственномъ Памирѣ не встрѣчающееся. Спускъ ко 2-му Учь-колу сначала косой, потомъ зигзагами. Здѣсь встрѣтилась мнѣ Памирская Tanacetum pamiricum.

У самаго ручья на луговинѣ хорошій кормъ для скота. Здѣсь паслось стадо яковъ (до сотни). Подъемъ по наклонной тропѣ, затѣмъ узкій гребень и сейчасъ же спускъ къ 3-му Учь-колу. Отъ этого ручья подъемъ по склону съ болѣе мягкой почвой и вмѣстѣ съ тѣмъ, растительность совершенно иного характера — луговины съ Geranium collinum, Kobresia и Cicer. Выше опять выѣзжаемъ на сухую каменистую равнину. Проѣзжаемъ мимо небольшого ручья съ водой и далѣе мимо ряда небольшихъ озеръ (три озерца) длиной саженъ по 30—40: затѣмъ сухія ложа двухъ ручьевъ, занесенныя пескомъ и каменьями, и наконецъ (въ 11 ч. 30 м. утр.) мы остановились у озерца, находящагося въ котловинѣ ручья, вытекающаго отъ озера Турумтай и текущаго въ тотъ же Токузъ-булакъ. Ручей, вытекающій изъ озера Турумтай, образуетъ множество заводей, или небольшихъ озеръ, на которыхъ плавали многочисленные выводки утокъ атаекъ.

Добравшись до берега самаго озера, мы остановились на песчаномъ береговомъ валу — вродѣ озерной дюны. Озеро было неспокойно — вѣтеръ вздымалъ на немъ сильныя волны. Погода сильно хмурилась и вскорѣ пошла крупа.

Собравъ жалкихъ представителей флоры, обитавшихъ на упомянутомъ береговомъ валу — Cerastium trigynum, Smelovskia sp., мы покинули озеро и направились (12 ч. 45 м. дн.) къ перевалу Карагорумъ. Нашъ путь шелъ по каменистымъ склонамъ съ довольно бѣдной растительностью. Передъ не крутымъ подъемомъ къ перевалу мы проѣхали мимо еще одного небольшого озерца, а затѣмъ поднимались вверхъ по долинѣ незначительнаго ручья, причемъ по временамъ приходилось итти по очень вязкому грунту. Тѣмъ не менѣе, подъемъ къ перевалу надо считать весьма легкимъ. Ровно въ 2 ч. д. мы были на широкомъ гребнѣ перевала и начали спускаться. На перевалѣ въ это время снѣга совершенно не было, только на одной вершинѣ къ востоку замѣтилъ я немного снѣга. Спускъ къ верховьямъ Шахдары значительно круче, чѣмъ подъемъ. Характеръ растительности сначала тотъ же, что и при подъемѣ — тѣ же каменистые

склоны и тѣ же вязкія альпійскія луговины. Постепенно однако появляются одно за однимъ растенія, которыхъ на сѣверномъ склонѣ мы не видѣли, и которыхъ тамъ и нѣтъ. Наконецъ ниже по ущелью ручья Карагорумъ, по которому идетъ спускъ, появляются уже и представители древесной растительности — виды Salix.

Вотъ тѣ растенія, которыя отмѣчены мной на каменистыхъ склонахъ при спускѣ съ перевала Карагорумъ: Dracocephalum, Draba, Diplopappus, Smelovskia pectinata, Cerastium trigynum, Poa attenuata, Lagotis синяя, Arenaria, Pedicularis бѣлый, Geranium collinum glandulosum, Sedum Olgae, Macrotomia perennis, Cousinia (мелкоперистая). На сырыхъ луговинахъ: Allium monadelphum, Eutrema Przevalskii, Primula nivalis.

Въ 4 ч. 50 м. спускъ по ущелью р. Карагорумъ былъ законченъ и мы находились на равнинѣ — въ котловинѣ Джаушангузъ, образующей верховья р. Шахъ-дары. Черезъ нѣсколько минутъ пути по травянистымъ лугамъ котловины мы были около выставленной киргизками юрты, въ которой и расположились. Кромѣ всей нашей партіи, кромѣ киргизъ, выставившихъ намъ юрту и съѣхавшихся сюда къ намъ навстрѣчу, какъ на тамашу, тутъ было не мало шугнанцевъ таджиковъ, заслышавшихъ какъ о нашемъ приближеніи, такъ и о возвращеніи вмѣстѣ съ нами ихъ любимыхъ вождей. Картина получалась величественная и поучительная.

Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ спутниковъ, Азисъ-ханъ, стремился однако удалиться на нѣкоторое время отъ насъ. Дѣло въ томъ, что неподалеку отъ мѣста нашей стоянки, гдѣ то въ ущельи скрывалась семья его. Азисъ-хану хотѣлось воспользоваться случаемъ и повидаться со своими, женой и дѣтьми. Я не рѣшился отпустить его одного, опасаясь какого-нибудь насилія со стороны бухарцевъ я предложилъ ему взять съ собой хотя бы одного казака. Азисъ ханъ съ казакомъ Балобановымъ отправились, а я принялся за распросы собравшейся публики, стараясь выяснить топографическія условія мѣстности, систему рѣкъ и перевалы въ бассейны другихъ рѣкъ. Затѣмъ рѣчь перешла на мѣстныя названія разныхъ предметовъ и въ особенности деревьевъ и кустарниковъ, по шугнански и по вахански. Здѣсь для меня впервые выяснилась громадная разница, существующая между этими двумя нарѣчіями. Къ концу вечера

мы углубились въ область исторіи, установили родословную владѣтелей Шахдаринскихъ начиная съ полулегендарныхъ выходцевъ изъ Хоросана, перешли затѣмъ къ воспоминанію о тяжелой участи Вахана въ недалекомъ прошломъ и сожалѣнію о едва ли не болѣе тяжеломъ его современномъ положеніи. Опальный управитель ваханскій, Аманъ бекъ, говорилъ много и горько . . .

3. Перевалъ Врангъ.

Утромъ 21-го іюля я раздѣлилъ нашъ караванъ на двѣ партіи: одна должна была итти внизъ по Шахъ-дарѣ, подъ начальствомъ старшаго казака Балобанова. Съ нимъ я отправилъ почти весь нашъ багажъ, предписавъ двигаться внизъ по Шахъ-дарѣ и ожидать насъ въ одномъ изъ кишлаковъ — какъ я предполагалъ въ Кибени. Самъ же я, съ двумя другими казаками и частью остальныхъ людей, предпринялъ обслѣдованіе прилежащей части хребта, отдѣляющаго долину Шахъ-дары отъ Вахана, т. е. долины Пянджа. Распросныя свѣдѣнія объ этихъ перевалахъ были неясны и неопредѣленны. Единственный изъ этихъ переваловъ, по имени Врангъ, пройденный въ прошломъ году русскимъ офицеромъ, сотникомъ Голявинскимъ, представлялъ, по его словамъ, чрезвычайныя трудности. Къ этому то перевалу я и направился съ мѣста нашей стоянки въ верховьяхъ Шахъ-дары, направился съ сѣвера — Голявинскій шелъ съ юга. Сдѣлавъ нѣсколько сотъ саженъ внизъ по долинѣ рѣки, по урочищу Джаушангузъ, мы переѣзжаемъ вбродъ рѣку, которая еще не носитъ здѣсь названія Шахъ-дары.

Вся котловина, именувшая Джаушангузъ, представляетъ совершенно выжженную солнцемъ безплодную повидимому пустыню, гдѣ мѣстами растетъ одинъ лишь терскенъ и видъ напоминаетъ Памирскій пейзажъ. На самомъ дѣлѣ, однако, котловина эта вовсе не безплодна, она только заброшена: мѣстами попадаются слѣды прежнихъ полей и несомнѣнно, при орошеніи, культура здѣсь вполнѣ возможна. Возлѣ самой рѣки и сейчасъ не мало зеленыхъ луговинъ съ хорошей травой — встрѣчаются: Poa, разные виды Carex, Potentilla, также Primula farinosa; около переправы чрезъ рѣку я замѣтилъ также: Libanotis condensata, Astragalus Laxmanni,

Elymus glaucus, Astragalus brachytropis, Astragalus secundus и изъ кустарниковъ Myricaria.

У выхода рѣки Киргизъ-уй, притока Джаушангуза, мы оставили широкую котловину Джаушангуза и пошли вверхъ по Киргизъ-ую. Наши двѣ вьючныя лошади однако направились нѣсколько иначе, именно продолжали путь прямо, свернувъ лишь при устьи р. Врангъ.

Путь по ущелью Киргизъ-уя петруденъ и интересенъ. Близко къ тропѣ подходятъ мѣстами отвѣсныя скалы, стѣсняющія теченіе рѣки. Среди растительности отмѣтимъ: Ribes orientale var. schugnanicum B. F. (по шугн. чиразъ, по ваханск. штинъ), а также Lagochilus diacanthophyllus, Acantholimon parviflorum, Cousinia тонк. лист., Euphorbia Esula. На луговинахъ у рѣки попадаются небольшія болотца и въ нихъ растутъ Ranunculus natans, Rumex domesticus.

Вскорѣ мы переѣзжаемъ въ бродъ на лѣвый берегъ Киргизъ-уя, съ тѣмъ, чтобы немного далѣе снова перебираться на правый. Передъ нашими глазами вдали показался величественный снѣговой пикъ, въ которомъ я угадалъ колоссальную снѣговую вершину, названную десять лѣтъ тому назадъ пикомъ Царя Миротворца (рис. 9).

Долина Киргизъ-уя сохраняла все время свой прежній характеръ. Изъ вновь замѣченныхъ мной растеній назову Cicer tragacanthoides, Cousinia красная. Переѣхавъ снова на правый берегъ Киргизъ-уя, мы вскорѣ переходимъ чрезъ небольшой его притокъ, ручей Зоргинъ-зрафъ. Въ ущельи этого ручья, говоритъ Азисъ ханъ, скрывается сейчасъ его семья . . . Изъ растительности отмѣтили здѣсь массу Corydalis Gortschakowii, первый признакъ высокогорной области; назову также Chrysanthemum Stoliczkai. Здѣсь растетъ еще и кустарникъ-ивнякъ, который я счелъ было уже имѣющимъ здѣсь свой верхній предѣлъ.

Вскорѣ послѣ Зоргинъ-зрафа тропа поднимается немного вверхъ и мы проходимъ мимо каменныхъ загоновъ для скота, евлаха, или айлака, подобные какому будутъ намъ встрѣчаться повсюду въ ущельяхъ Шугнана. Немного дальше — и мы при сліяніи двухъ ручьевъ, Ростоу-дары и Реджисъ-хатцака. Въ Ростоу больше воды, она мутная; въ верховьяхъ этого ущелья виднѣется великолѣпная снѣговая вершина, съ подавляющимъ количествомъ снѣга — это пикъ Царицы Маріи.

Въ Реджисѣ воды меньше, она почти прозрачная, въ ущельи виднѣются горы лишь съ малымъ количествомъ снѣга — Пикъ Царя Миротворца.

Рис. 9. Пикъ Царя-Миротворца.

Переѣхавъ чрезъ Реджисъ, мы снова были у небольшого айлака, на ровной площадкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ намъ предстояло подниматься по очень крутому землистому и травянистому склону. Подъемъ съ остановками для отдыха лошадей и сбора растеній, по временамъ путь пѣшкомъ, съ лошадьми въ поводу, — все это заняло около двухъ часовъ времени.

Растительность этого склона богата и разнообразна.

Передъ концомъ подъема небольшая луговина съ остатками каменной хижины — еще айлакъ. Отсюда предъ нами открывался великолѣпный видъ. Пикъ Царицы Маріи на три четверти закрытъ находящейся предъ нимъ менѣе высокой, но болѣе близкой вершиной. Зато весь пикъ Царя Миротворца совершенно открытъ и является въ всемъ своемъ поразительномъ величіи. Далѣе, на западъ отъ него, тянется цѣлая цѣпь — семь величественныхъ пиковъ, основаніями

своими сидящихъ на сплошь снѣговомъ водораздѣльномъ хребтѣ. Картина была поразительная!

Поднимаемся еще немного — и мы на вершинѣ слегка всхолмленнаго плато, мѣстами болотистаго, мѣстами съ выходами скалъ, около которыхъ сохранился мѣстами не растаявшій снѣгъ. Тутъ же имѣется и небольшое озерцо — „дахтъ-куль“. Отсюда видъ еще поразительнѣе — въ снѣговомъ хребтѣ на югѣ виднѣется и котловина Вранга, можно различить и пики къ западу отъ перевала. А на сѣверѣ, вдали, въ туманѣ, также виднѣется снѣговой хребетъ, — горы за Шахъ-дарой.

Въ южномъ же хребтѣ можно различать ледники:

№ 1 — Спускается съ Пика Царя Мивотворца, большой.
№ 2 — тоже.
№ 3 — лѣвѣе предыдущихъ, по размѣрамъ не меньше ихъ.
№ 4 — небольшой, въ боковомъ ущельи.
№ 5 — ближе къ перевалу Врангъ.
№ 6 — тоже.
№ 7 — маленькій ледникъ еще ближе къ перевалу.

Растительность плато крайне бѣдная, Памирскаго типа. Отдѣльные кустики травъ удалены мѣстами на цѣлыя сажени. Изъ растеній, здѣсь встрѣченныхъ, назову Erysimum altaicum, Smelovskia pectinata, Cerastium trigynum. Отъ тающихъ снѣговъ здѣсь мѣстами образуются ручьи, вдоль которыхъ развиты луговины со слѣдующей растительностью: Primula nivalis, Eutrema Przevalskii, Aster flaccidus, Saxifraga hirculus, Carex var. sp.

Версты чрезъ двѣ пути по описываемому плато мы дошли до начала чрезвычайно крутого спуска — и съ вершины этого спуска предъ нами открывалась новая интересная картина: предъ нами была котловина перевала Врангъ, ручьи Кой-гирданъ прямо подъ нами, и ручей текущій отъ перевала Врангъ; видно было также три озерца въ котловинѣ, а, на востокѣ, вдали красовался все тотъ же величественный Пикъ Царя Миротворца.

Погода стала хмуриться, начала падать крупа, и спускъ сталъ для насъ еще непріятнѣе. По чрезвычайной крутизнѣ, по осыпи, пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, спустились мы здѣсь, причемъ спускъ занялъ ровно часъ — мы спусти-

лись внизъ футовъ на 500, къ ручью Кой-гирданъ, гдѣ и остановились пить чай.

Вдоль ручья были небольшія луговины съ характерной альпійской растительностью. Между камней росъ Astragalus съ чрезвычайно красивыми вишнево красными цвѣтками, оказавшійся особой формой описаннаго мною же Astragalus schugnanicus.

Рис. 10. Перевалъ Врангъ (видъ съ сѣвера).

Послѣ остановки и перехода чрезъ ручей намъ предстояло снова немного подняться на небольшой увалъ и затѣмъ сейчасъ же спускаться къ ручью Врангъ. Увалъ этотъ оказался чрезвычайно интереснымъ, такъ какъ выяснилось, что онъ сложенъ изъ порфировъ, которые сглажены, повидимому, дѣйствіемъ ледника, а на противоположномъ берегу ручья видны отвѣсные, сглаженные ледникомъ, известняки. Кромѣ трехъ упомянутыхъ, видно также еще и четвертое озеро.

Мы были въ половинѣ четвертаго уже у ручья Врангъ и тамъ остановились на ночлегъ. Вскорѣ пришли туда же и вьючки наши, которые шли другой, болѣе удобной дорогой, прямо вверхъ по р. Врангъ, не дѣлая описанныхъ

мною крутыхъ восхожденій и труднаго спуска. Мы разбили нашу палатку и довольно сносно провели морозную ночь. По части питанія мы, оказалось, не захватили съ собой соли, такъ что пришлось уже въ видѣ замѣны соли выискивать различныя острыя растенія. (Рис. 10.)

Вечеръ 21-го іюля былъ посвященъ собиранію высокогорной растительности по ручью и каменистымъ склонамъ выше мѣста нашего ночлега. Мы постарались возможно скорѣе закончить всѣ дѣла и раньше лечь спать, такъ какъ на утро предстояло подняться до разсвѣта съ тѣмъ, чтобы по возможности рано пройти по леднику.

Ночь была морозная и когда мы выступали, температура еще не поднялась до 0°. Мы вышли со стоянки въ 4 ч. 45 м. у., причемъ лошадей должны были отправить обратно, но могли пользоваться двумя кутасами (т. е. яками, Bos gruniens). Кутасы — незамѣнимое животное для движенія по ледникамъ и вообще для перехода чрезъ высокіе перевалы, такъ какъ обладаютъ чрезвычайно сильными легкими, не скользя идутъ по льду и съ баснословной ловкостью перепрыгиваютъ съ камня на камень. Въ теченіе часа мы шли вдоль ручья, большей частью, по камнямъ, до начала ледника, прикрытаго въ нижней своей части мореной. Подняться намъ пришлось за этотъ часъ приблизительно на 350 футовъ, но характеръ мѣстности уже сильно измѣнился. Мѣстами около ручья лежалъ не растаявшій снѣгъ. Впереди виденъ былъ большой ледникъ, спускающійся съ перевала Врангъ, слѣва (отъ насъ) виднѣлся еще одинъ крупный ледникъ, а справа — маленькій висячій. Растительности было вдоль ручья очень мало, отмѣтимъ здѣсь Waldheimia.

Въ 5 ч. 45 м. начали мы подниматься по леднику, сначала по моренѣ, затѣмъ по льду и фирну, и въ теченіе двухъ часовъ поднимались, дѣлая лишь самыя краткія остановки для отдыха людей, изъ которыхъ иные совершенно изнемогали. Безъ четверти въ восемь часовъ утра мы были на вершинѣ перевала Врангъ. (Рис. 11.)

Перевалъ представляетъ довольно узкій (саженъ десять) фирновой гребень или вѣрнѣе перемычку въ гребнѣ хребта, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ отъ него возвышаются снѣговые склоны. Справа однако мѣстами и выше перевала склонъ былъ обнаженъ отъ снѣга. Съ точностью опредѣлить высоту перевала было трудно, такъ какъ анероидъ и одинъ

гипсотермометръ уже не давали показаній вовсе, а на другомъ гипсотермометрѣ ртуть недошла немного до начала его дѣленій (84° приблизительно безъ 0,3, хотя, конечно, тамъ уже трубка не градуирована). Температура въ тѣни была немного выше 0° (1,5), но солнце грѣло хорошо. Впереди предъ нами виднѣлись восхитительные снѣговые пики Гиндукуша, въ видѣ сахарныхъ головокъ и вершина, которую назвали Шугниаво, а сзади, вдалекѣ, виднѣлась цѣпь снѣговыхъ Шугнанскихъ горъ. Вправо отъ насъ виденъ былъ

Рис. 11. Гребень перевала Врангъ.

камень Цунсатъ, а около него, по словамъ таджиковъ, перевалъ чрезъ хребетъ. Тутъ же виднѣлся великолѣпный висячій ледникъ, а влѣво отъ насъ небольшой ледникъ, замѣтно спускающійся въ долину и прикрытый мелко щебнистой мореной. Выше этого ледника, лѣвѣе отъ насъ, лежитъ другой ледникъ, значительныхъ размѣровъ (не менѣе 2 верстъ длины), съ массой трещинъ, очень красивый и тянущійся по долинѣ.

Пробывъ на перевалѣ двадцать минутъ, мы двинулись

дальше. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по фирну на своемъ кутасѣ я попалъ затѣмъ на щебнистый обрывъ, начало южнаго склона перевала. Обрывъ этотъ такой крутизны, что я едва удержался со своимъ кутасомъ, чтобы не полетѣть внизъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ. Съ трудомъ остановивъ кутаса, я спрыгнулъ съ него и началъ спускаться пѣшкомъ.

Первый обрывъ — одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ всего спуска съ Вранга. Въ верхнихъ частяхъ этого каменистаго спуска не замѣтно никакой растительности, и только

Рис. 12. Ледникъ Каляндеръ-гумъ.

значительно ниже появляются отдѣльные кустики многолѣтниковъ и дерновины злаковъ. (Рис. 12.)

Первыми отмѣчены мною: Chorispora macropoda и какіе то злаки. Затѣмъ появляются постепенно: Primula nivalis, Ranunculus rufosepalus, Smelovskia pectinata, Oxytropis immersa, Draba alpina. Пройдя по древней моренѣ ледниковъ Каляндеръгума, мы спускаемся по крутымъ зигзагамъ, но все же не слѣзая съ кутаса. На половинѣ этого спуска замѣчаемъ два каменныхъ загона для скота, внизу спуска нѣсколько такихъ загоновъ. Это мѣста стоянокъ ваханскихъ пастуховъ,

хотя пастбища здѣсь болѣе чѣмъ плохи. На этомъ спускѣ отмѣчены нами: Astragalus (exscapus), Dracocephalum Nepeta? (синія), Astragalus Schugnanicus purpureus, Calamagrostis anthoxanthoides, Aster flaccidus, Lloydia serotina, Corydalis Gortschakowi, Diplopappus Poncinsii, Allium monadelphum. Нѣсколько ниже появлаются Potentilla fruticosa var., Delphinium Brunonianum, Cicer songoricum (крупный).

Переправившись два раза чрезъ р. Врангъ въ бродъ, въ 10 ч. 50 м. мы останавливаемся на отдыхъ въ ур. Гоутъ, гдѣ пасется нѣсколько коровъ и три лошади, которыми мы и пользуемся для дальнѣйшаго нашего пути.

Ур. Гоутъ представляетъ очень незначительное расширеніе долины р. Врангъ, подъ основаніемъ отвѣсной горы Шугниаво. Отдыхая, подкрѣпляя свои силы горячимъ чаемъ, мы пробыли въ этомъ мѣстѣ съ часъ, т. е. почти до полудня, и къ тому времени температура поднялась весьма значительно — термометръ при барометрѣ показывалъ 31°.

Выйдя съ мѣста стоянки въ ур. Гоутъ, мы сейчасъ же должны были переправиться чрезъ рѣку, разлившуюся на много рукавовъ, на лѣвый ея берегъ, а тамъ карабкаться на каменистую осыпь, подъ которой течетъ рѣка. Осыпь эта стѣсняетъ рѣку сильно, такъ что рѣка, пробивая каменный завалъ, образуетъ красивый водопадъ. Тропа по осыпи настолько плоха, что моя слабая лошадь не вывезла меня и мнѣ пришлось спѣшиваться.

Чрезъ 40 мин. мы проѣзжаемъ ур. Саманинъ, гдѣ справа впадаетъ въ р. Врангъ ручей, ниспадающій великолѣпнымъ водопадомъ съ паденіемъ саженъ въ тридцать. Изъ растительности отмѣтимъ здѣсь появленіе: Zozimia, Pyrethrum Stoliczkai, Conioselinum schugnanicum — это многолѣтники уже не высокогорнаго характера, хотя никакихъ кустарниковъ или другихъ признаковъ растительности болѣе низкой зоны и не было еще замѣтно. Скоро однако появляются и другіе признаки перемѣны растительности, а именно первые кустики Myricaria germanica. Въ 1 ч. 20 м. мы переѣзжаемъ р. Врангъ снова въ бродъ, на правый ея берегъ. Справа впадаетъ ручей Вамбифъ, въ верховьяхъ котораго виденъ очень красивый сильно истрескавшійся висячій ледникъ. Ручей Вамбифъ также ниспадаетъ водопадомъ, болѣе широкимъ, чѣмъ Саманинъ, но и болѣе короткимъ. Въ верховьяхъ Вамбифа долженъ быть еще по крайней мѣрѣ одинъ ледникъ.

Проѣхавъ затѣмъ по карнизу по землистой осыпи, гдѣ тропа довольно трудная, мы снова спускаемся къ рѣкѣ.

Въ 1 ч. 55 м. мы переѣзжаемъ р. Коджирафъ, вытекающую изъ ущелья и имѣющую также небольшой водопадъ, но не красивый. На верху виднѣется, не совсѣмъ отчетливо, небольшой висячій ледникъ.

Четверть часа спустя мы проѣзжаемъ мимо рабата Коджирафъ, искусно сдѣланныя для барановъ загородки изъ камней.

Съ лѣвой стороны здѣсь впадаетъ въ р. Врангъ бурный ручей Достъ-и-Коджирафъ, вытекающій изъ ущелья. Вода въ этомъ ручьѣ мутная, ледниковая. Мы переправляемся здѣсь съ трудомъ чрезъ р. Врангъ, въ нѣсколькихъ шагахъ ниже устья р. Достъ-и-Коджирафа и идемъ затѣмъ по лѣвому берегу. Растительность здѣсь окончательно измѣнилась: Myricaria растутъ здѣсь въ видѣ громадныхъ кустовъ, кромѣ того появилась облѣпиха (Hippophaë rhamnoides), шиповникъ съ розовыми цвѣтами (Rosa Webbiana).

Нѣсколько верстъ идетъ путь по долинѣ рѣки съ такой растительностью, а затѣмъ появляются и ивы (Salix oxycarpa) въ видѣ довольно крупныхъ деревцовъ, около которыхъ устроены опять загородки для скота.

Далѣе тропа становится опять трудною, приходится пробираться по камнямъ, лошадь должна прыгать и въ концѣ концовъ мы поднимаемся на скалы, съ которыхъ должны спускаться по очень трудному, чрезвычайно крутому спуску. Здѣсь опять, конечно, мы спѣшиваемся и въ теченіе четверти часа съ трудомъ спускаемся. Это мѣсто, называемое Винтуръ, представляетъ также одно изъ труднѣйшихъ на пути чрезъ Врангъ.

Спустившись къ рѣкѣ, мы перешли по только что устроенному мостику на правый берегъ, которымъ и шли. Около тропы виденъ еще одинъ рабатъ — Береткоръ. Перейдя затѣмъ по мосту опять на лѣвый берегъ, мы идемъ немного ивняковымъ лѣсомъ, а потомъ по осыпи, гдѣ тропа идетъ однако горизонтально.

Вскорѣ затѣмъ начинается снова крутой подъемъ къ перевалу Дарвоза чрезъ боковой отрогъ. Подъемъ этотъ мы совершаемъ въ четверть часа и ровно въ 5 ч. дня мы на вершинѣ его, откуда видна долина Пянджа, кишлаки, Гиндукушъ, а ближе всего, рядомъ съ нами, на возвышеніи

вправо отъ перевала — красивыя развалины Сіапушской башни. Съ перевала внизъ спускъ очень крутой, но хорошій, тропа идетъ зигзагами по мягкому грунту и черезъ полчаса быстраго хода мы были уже внизу, въ кишлакѣ Врангъ, спустившись футовъ на 600 (ниже перевала Дарвоза), у амина. Пробывъ у него нѣсколько минутъ, обмѣнявшись оффиціальными привѣтствіями, мы продолжали нашъ путь до сосѣдняго кишлака Внукутъ, гдѣ и остановились въ домѣ нашего спутника Аманъ-бека. Было шесть часовъ вечера. Мы съ радостью помѣстились на уютной террассѣ дома бывшаго Ваханскаго волостнаго, принялись за разборку коллекцій и записей, приготовляя въ то же время и ужинъ. Какова же была радость самаго Аманъ-бека, попавшаго къ себѣ домой, куда онъ и не разсчитывалъ уже попасть когда-либо.

4. Поѣздка въ Лянгаръ-гиштъ.

На утро 23 іюля оказалось, что для людей нашихъ необходимо дать хотя бы одинъ день отдыха послѣ столь тяжелаго перехода чрезъ Врангъ. Мы же рѣшили, въ свою очередь, воспользоваться этимъ днемъ для осмотра выше лежащей части долины р. Пянджа и посѣщенія Лянгаръ-гиштскаго поста, который оставался въ сторонѣ отъ нашего маршрута.

Въ началѣ восьмого часа утра мы выѣхали, на свѣжихъ лошадяхъ, изъ кишлака Внукутъ, вверхъ по Пянджу.

Первый кишлакъ — знакомый уже намъ кишлакъ Врангъ. Отмѣтимъ тамъ посѣвы табака, а въ ручьяхъ Ranunculus natans и Hippuris vulgaris. Далѣе слѣдуетъ кишл. Инивъ, расположенный противъ авганскаго кишлака Ишмырхъ, отъ котораго идетъ ущелье къ Гиндукушскому перевалу Ишмыръ. Слѣва видны двѣ снѣговыя вершины, одна острая, другая пологая. Слѣва изъ ущелья вырывается ручей Дара-и-Инивъ.

Въ верховьяхъ ущелья Ишмыра виднѣется повидимому ледникъ, въ боковомъ ущельи справа отъ насъ.

Изъ луговъ сорной растительности возлѣ Инива отмѣтимъ: Cynoglossum anchusoides, Acroptilon picris, Vaccaria vulgaris, Melilotus officinalis, Cirsium arvense, Carum Carvi, Gentiana barbata, Trifolium repens, Artemisia vulgaris, Glycyrrhiza, Geranium collinum eglandulosum.

Противъ устья р. Ишмыръ нашъ берегъ скалистъ и

тропа идетъ по скаламъ. Пяндж̀ъ здѣсь совершенно подходитъ къ нашему берегу. Скалы образуютъ здѣсь нѣкоторое возвышеніе, въ видѣ преграды въ долинѣ, и отъ дѣйствія вѣтра здѣсь скопляются отложенія сыпучаго дюннаго песка, погребающаго постепенно скалы. На пескѣ этомъ мы замѣчаемъ характерное растеніе Iphiona, а также Glycyrrhiza. Эта мѣстность носитъ названіе Скортъ-шуй. Напротивъ виденъ кишлакъ Пакуй, на правомъ берегу ручья Пакуй-Даргоу.

Затѣмъ мы переѣзжаемъ чрезъ ручей Даргоу-Нишгаръ, отличающійся своей мутной водой, вырывающейся изъ узкой щели въ сланцахъ. Дорога идетъ все время по галькѣ, на которой растутъ Arnebia guttata, Ephedra. Сейчасъ же за ручьемъ находится и крохотный кишлакъ Нишгаръ, пріютившійся у склона горы. Здѣсь всего три дома. Нѣсколько пирамидальныхъ тополей оживляютъ картину.

Переѣзжаемъ затѣмъ небольшой ручей Дрижъ, за которымъ находится и кишлакъ того же имени. Здѣсь отмѣтимъ посѣвы ячменя и проса. Ячмень здѣсь уже молотятъ. Для отдыха здѣсь есть хорошія мѣста въ тѣни деревьевъ.

Слѣдующій ручей называется Шаргинъ. Мы ѣдемъ у рѣки, а кишлакъ того же имени расположенъ влѣво, на скалѣ. Это хорошій пунктъ для обстрѣла авганской стороны и нижняго, а отчасти и верхняго теченія Пянджа.

Здѣсь, у Пянджа, встрѣтились мы съ Сарбаланд-али-ша, братомъ извѣстнаго Алимардан-ша, игравшаго видную роль въ исторіи страны. Немного дальше, тропа снова поднимается надъ долиной рѣки. Здѣсь имѣется источникъ минеральной углекислой воды превосходнаго вкуса, у самой тропы.

Постепенно поднимаясь, мы выбрались на вершину увала Гызъ-воръ. Здѣсь имѣется небольшой рабатъ, т. е. каменная загородка. Впереди по долинѣ рѣки видно Кала-и-Пянджъ, и ручей Даргоу-и-Пянджъ, впадающій въ Пянджъ, съ громаднымъ ледникомъ. Длина этого ледника верстъ 20, подняться на него, по словамъ туземцевъ, очень трудно. Послѣдніе годы онъ сильно наступаетъ, увеличиваясь въ размѣрѣ. Говорятъ, что около ледника этого замѣчается сильный непріятный и даже вредоносный запахъ, но то же говорится безъ всякаго основанія и о другихъ ледникахъ. Около ручья, вытекающаго изъ этого ледника, расположенъ авганскій кишлакъ Патнъ.

Наша тропа идетъ горизонтально, но довольно высоко

надъ Пянджемъ, мѣстами приходится ѣхать по балконамъ, и съ нихъ любоваться превосходно раздѣланной колесной дорогой, проведенной на авганскомъ берегу по долинѣ. Спустившись съ скалъ, переѣзжаемъ чрезъ небольшой ручей, заросшій тѣнистыми кустами, носящій названіе Куштъ-и-самъ, и дальше опять ѣдемъ по камнямъ. Переѣзжаемъ далѣе чрезъ разливы ручья Зыгвинъ, несущаго свои мутныя воды изъ бокового ущелья, а дальше и чрезъ кишлакъ Зыгвинъ, расположенный на равнинѣ и подъ самой горой. Дальше опять ѣдемъ по кручѣ, чтобы избѣгнуть разливовъ Пянджа. Переѣзжаемъ затѣмъ чрезъ ручей Зунгъ и оставляемъ влѣво, на склонѣ, кишлакъ того же имени. Видны хорошіе дома, много деревьевъ, есть пирамидальные тополя.

Слѣдующій кишлакъ Аїсаръ. Здѣсь видны развалины крѣпости кяфиръ-сіяпушей на холмѣ. Здѣсь же имѣются горячіе источники. Проѣхавъ еще немного долиной Пянджа до сліянія его съ р. Памиръ-дарьей, мы сворачиваемъ влѣво, поднимаемся немного на скалу и въ 12 ч. 25 м. мы у укрѣпленія Лянгаръ-гиштъ.

Лянгаръ-гиштъ — небольшое укрѣпленіе, господствующее надъ выходомъ съ Памира и расположенное противъ авганской крѣпости Кала-и-пянджъ (табл. VIII). Солдатъ въ немъ десятка полтора, подъ начальствомъ офицера, начальника поста, каковымъ въ то время состоялъ подпоручикъ Н. К. Софронскій. Въ бесѣдѣ съ нимъ незамѣтно прошло время до шестого часа, когда мы должны были отправляться обратно. Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи мы были на мѣстѣ стоянки, у Аманъ-бека въ Внукутѣ.

5. Перевалъ Ямгъ.

Утромъ 24-го іюля мы двинулись изъ кишлака Внукутъ сначала вверхъ по долинѣ Пянджа. У самаго кишлака вдоль ручья мы отмѣтили Conioselinum schugnanicum, Equisetum ramosissimum, Erodium cicutarium. Проѣхавъ немного по ровной поверхности, мы приблизились къ небольшому ручью Шиндоуджирабъ, за которымъ начинается крутой подъемъ по конгломератамъ. Отмѣтимъ у ручья одно дерево урюка (Prunus Armeniaca), дикое или одичалое. Поднявшись нѣсколько, мы снова выбрались на болѣе ровную поверхность.

Здѣсь проѣзжаемъ мимо киплака Гуль-абадъ, состоящаго всего изъ двухъ ненаселенныхъ домовъ. За нимъ опять начинается очень крутой подъемъ, на которомъ росли, между прочимъ, Ferula Grigorjewi, Prangos pabularia (засохшая). Тропа шла вдоль ручья, представляющаго въ сущности боковой арыкъ отведенный отъ р. Ямгъ. У самаго ручья мы замѣтили даже Iphione, но болѣе характерной была древесная и кустарная растительность: Salix sp. — зартнуть (шугн.), Salix purpurea — гурлакъ (вах.), Populus suaveolens — ньяхъ (вахан.), Ephedra intermedia „имухъ“ (вахан.), а также нѣкоторыя травы: Angelica — кумыдокъ, Sisymbrium Sophia — шкричь, Sinapis — чираy. Немного выше, у ручья этого мы видимъ чудное, тѣнистое мѣстечко — ручей этотъ проходитъ между двумя сблизившимися скалами.

Сейчасъ же далѣе мы выходимъ на открытое мѣсто, откуда видно протекающую глубоко подъ нами Ямгъ-дару, виденъ и кишлакъ Ямгъ. Здѣсь же, гдѣ мы находимся, видны слѣды посѣвовъ и загонъ для скота. У арыка въ кустахъ много навоза: очевидно, здѣсь еще недавно были стада.

Немного далѣе мы замѣчаемъ мѣсто отхожденія арыка отъ р. Ямгъ и затѣмъ продолжаемъ свой путь уже по Ямгу. Первые шаги оказываются довольно трудными, такъ какъ приходится переходить на другой (правый) берегъ рѣки, пробираясь въ то же время чрезъ заросли кустарниковъ. Изъ числа этихъ кустарниковъ назовемъ Ribes nigrum — iорты, а также Myricaria elegans Royle — утыкъ, съ широкими листьями, мало похожими на листья представителей семейства тамарисковыхъ. Нахожденіе этого кустарника было въ особенности интересно, такъ какъ онъ является новинкой для всего Туркестана.

По правому берегу р. Ямгъ намъ пришлось подниматься по временамъ довольно круто, но затѣмъ тропинка стала горизонтальной, по склону, на которомъ мы отмѣтили Cicer tragacanthoides, Heracleum Olgae, Hedysarum cephalotes, Astragalus lasiosemius, Astragalus Scheremetewianus — чикардонъ (вахан.), заризъ-вохакъ (шугн.). Немного дальше проѣзжаемъ мы мимо ур. Шакакъ-айлякъ, загоны для скота. Здѣсь мы снова спускаемся ближе къ ручью Ямгъ. Мѣсто это удобно для ночлега и остановки отряда, хотя надо имѣть въ виду, что нѣсколько раньше пошла влѣво, въ горы, обходная тропа. На осыпяхъ близъ ручья мы отмѣтили: Elymus sibiricus —

шитвышъ, Pyrethrum Stoliczkai, Nepeta, Dracocephalum — шкабастанъ, Macrotomia perennis, Cousinia красная, Zozimia, Artemisia dracunculus — сарсъ, Acantholimon — ыртынукъ.

На лѣвомъ берегу ручья замѣтна отвѣсная скала футовъ въ 100, въ трещинахъ которой растетъ папоротникъ Cystopteris fragilis.

Немного дальше приходится намъ ѣхать по болотистымъ луговинамъ вдоль рѣчки — на луговинахъ этихъ пасутся лошади и видно много навоза — были очевидно здѣсь

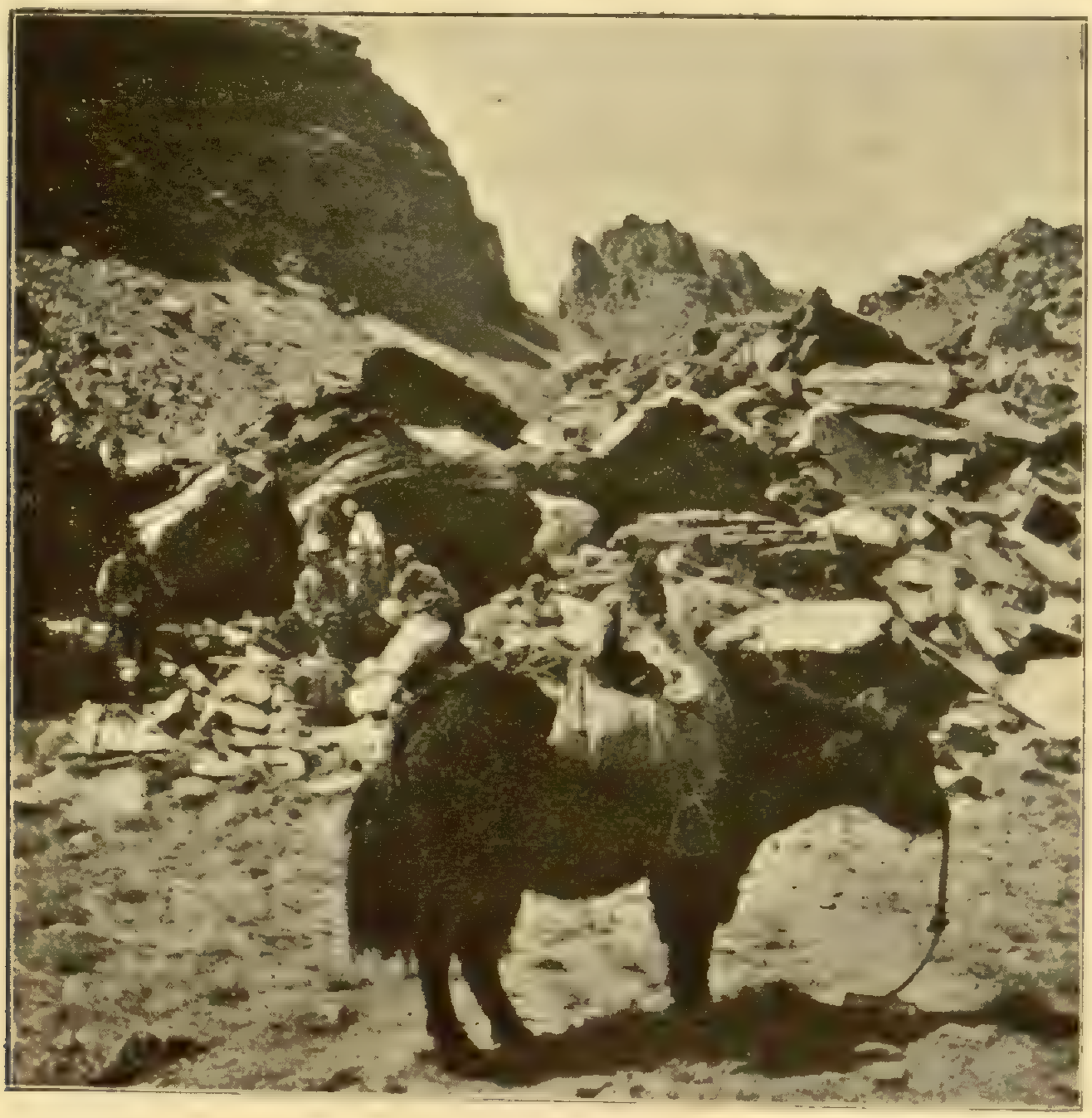


Рис. 13. Подъемъ къ перевалу Ямгъ.

большія стада, но теперь всѣ злаки уже вытравлены скотомъ, а остались лишь Swertia marginata, Stellaria humifusa, Gentiana humilis, Pedicularis (розовый). Между камней собрали мы Potentilla fruticosa var.

Переѣзжаемъ затѣмъ чрезъ ручей вбродъ и поднимаемся далѣе на очень крупно сцементированную осыпь. Здѣсь росли Sedum Olgae, Astragalus Olgae. Осыпь эта мѣстами крутая, мѣстами пологая. Поднявшись на эту осыпь, въ 11 ч. 45 м. мы остановились для отдыха недалеко отъ ручья, на

скалахъ, собственно даже около небольшой пещерки въ скалѣ, гдѣ можно было, по крайней мѣрѣ одному, укрыться отъ солнечныхъ лучей. (Рис. 13.)

Часа черезъ полтора мы двинулись далѣе вверхъ по р. Ямгъ. На склонахъ здѣсь была растительность уже высокогорнаго характера. На каменистыхъ склонахъ здѣсь росли: Dracocephalum, Cicer songoricum, Richteria pyrethroides, Eritrichium pamiricum, Silene (собрана 1 цв.), Elymus sibiricus, Cousinia красная, Diplopappus Poncinsii, Dracocephalum?, Zozimia, Smelovskia pectinata, Dracocephalum discolor, Isopyrum thalictroides, Hedysarum cephalotes var. pamiricum, Potentilla fruticosa var., Geranium collinum var. glandulosum, Chorispora exscapa, Nepeta kokanica, Calamagrostis anthoxanthoides, Saxifraga hirculus, Ranunculus, Delphinium, Sedum, Aster flaccidus.

Бо̀льшая часть дальнѣйшаго пути лежитъ по осыпи и розсыпи, но одно время мы спускаемся къ самому ручью, ѣдемъ нѣкоторое время по травянистой луговинѣ, гдѣ, кромѣ вытравленныхъ скотомъ злаковъ, мы замѣтили Leontopodium, Oxytropis immersa, Lloydia serotina. Тутъ мы переправляемся на правый берегъ р. Ямга и дальше опять ѣдемъ по камню. Вправо отъ насъ виднѣется небольшой водопадъ, а впереди вдали, цѣль нашего пути, перевалъ Ямгъ. Съ хребта справа отъ насъ, впереди, спускаются полосы снѣга, мѣстами есть снѣговыя окрайки и около насъ, у ручья. На осыпяхъ здѣсь появились такія типичныя растенія высокогорной полосы, какъ Primula nivalis, Saxifraga flagellaris.

Въ 2 ч. 45 м. переѣзжаемъ чрезъ притокъ Чапъ-дару, которая впрочемъ едва лишь меньше самаго Ямга или Кутальдары; поднимаемся немного на камни и располагаемся на ночлегъ въ урочищѣ, которое назвали Ямгъ-джирафъ.

Остатокъ дня былъ посвященъ ботаническимъ занятіямъ. Въ общемъ здѣсь характеръ растительности типично высокогорный, и въ распредѣленіи ея сказывается существованіе тѣхъ двухъ типовъ, которые мы уже отмѣтили, описывая подъемъ по р. Ямгъ. На каменистыхъ склонахъ удалось впрочемъ къ собранному во время подъема прибавить кое-что и еще, напр., Oxytropis platonychia, Pedicularis serawschanica, который я сначала принялъ было за новый видъ, Draba alpina, Poa attenuata, Ranunculus rufosepalus, Sedum. У ручья тѣ же зеленыя луговины. На противоположной сторонѣ виднѣются два небольшихъ водопада.

Рано утромъ 25-го іюля мы двинулись въ дальнѣйшій путь къ перевалу Ямгъ, до котораго было уже недалеко. Ко времени нашего выступленія (5 ч. у.) температура воздуха успѣла уже подняться до $+1^0$. Мы поднимаемся недолгое время по крутому подъему и переходимъ чрезъ каменистый увалъ, затѣмъ слѣдуетъ небольшой спускъ и наконецъ путь нашъ лежитъ вдоль ручья по осыпи, совершенно почти лишенной растительности; мы замѣтили только немного

Рис. 14. Гребень перевала Ямгъ.

Primula nivalis. Далѣе ручей течетъ подъ льдомъ, а путь нашъ идетъ по снѣговому полю, сначала съ остріями (séracs), очень красивыми, а потомъ по гладкому. Небольшой подъемъ на крутую морену приходится здѣсь сдѣлать пѣшкомъ, но въ случаѣ надобности и этотъ участокъ легко можно раздѣлать.

Съ запада и востока видны ледники: съ запада большой, съ востока маленькій. Затѣмъ опять приходится идти по снѣгу, который спускается и на сѣверную сторону перевала, отъ этого снѣга течетъ къ югу по осыпи ручей, вдоль котораго тянутся полосы снѣга, въ видѣ снѣговой обложки.

Еще нѣсколько шаговъ — и мы (въ 6 ч. 45 м. у.), на перевалѣ Ямгъ, первые европейцы, пробравшіеся туда. Перевалъ одного характера съ Врангомъ: гребень его не широкъ, всего нѣсколько сажень, покрытъ фирномъ, на которомъ вся наша компанія и расположилась на отдыхъ, пока я былъ занятъ наблюденіями. Солнце грѣло порядочно, но въ тѣни было — 2,5. На югѣ за долиной Пянджъ виднѣлись пики Гиндукуша. Впереди, на сѣверѣ, видѣлись

Рис. 15. Спускъ съ перевала Ямгъ.

обширныя снѣговыя поля, по которымъ предстояло намъ теперь идти.

Возлѣ самаго перевала, при началѣ спуска, съ востока спускается небольшой изломанный висячій фирнъ-глетчеръ.

Пробывъ съ полчаса на перевалѣ, мы стали спускаться на сѣверный склонъ хребта, въ бассейнъ Шахъ-дары. Первое время пришлось идти по снѣговому полю пѣшкомъ, но вскорѣ можно было воспользоватся и кутасами. (Рис. 15.)

Слѣва виднѣется также фирнъ-глетчеръ.

Пройдя еще нѣсколько на кутасахъ по фирновому полю, мы добрались до района громадныхъ поперечныхъ трещинъ, глу-

боко прорѣзывающихъ ледяную массу. (Рис. 16.) Трещины эти мѣстами соединяются и образуютъ цѣлые лабиринты. (Рис. 17.) Не меньшій интересъ представляютъ здѣсь великолѣпные ледяные конусы (Рис. 18), столь рѣдкіе вообще на Среднеазіатскихъ ледникахъ. Мы съ трудомъ пробираемся мимо этихъ трещинъ, затѣмъ предстоитъ намъ весьма крутой спускъ по снѣговому откосу. Немного спустя еще такой-же крутой спускъ. Преодолѣвъ все это, мы попадаемъ опять на ровное

Рис. 16. Трещины при спускѣ съ пер. Ямгъ.

фирновое поле и здѣсь движемся на кутасахъ. Уклонъ его очень невеликъ, тѣмъ не менѣе, снѣговая вода, стекая по нему съ большихъ высотъ, промыла во льду небольшія канавки. Постепенно появляются характерные признаки нижней части ледника, прежде всего — ледниковые столы. Въ этомъ приблизительно мѣстѣ справа виднѣются еще два небольшихъ висячихъ фирнъ-глетчера, а слѣва — трещины слоистыхъ фирнахъ. (Рис. 19.)

Дальше поверхность ледника представляетъ уже не снѣговое поле и не фирны, а настоящій ледъ, который выше скрытъ подъ фирномъ. Здѣсь на поверхности много камней,

ледниковыхъ столовъ и грязи. Еще дальше и намъ приходится пробираться по моренѣ, состоящей изъ крупныхъ обломковъ, прикрывающей верхъ нижняго конца ледника. Сейчасъ-же приходится намъ дѣлать послѣдній трудный спускъ, именно пробираться по нижнему концу ледника, который обрывается здѣсь почти отвѣсной стѣной. Съ трудомъ, вырубая ступени во льду, спускаемся мы наконецъ къ нижнему концу ледника. При этомъ спускѣ, занявшемъ

Рис. 17. Спускъ съ перевала Ямгъ.

много времени, летятъ внизъ кутасы, срываются люди, тяжко расшибаясь, такъ что въ дальнѣйшемъ движеніи нашемъ мы имѣемъ уже транспортъ больныхъ.

Съ вершины обрыва нижняго конца ледника хорошо видны слѣва отъ насъ еще два значительныхъ ледника. Одинъ — ближайшій къ нашему — спускается въ ту же долину немного ниже нашего, въ выше лежащей части имѣетъ также систему трещинъ, а еще выше виднѣется крутой снѣгопадъ съ трещинами. Другой ледникъ, дальше лежащій, спускается въ ту же долину, нѣсколько меньше и имѣетъ вообще болѣе спокойный характеръ.

У нижняго конца ледника мы провели въ отдыхѣ приблизительно часъ, а затѣмъ направились дальше, внизъ по долинѣ ручья, вытекающаго изъ ледника. Здѣсь мы сдѣлали рядъ наблюденій надъ упомянутыми выше ледниками, которыя измѣнили нѣсколько наше первоначальное о нихъ представленіе. Главный ледникъ, по которому мы спустились съ перевала, оказалось, оканчивается менѣе высокимъ ледянымъ обрывомъ, чѣмъ казалось сверху, такъ какъ лежитъ наискось на крутообрывающейся скалѣ. Зато онъ

Рис. 18. Ледяные конусы на ледникѣ.

даетъ ручей сразу въ видѣ изящнаго водопада, ниспадающаго сотни на полторы футовъ.

У подножія ледника мы сразу встрѣтили цѣлую свиту растеній высокогорной флоры. Здѣсь отмѣчены: Saxifraga hirculus, Draba alpina, Primula nivalis, Smelowskia pectinata, Waldheimia (розовая), Nepeta kokanica, Lloydia serotina, Sedum gelidum, Aster flaccidus.

Всѣ эти растенія, конечно, не образуютъ сплошного дернового покрова, а растутъ отдѣльно.

На нашемъ пути внизъ по долинѣ вскорѣ проѣзжаемъ

мы мимо слѣдующаго ледника, доходящаго нижнимъ своимъ концомъ почти до самаго ложа долины. Оканчивается онъ круто и имѣетъ въ нижнемъ концѣ три значительныхъ продольныхъ трещины. На нѣсколько сотъ футовъ выше его нижняго конца видно на немъ множество ледниковыхъ столовъ. Нижній конецъ этого ледника производитъ впечатлѣніе наступающаго.

Здѣсь появляется цѣлый рядъ довольно интересныхъ

Рис. 19. Слоистые фирны и трещины въ нихъ.

растеній — Swertia, Astragalus schugnanicus, (flore purpureo), Calamagrostis anthoxanthoides, Leontopodium alpinum, Diplopappus Poncinsii, Allium polyphyllum.

Третій ледникъ оканчивается отчасти мореной, а по срединѣ — отвѣснымъ ледянымъ гладкимъ обрывомъ, футовъ въ 200 высоты. Въ болѣе высокихъ частяхъ этого ледника на одной половинѣ ширины — крутой снѣжный склонъ, а на другой половинѣ — изорванный ледопадъ.

Здѣсь же, внизу у ледниковъ мы отмѣтили изъ растеній: Erysimum altaicum, Astragalus pamiricus, Elymus sibiricus, Polygonum molliaeforme — цѣлый рядъ отголосковъ

памирской флоры а также Papaver alpinum (flore rubro), Corydalis Gortschakowi, Allium monadelphum.

Только къ одиннадцати часамъ, пройдя мимо всѣхъ ледниковъ, могли мы остановиться на небольшой отдыхъ у ручья, на сухой луговинѣ.

Ручей здѣсь былъ, конечно, болѣе значителенъ, чѣмъ выше. Нашъ проводникъ, старикъ Гоубонъ, охотникъ изъ кишлака Внукута на Пянджѣ, назвалъ этотъ ручей Андычъ-башуръ-дара. Подобное названіе имѣется на старой картѣ Серебренникова, нынѣ же на карты не наносится. Разговорившись, старикъ сообщилъ намъ, что не разъ бывалъ на перевалѣ, который мы только что прошли и что количество снѣга за послѣдніе годы здѣсь увеличилось. Для обратнаго пути съ кутасами онъ хотѣлъ избрать другой перевалъ.

Растительность здѣсь, на мѣстѣ нашей остановки, имѣетъ высокогорный характеръ, но появилось уже много представителей менѣе высокихъ частей этой полосы. Подъ камнями здѣсь росли: Valeriana longiflora, Isopyrum grandiflorum (были и много выше).

Кромѣ того, на каменистыхъ склонахъ отмѣчены: Delphinium, Cicer songoricum, Gypsophila, Astragalus Olgae, Carex, Hedysarum cephalotes var. schugnanicum, Winklera silaifolia, Cousinia, Geranium collinum var. glandulosum, Sedum Olgae, Solenanthus stylosus, Myosotis alpestris, Richteria pyrethroides, Arenaria Griffithi, Astragalus Scheremetewianus, Acantholimon parviflorum.

Съ мѣста стоянки направились мы далѣе внизъ по тому же ручью Андычъ-башуръ-дара. Справа впадаетъ боковой ручей, и впереди еще одинъ, тоже справа. Оба они ледниковаго характера, бурно спадаютъ изъ крутыхъ ущелій. Вслѣдъ затѣмъ мы спускаемся по крутому, но сильно задернѣвшему каменистому склону. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ мореной древняго ледника. Спустившись по этой моренѣ, мы попадаемъ въ расширеніе долины, имѣющее характеръ древней ледниковой котловины. Длина этой котловины около версты, ширина — съ полверсты.

Все дно этой котловины покрыто мелкой галькой. Изъ растеній здѣсь отмѣчены въ изобиліи: Ephedra, Ziziphora clinopodioides, Hedysarum cephalotes var. schugnanicum, Pyrethrum Stoliczkai, Inula, Senecio bucharicus. Здѣсь же мы

отмѣтили и первое появленіе древесной растительности: здѣсь встрѣчаются первыя Salix.

Здѣсь, на уровнѣ этой котловины, слѣдуетъ провести нижнюю границу высокогорной растительности.

Слѣва спадаетъ съ горы каскадомъ ручей съ прозрачной водой. Горный склонъ этотъ весь заросъ мелкимъ ивнякомъ, а подъ нимъ, на котловинѣ, болотце съ зарослями той же Salix, а кромѣ того Swertia, Saxifraga hirculus, съ разными злаками и осоками.

Въ дальнѣйшемъ пути мы переправились вбродъ на правый берегъ ручья. Въ это время (1 ч. дня) бродъ не труденъ, но къ вечеру, пожалуй, дѣлается довольно труднымъ. Здѣсь появляются представители горностепной флоры: Stipa Lessingiana, Euphorbia virgata, Cicer tragacanthoides.

Тропа все время идетъ по пологому каменистому склону, постепенно понижаясь. Вскорѣ замѣтили мы и красную шугнанскую смородину Ribes orientale var. schugnanicum, а также Eritrichium pamiricum. У ручья растетъ прибрежный любитель гальки Epilobiium latifolium. Здѣсь же встрѣчена и Lonicera Olgae съ красными ягодами.

Дальше проѣзжаемъ по полянѣ съ травой и зарослями ивняка, которая можетъ служить удобнымъ мѣстомъ стоянки. Здѣсь отмѣчено оригинальное безстебельное растеніе Inula rhizocephala Schrenk.

Немного ниже проѣзжаемъ чрезъ правый притокъ, вытекающій вѣроятно изъ ледника. Этотъ ручей называютъ Янгъ-атварумъ. Надъ верховьемъ его виднѣются снѣговыя вершины.

Затѣмъ приходится намъ снова перебираться на лѣвый берегъ рѣки. Бродъ здѣсь довольно труденъ; лошадь, на которой ѣхалъ Азисъ-ханъ теченіемъ опрокинуло и ему едва удалось выбраться. Здѣсь росли прибрежныя Nepeta, Conioselinum schugnanicum.

Ниже по теченію рѣки мы видѣли плохенькій „бараній“ мостикъ черезъ рѣку, а на противоположномъ правомъ берегу старый кишлакъ, Андычъ-башуръ-ель. Справа въ рѣку Андычъ-башуръ здѣсь впадаетъ рѣка Хадашъ-дара по обоимъ берегамъ которой виднѣется трудно проходимая тропа. Правымъ притокомъ Хадашъ-дары является Шастъ-дара.

Сейчасъ же за кишлакомъ мы проѣзжаемъ чрезъ ручей Чибра-салоръ, вытекающій изъ горнаго оврага. Воды

въ этомъ ручьѣ очень мало. Рѣка Андычъ-башуръ отъ мѣста сліянія ея съ р. Хадашъ очень круто поворачиваетъ влѣво. Отъ упомянутаго выше мостика, по правому берегу и вверхъ и внизъ тропа видимо очень трудная: вверхъ — осыпь, внизъ — скалы. У сліянія рѣкъ очень много ивняка. На противоположномъ берегу, немного ниже сліянія, намъ указали мѣсто Марвожъ-бай. На нашей сторонѣ — жженый лѣсъ, состоящій изъ громадныхъ ивъ. Тоже видно и на другомъ берегу.

Изъ растительности отмѣтили здѣсь: Ferula Grigorjevi съ незрѣлыми плодами, Cicer songoricum, Cicer tragacanthoides, Eremurus stenophyllus (засохшіе съ плодами).

Далѣе мы взбираемся по довольно крутому подъему по тропѣ, вьющейся надъ очень крутымъ склономъ къ рѣкѣ. Вдали въ верховьяхъ рѣки Хадашъ виднѣются снѣга и какъ будто ледникъ.

Затѣмъ мы спускаемся немного въ лощину и переѣзжаемъ чрезъ сухое ложе ручья. На дальнѣйшемъ пути мы увидѣли небольшую скалу, въ видѣ острія выдающуюся на травянистомъ склонѣ — это Цахлы-юфга. Сейчасъ же за этой скалой (4 ч. 10 м. дня) замѣтили небольшую площадку, съ травой и кустами ивы, хотя и расположенную на склонѣ, но по нуждѣ могущую служить мѣстомъ для отдыха и ночлега. Это оказалось въ особенности важно въ виду трудностей дальнѣйшаго пути. Сначала намъ пришлось переѣхать еще чрезъ одинъ оврагъ съ крутыми стѣнками. Далѣе начинаются балконы, т. е. карнизы на камняхъ, гдѣ приходится пробираться уже пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Чѣмъ выше мы взбираемся по балконамъ, тѣмъ интереснѣе предъ нами открывается панорама: впереди виднѣется долина Шахъ-дары съ кишлакомъ Джугунъ, а вправо отъ него безснѣжная гора Паріефъ, а позади, вправо, виденъ и пикъ Царя Миротворца. Еще немного — и мы пробираемся по громаднымъ камнямъ, подъ которыми, слышно, что-то шумитъ — это мѣсто называется Гергаръ-шай, а шумитъ подъ камнями ручей.

Проѣзжаемъ немного дальше, и еще до начала спуска съ высоты мы уже можемъ любоваться дивной картиной, открывающейся у насъ слѣва: мы видимъ, въ главномъ хребтѣ, колоссальный снѣговой пикъ Джентифъ. Вершина эта очень широкая, съ тремя возвышеніями, покрыта мно-

жествомъ снѣга и несомнѣнно даетъ массу ледниковъ. Съ ледниковъ этихъ и течетъ р. Джентифъ, къ которой мы и спускаемся, и которую переходимъ (6 ч. в.) по мостику, переводя лошадей вбродъ. По словамъ таджиковъ, по тропѣ вдоль ручья можно пройти на джайляу въ верховьяхъ его, но перевалить въ Ваханъ здѣсь невозможно.

Перебравшись чрезъ Джентифъ, мы проходимъ мимо загоновъ для скота — Джентифъ-ель, а затѣмъ сейчасъ-же начинается сначала очень крутой подъемъ къ перевалу Дарбандакъ. Затѣмъ подъемъ становится менѣе крутымъ и наконецъ мы и на вершинѣ совершенно плоскаго перевала, гдѣ также устроены загоны. Проѣхавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, въ 6 ч. 40 м. мы останавливаемся на ночлегъ.

На слѣдующее утро, 26 іюля мы выступаемъ съ ночлега уже не такъ рано — въ 8 час.; выѣзжаемъ мы при сухомъ туманѣ, сильно мѣшающемъ ознакомленію съ мѣстностью. Постепенно спускаемся мы по склону по травянисто каменистой мѣстности. Вскорѣ проѣзжаемъ мы мимо развалинъ стараго кишлака Вадъ, гдѣ замѣтны остатки старинныхъ полей ячменя и гороха. Немного далѣе тропа развѣтвляется. Одна спускается внизъ, направляясь въ ур. Шомъ-бой, другая же, по которой мы продолжаемъ свой путь, поднимается вверхъ по скалѣ. Здѣсь росли на скалахъ Acanthophyllum pungens и Parrya.

Проѣхавъ эти скалы, мы выѣзжаемъ на травянистую равнину — одинъ изъ уголковъ Шугнанской степи. Здѣсь расли: Stipa Lessingiana, Cousinia, Artemisia, Acantholimon parviflorum, Arenaria Griffithi, Astragalus lasiosemius.

Далѣе слѣдуемъ опять внизъ по не очень крутому спуску. Съ середины спуска влѣво отходитъ тропа, переходитъ оврагъ и круто поднимается въ гору, на джайляу Джуртъ-ханоу. Затѣмъ мы ѣдемъ по дну оврага, постепенно спускаясь внизъ. Влѣво въ оврагѣ отходитъ другая тропа, ведущая въ тотъ же Джуртъ-ханоу. Здѣсь изъ растеній прибавилась Potentilla bifurca.

Далѣе спускъ становится круче, по сухому ложу ручья Хохъ-туллай, и наконецъ мы видимъ слѣва чрезвычайно глубокое ущелье, съ отвѣсными стѣнами, по дну котораго протекаетъ рѣка Шобекъ-дара. Въ ея верховьяхъ въ туманѣ виднѣются снѣговыя горы со множествомъ льда. Впереди видна и другая рѣка — Сейджъ-дара.

Спускаться въ долину Шобекъ-дары приходится пѣшкомъ, такъ какъ спускъ очень крутой, проходитъ около чрезвычайно оригинальной и красивой скалы Чибудъ-гардъ. Мѣсто это представляетъ нѣкоторый интересъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ ничтожными силами можно совершенно прервать здѣсь сообщеніе. Внизу, у подножія скалы, имѣется небольшая пещера. Въ 10 ч. 10 м. утра мы были внизу у рѣки Шобекъ дары.

Дальше путь идетъ внизъ, вдоль рѣки, по лѣсу, состоящему изъ ивняковъ. Пробираться приходилось здѣсь пѣшкомъ, и заросли мѣстами прямо дремучія, едва проходимыя.

Немного дальше — и мы приходимъ въ ур. Чубутъ-гаръ. Такъ назвали намъ мѣсто сліянія рѣки Шобекъ-дары и Сейджа. Здѣсь лѣсъ уступаетъ мѣсто болотистой кочковатой луговинѣ, на которой отмѣтили мы Euphrasia, Gentiana и др.

Чрезъ р. Сейджъ здѣсь устроено два самыхъ примитивныхъ мостика. Одинъ состоитъ всего изъ палки, другой — изъ плоскихъ камней. Перейдя на лѣвый берегъ Сейджа, мы ѣдемъ по каменистому склону надъ Сейджемъ, *рядомъ* съ лѣсомъ, который растетъ вдоль самой рѣки и состоитъ изъ ивняковъ, къ которымъ присоединяется Populus, не видѣнный нами раньше въ это путешествіе. Мѣстами тропа настолько трудна, что приходится спѣшиваться. Далѣе намъ приходится опять спуститься въ самую долину рѣки и пробираться по лѣсу, мѣстами прорубая себѣ тропу въ едва проходимой заросли. Здѣсь отмѣчены слѣдующія растенія долинной флоры: Angelica, Solenanthus, Rumex (росъ въ водѣ), Stellaria (у воды), Libanotis condensata.

Въ этомъ же лѣсу встрѣтились намъ шляпочные грибы, по шугнански „шармезъ“.

Предъ полуднемъ мы остановились въ тополевомъ лѣсу не надолго, чтобы ближе осмотрѣть всю эту мѣстность. Отвѣсныя скалы возвышаются здѣсь по обѣимъ сторонамъ долины, съ нашего (лѣваго) берега подъ скалой имѣются удобныя мѣста для ночлеговъ, и здѣсь же въ долинѣ обильный подножный кормъ. Мѣстность эта называется Чубужалъ. Справа — тѣснина рѣки Джаушангузъ — такимъ именемъ назвали намъ здѣсь верховья Шахъ-дары.

Вслѣдъ затѣмъ намъ предстоитъ крутой подъемъ по карнизу. На другой сторонѣ Шахъ-дары виденъ искусствен-

ный балконъ на подъемѣ. Сейчасъ-же, немного ниже, видна нижняя часть долины р. Друмъ, вытекающей изъ озера того же имени. Всюду крутые конгломератовые обрывы. Поднявшись на вершину небольшого перевала, мы добрались до площади, господствующей надъ долиной рѣки. Это обстоятельство было замѣчено очевидно уже давно, такъ какъ здѣсь мы замѣтили старинное укрѣпленіе, служившее для защиты средней части долины Шахъ-дары не только

Рис. 20. Верхній водопадъ на Шахъ-дарѣ.

отъ Памирскихъ киргизъ, но, быть можетъ, и отъ Ваханцевъ. Необходимо отмѣтить то обстоятельство, что, по словамъ туземцевъ, въ прежнее время существовалъ перевалъ на Пянджъ, (въ Ваханѣ) и въ верховьяхъ р. Сейджъ, гдѣ теперь чрезвычайное изобиліе снѣга и льда и невозможно пройти.

Шахъ-дара пробиваетъ увалъ, чрезъ который ведетъ описываемый перевалъ, водопадомъ, низвергающимся въ котловину. (Рис. 20.)

За переваломъ намъ приходится пробираться сначала по склону, а затѣмъ по чрезвычайно оригинальному кар-

низу Чибутъ-гартъ; карнизъ высоко надъ бездной — тамъ, на днѣ бурливо течетъ Шахъ-дара. (Рис. 21.)

Далѣе пологій спускъ къ рѣкѣ Шахъ-дарѣ, которую мы переходимъ по мосту въ $12^1/_2$ ч. дня. Около моста замѣчаемъ второй водопадъ. (Рис. 22.) Еще версты $1^1/_2$ полями и каменистыми склонами — и мы въ кишл. Сейджъ, гдѣ и располагаемся на отдыхъ.

Сейджъ — небольшой кишлакъ, расположенный на вто-

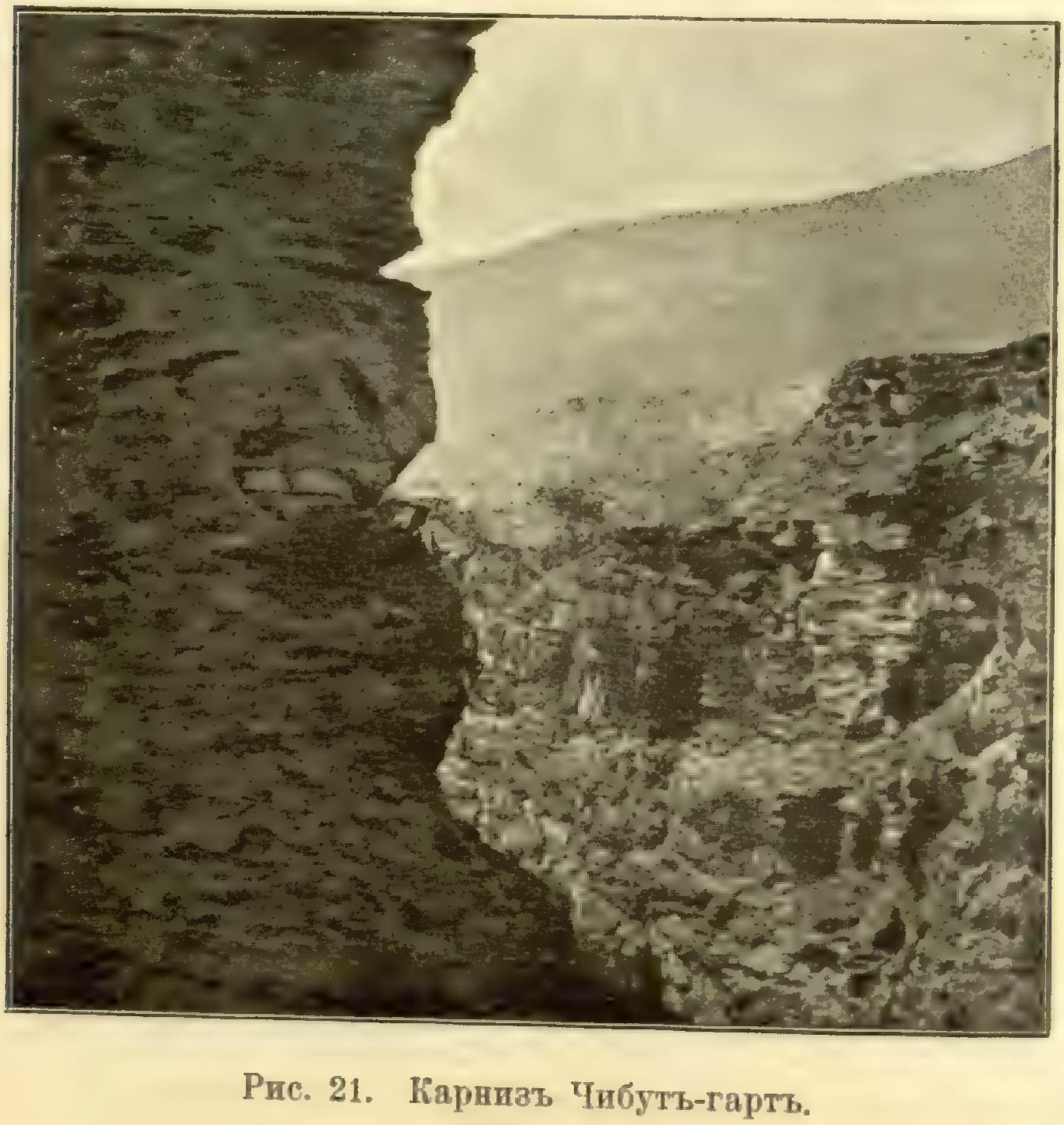


Рис. 21. Карнизъ Чибутъ-гартъ.

рой терассѣ долины Шахъ-дары и окруженный, какъ и всѣ кишлаки, посѣвами.

Намъ удалось расположиться въ довольно удобномъ домѣ, гдѣ находились уже наши вьюки, прибывшіе сюда вдоль Шахъ-дары днѣ за два до насъ.

На утро (27 іюля) мы выѣхали верхомъ изъ Сейджа въ 7 ч. 50 м. утра. На противоположной сторонѣ Шахъ-дары виднѣются также строенія и посѣвы — это тоже Сейджъ. У самой рѣки тянется полоса кустарниковъ и небольшихъ тополей, все же остальное представляетъ каменистые

склоны, на которыхъ росли, между прочимъ, Ferula Grigorjevi, Camphorosma, Peganum Harmala, Lagochilus diacanthophyllus, Eurotia ceratoides.

Далѣе начинается крутой подъемъ на скалу, которая обрывается къ рѣкѣ чрезвычайно круто. На противоположномъ берегу рѣки крутой скалистый берегъ менѣе высокъ. Впереди совершенно отвѣснаго обрыва, по краю долина рѣки Шахъ-дары замыкается снѣговой цѣпью горъ

Рис. 22. Нижній водопадъ (у моста).

съ острыми пиками — это очевидно вершины около Гармъ-чашмы, манившія насъ къ себѣ. Отмѣтимъ здѣсь среди скалъ мѣсторожденіе очень хорошаго известняка, которымъ пользуются для постройки даже въ Хорогѣ.

Подъемъ, по которому мы шли, называется Гачконъ. На противоположномъ берегу рѣки намъ назвали урочище Регравокъ — тропа тамъ круто поднимается вверхъ и вьется змѣей по краю совершенно отвѣсной стѣны въ тысячу футовъ. На нашемъ пути встрѣчается небольшой балконъ на поворотѣ, а затѣмъ мы быстро спускаемся по крутизнѣ къ самой рѣкѣ Шахъ-дарѣ, гдѣ и попадаемъ въ небольшое

расширеніе долины, сажень въ 30 шириной. Здѣсь небольшая полянка, заросшая тополевымъ лѣсомъ; на ней мы отмѣтили: Artemisia Dracunculus, Ferula Grigorjevi, Lindelofia anchusoides, Lactuca orientalis, Hippophaë rhamnoides, Rosa, Populus suaveolens, Mulgedium tataricum, Glycyrrhiza, Asparagus, Euphorbia virgata, Equisetum ramosissimum и какъ-то розовый грибъ изъ Myxomycetes.

Вскорѣ мы опять поднимаемся на осыпь подъ скалой — это Сейджъ-тапгъ, а затѣмъ снова крутой спускъ къ

Рис. 23. Карадангъ, тополевый лѣсъ.

рѣкѣ и сопровождающему ее тополевому лѣсу. Дальше опять небольшой подъемъ на осыпь. Здѣсь отмѣчены: Eremurus stenophyllus, Ribes orientale. Затѣмъ снова начинается спускъ къ рѣкѣ. Здѣсь отмѣчены: Ribes nigrum, Phragmites communis, типичные представители прибрежной растительности и флоры пойменныхъ лѣсовъ. Далѣе тропа опять слѣдуетъ по осыпи, сначала у самой Шахъ-дары, затѣмъ идетъ небольшой подъемъ, искусственное сооруженіе, деревянный, отчасти каменный балконъ на высотѣ 3 метровъ надъ

Шахъ-дарой, затѣмъ искусственный карнизъ подъ скалой, у самой рѣки.

Опять мы ѣдемъ затѣмъ по песчаной долинѣ, назыв. Шуй-гордонъ. Здѣсь изобилуетъ Ephedra glauca.

Сейчасъ же въѣзжаемъ мы на прекрасно построенный мостъ, по которому и перебираемся на лѣвый берегъ Шахъ-дары.

Проѣхавъ чрезъ небольшой каменный увалъ, мы снова въ лѣсу. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ берегъ защищенъ отъ

Рис. 24. Шахъ-дара у впаденія Баджамъ-дары.

размыва. Одно время путь нашъ идетъ по карнизу у самой воды, а затѣмъ опять ѣдемъ у лѣса по песку. Эту мѣстность намъ назвали Карадангъ. (Рис. 23.)

Вскорѣ мы прибываемъ къ низовью или вѣрнѣе устью рѣки Баджамъ-дары. Здѣсь лѣсъ состоитъ почти исключительно изъ ивняковъ, среди которыхъ попадаются отдѣльные тополя. (Рис. 24.)

Чрезъ Баджамъ-дару здѣсь устроенъ прочный мостикъ, по которому мы и перебираемся на лѣвый берегъ. Часть

нашей партіи переходитъ въ бродъ: вода достигаетъ до брюха лошади.

Переѣхавъ Баджамъ-дару сначала мы ѣдемъ лѣсомъ, а затѣмъ начинается крутой подъемъ зигзагами на карнизъ — это Сендивъ-паринъ. Почти всѣмъ приходится взбираться на эту крутизну пѣшкомъ, ведя за собой лошадь въ поводу, только нѣкоторымъ удается взобраться верхомъ — тѣмъ, у кого были самыя крѣпкія лошади. Весь подъемъ занялъ немного болѣе четверти часа. Сверху видно за Шахъ-дарой

Рис. 25. Домъ Азисъ-хана въ Сендивѣ.

устье притока ея, рѣки Чандынъ-дары; видно и тропу по лѣвому берегу Шахъ-дары, лѣпящуюся надъ Карадангомъ и спускающуюся къ Баджамъ-дарѣ. Вслѣдъ затѣмъ идемъ еще немного вверхъ по не крутому подъему, а дальше начинается пологій спускъ.

Послѣ нѣкотораго спуска намъ приходится идти по котловинѣ съ ровной поверхностью и мягкой почвой. Эта котловина производитъ впечатлѣніе высохшаго дна бывшаго озера. Самая Шахъ-дара отдѣлена здѣсь отъ насъ горнымъ увaломъ, за которымъ виднѣются горы праваго ея берега.

Далѣе, проѣхавъ описанную котловину, мы достигаемъ тѣснины, представляющей ворота котловины; въ эти ворота мы замѣчаемъ впереди селеніе Сендивъ, расположенное по склону горы надъ Шахъ-дарой. На этомъ же склонѣ виднѣется нѣсколько отдѣльныхъ деревьевъ, на горизонтѣ же впереди опять виднѣются снѣговыя горы, замыкающія долину. Спускаясь нѣсколько по склону горы замѣчаемъ наконецъ Шахъ-дару и прибываемъ (въ 10 час. 45 м.) въ сел. Сендивъ.

6. Сендивъ и Баджамъ-дара.

Въ Сендивѣ мы были гостями нашего друга Азисъ-хана и его брата. Здѣсь старинное родовое гнѣздо семьи Азисъ-хана, и домъ его съ очевидностью указываетъ, что въ прежнее время это была небольшая крѣпостца. Жилое помѣщеніе невелико, оно все пріютилось около скалы, а надъ нимъ на скалѣ возвышается нѣчто вродѣ естественнаго бастіона, куда можно укрыться въ случаѣ нужды, откуда можно обстрѣливать мѣстность на довольно далекое пространство. (Рис. 25.)

Въ нижнемъ этажѣ принималъ насъ Азисъ-ханъ съ немалой торжественностью. Я получилъ и соотвѣтствующій презентъ — шкуру шугнанской рыси. Всѣ мы не безъ удовольствія полежали въ послѣдній разъ передъ выступленіемъ къ ледникамъ на обычныхъ туземныхъ земляныхъ нарахъ, закусили хорошо зажаренной бараниной, выпили чаю. Передъ отъѣздомъ я поднялся и на скалу надъ домомъ, откуда дѣйствительно представляется красивый видъ на обширное пространство. Вверхъ по Шахъ-дарѣ вашъ взоръ проникаетъ версты на двѣ—три, до отвѣсныхъ скалъ, у которыхъ теченіе рѣки нѣсколько загибается и которыя мѣшаютъ проложить здѣсь тропу вдоль рѣки, заставляя продѣлывать описанный мною объѣздъ. Передъ этой скалой виднѣется обширная лѣсная заросль — конечно, это тѣ же тополя и ивы, что мы видѣли и выше. Внизъ по Шахъ-дарѣ виднѣется не такъ много лѣса, но зато на противоположномъ берегу виднѣется небольшая крѣпостца на одиноко стоящей скалѣ. Все воинственныя воспоминанія о временахъ независимости. Если вы взглянете прямо на югъ, куда долженъ былъ лежать нашъ путь, то прежде всего увидите также небольшую башню — укрѣпленіе прежнихъ временъ, такъ называемую

туп-хану. Она стоитъ также на довольно удобномъ стратегическомъ пунктѣ, тамъ, гдѣ долина рѣки образуетъ какъ бы вторую террассу.

Сейчасъ же послѣ полудня выступили мы въ путь, отправивъ свой караванъ вьюковъ съ однимъ казакомъ внизъ по Шахъ-дарѣ. Первое время путь нашъ шелъ по не особенно крутому склону; мѣстами были посѣвы хлѣбовъ, мѣстами, у арыка, довольно роскошная луговая растительность. Назову изъ представителей послѣдней Geranium collinum Steph. var. eglandulosum Ledb., Trifolium repens L., Agrostis stolonifera L.

Постепенно подъемъ дѣлается круче и круче. Арыкъ падаетъ двумя красивыми водопадами. Туп-хана остается отъ насъ немного вправо, а мы все продолжаемъ свой подъемъ. Мы ѣдемъ теперь по небольшому оврагу, круто падающему сверху. Очевидно, весной или лѣтомъ, послѣ сильныхъ дождей, здѣсь бываютъ большіе потоки, опасные для посѣвовъ ниже этого оврага. Для борьбы съ этими потоками туземцы примѣнили вполнѣ раціональное средство, именно, они преградили камнями оврагъ поперечными валами, которые должны сдерживать воду и укрѣплять почву оврага. Конечно, еще болѣе дѣйствительнымъ способомъ борьбы были бы древесныя посадки.

Нетрудный подъемъ, верхомъ на лошади, вскорѣ вывелъ насъ на небольшой перевалъ Лявань-дагъ, черезъ увалъ, отдѣлявшій насъ отъ долины р. Баджамъ-дары. Перевальчикъ былъ невысокъ и нетруденъ, но съ него могли мы уже видѣть впереди нѣчто болѣе интересное: вдали виднѣлись уже два снѣговыхъ пика въ главномъ хребтѣ. Сейчасъ за перевалomъ мы ѣдемъ по глинистому пологому склону. Видны остатки строеній и старыя поля, а немного дальше и посѣвы ячменя, орошаемые небольшимъ арыкомъ. Я обращаю однако больше вниманія на отдѣльныя снѣговыя вершины, нежели на то, что было подъ ногами. Вскорѣ показалась и третья вершина, а черезъ нѣсколько минутъ мы были на небольшой площадкѣ надъ пропастью, надъ долиной Баджамъ-дары, и могли любоваться великолѣпнымъ видомъ.

Прямо подъ нашими ногами текла быстрая Баджамъ-дара. Почти вся долина ея была прямо передъ нами — по ней предстояло намъ и направиться въ дальнѣйшій путь. Справа виднѣлась долина ближайшаго притока, —

Худзъ-зрафъ, а слѣва, противъ насъ, виднѣлась узенькая тропа надъ пропастью — путь на Шахъ-дару, минуя кишлакъ Сендивъ. Но всего красивѣе былъ задній планъ картины — величественная цѣпь снѣговыхъ горъ, среди которыхъ рѣзко выдѣлялись пять большихъ снѣговыхъ пиковъ. Вся эта дивная панорама была еще тѣмъ интереснѣе, что появилась предъ нашими взорами совершенно неожиданно. Карта не давала намъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что это за горы; бывшіе съ нами шугнанцы тоже не могли сообщить названій этихъ великановъ. Все, что мы узнали, это названіе небольшого ручья — Худзъ-зрафъ, въ ущелье котораго пришлось намъ спускаться по большой крутизнѣ. Чрезъ Худзъ-зрафъ мы перебираемся по живому мостику, но и въ бродъ перейти этотъ ручей было бы не трудно. Вслѣдъ затѣмъ начинается крутой подъемъ по откосу, не столь трудный, какъ предыдущій спускъ, такъ что мы поднимаемся верхомъ, не спѣшиваясь. Подъемъ этотъ выводитъ насъ опять на участокъ пути, гдѣ тропа идетъ по мягкому грунту почти горизонтально. Внизу виднѣется р. Баджамъ-дара.

Проѣзжаемъ чрезъ ур. Оджичи — старое мѣсто посѣвовъ; здѣсь замѣчаемъ развалины строеній и старый арыкъ. Далѣе, подъ нами внизу находится мѣсто сліянія Баджамъ-дары съ ея притокомъ Джархъ-зрафомъ, и здѣсь же видно, какъ поднимается къ намъ снизу прямая (т. е. не заходящая въ Сендивъ) тропинка изъ Сейджа, которую видѣли мы уже не разъ на крутизнахъ лѣваго берега Шахъ-дары.

Вслѣдъ затѣмъ мы совершаемъ небольшой крутой подъемъ къ уроч. Чашма. Здѣсь видимъ арыкъ, круто падающій сверху, и посѣвы ячменя. У арыка небольшая луговина, а затѣмъ снова крутой подъемъ. Здѣсь отмѣчены: Rosa sp., Epilobium angustifolium, Swertia lactea. Далѣе мы переѣзжаемъ чрезъ ручей Звордзъ-зрафъ.

Въ общемъ господствующій тонъ растительности однообразенъ и утомителенъ. Преобладаютъ Artemisia, Cousinia, Acantholimon parviflorum. Но у ручья появляются иные представители, болѣе гидрофильные, напр. Nepeta.

Впереди виднѣется все время снѣговая вершина, замыкающая долину Баджамъ-дары, а съ вершины этой къ востоку спускается большой ледникъ.

Дальнѣйшій путь представляетъ необыкновенно крутой

спускъ, который намъ приходится совершить пѣшкомъ; послѣ этого мы находимся уже очень невысоко надъ рѣкой. Отмѣтимъ здѣсь Lonicera Sieversiana „тогъ“ (по шугнански.). Еще немного, и мы у самой рѣки, у ивняковаго лѣса. Здѣсь же видимъ и каменные загоны для скота: это айлакъ Хадапитъ. Направленіе пути нѣсколько мѣняется, рѣка полого загибается къ западу. Вбродъ переѣзжаемъ здѣсь на правый берегъ Баджамъ-дары. Преобладающая древесная растительность здѣсь — это Salix stipularis — „уанъ“ (по шугнански), „драхтъ“ (по вахански) и еще одинъ видъ Salix, носящій тѣ же туземныя названія, что и первый. Среди этихъ ивняковъ попалось однако одно дерево Juniperus excelsa.

Чрезъ нѣсколько десятковъ саженъ пути мы замѣчаемъ, что переѣхали вбродъ не всю рѣку, а только одинъ рукавъ ея, и перебрались всего лишь на островъ, съ тѣмъ, чтобы избѣжать пути по густой чащѣ ивняковаго лѣса. Вскорѣ снова возвращаемся мы на тотъ же лѣвый берегъ. Подъ кустами здѣсь мы собрали Kobresia, на камняхъ попалась Macrotomia echioides. Далѣе мы слѣдуемъ по немного расширенной (100—130 саженъ) долинѣ, по каменистому склону, и сейчасъ же переѣзжаемъ на гальку. Здѣсь отмѣчена слѣдующая растительность: Myricaria alopecuroides, Cicer tragacanthoides, Elymus lanatus, Lonicera Sieversiana, Calamagrostis, Artemisia, Stipa, Pyrethrum Stoliczkai, Ziziphora clinopodioides, Heracleum Olgae, Astragalus Olgae.

Вскорѣ приходится намъ переѣзжать еще чрезъ одинъ ручей, Хаволь-зрафъ, вытекающій изъ ущелья, въ вершинѣ котораго видны снѣга. Ручей немноговоденъ, течетъ многими рукавами, вода чистая, долина его чрезвычайно изобилуетъ валами галекъ.

Въ 5 ч. дня мы не безъ труда перебираемся вбродъ на правую сторону Баджамъ-дары. Сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ намъ пришлось переѣзжать чрезъ небольшой ручей Сацынъ; то же имя носитъ и урочище, гдѣ нѣсколько расширена долина. Вдали виднѣется на склонѣ одно дерево Juniperus excelsa. Есть тутъ и двѣ хижины, тоже носящія названіе Сацынъ. Вообще же, это мѣсто представляетъ извѣстныя удобства для ночлега. Мы однако рѣшили еще продолжать нѣсколько нашъ путь и стали поэтому взбираться на каменистый склонъ по крутому подъему. Немного далѣе долина рѣки еще разъ отклоняется къ западу. По откосамъ и затѣмъ

опять по руслу рѣки по галькѣ, мы приходимъ опять къ рѣкѣ. На склонѣ на осыпи здѣсь видно еще одно дерево Juniperus excelsa, а ближе къ рѣкѣ Ribes (съ черными ягодами) и тутъ же заросль ивняковъ.

Въ 5 ч. 40 м. мы еще разъ переходимъ чрезъ Баджамъ-дару вбродъ, не безъ труда, а въ 5 ч. 55 м. останавливаемся на ночлегъ, немного поднявшись надъ рѣкой, на луговинѣ среди кустарниковъ. Остается еще время сдѣлать экскурсію по склонамъ для ознакомленія съ растительностью.

Для дальнѣйшаго пути тѣмъ временемъ удается добыть одного кутаса, который на-утро явится для насъ весьма важнымъ участникомъ путешествія.

На утро (28 іюля) мы встали въ шестомъ часу утра. Было довольно свѣжо, всего 2^0. Въ 6 ч. 45 м. мы двинулись въ путь, располагая всего лишь однимъ кутасомъ. Сначала намъ пришлось сдѣлать небольшой подъемъ, послѣ чего сталъ виденъ довольно большой ледникъ въ верховьяхъ праваго притока, называемаго Астона. Впечатлѣніе, производимое верхними зонами этого ледника таково, что тамъ возможно перебраться, въ случаѣ крайней къ тому необходимости, на ваханскую сторону водораздѣльнаго хребта.

Растительность здѣсь довольно разнообразна. Здѣсь преобладаютъ представители горностепной флоры: Eremurus stenophyllus, Cousinia (тонкая), Ribes orientale, Macrotomia perennis, Artemisia sp., Ephedra sp., Scrophularia, Diplopappus turkestanicus, Eritrichium pamiricum (подъ камнями), Artemisia Dracunculus, Winklera silaifolia, Arenaria Griffithi.

На противоположномъ, правомъ берегу Баджамъ-дары, какъ разъ здѣсь находится устье р. Астона, вытекающей изъ ледниковъ, изъ которыхъ одинъ хорошо виденъ, но повидимому есть и еще второстепенные. Тропа идетъ очень полого вверхъ по крупно каменистому склону. Изъ растительности есть здѣсь Rosa и Lonicera, но вдоль рѣки уже нѣтъ ивняковъ. Вскорѣ мы переходимъ вбродъ р. Баджамъ-дару на ея правый берегъ. Здѣсь отмѣчаемъ нѣкоторыя формы, которыя уже служатъ показателями приближенія высокогорной растительности — Myricaria, Epilobium latifolium, Alopecurus, а, кромѣ того, Elymus sibiricus, Senecio Renardi, Erigeron acer.

Немного далѣе мы подходимъ къ луговинѣ съ травой, именуемой Джидакъ. Эта мѣстность представляетъ большія

удобства для остановки. Ручей Джидакъ, вытекающій изъ обильныхъ снѣговъ, но обладающій чрезвычайно прозрачной водой, мы переходимъ вбродъ, а вскорѣ (7 ч. 40 м. у.) появляется уже и настоящая высокогорная растительность Corydalis Gortschakowi, Allium monadelphum, Valeriana longiflora.

Сейчасъ же переправляемся мы снова на лѣвый берегъ Баджамъ-дары и идемъ нѣкоторое время по камнямъ, а затѣмъ по луговинѣ съ очень хорошей травой, представляющей прекрасное пастбище. Растительность здѣсь представляетъ интереснѣйшій примѣръ переходной субальпійской полосы. Въ то время, какъ юговосточные склоны здѣсь не имѣютъ высокогорнаго характера, преобладающимъ растеніемъ является Stipa turkestanica Hackel и другія горностепныя растенія, луговины по рѣкѣ представляютъ переходный типъ, съ господствомъ злаковъ, а изъ бобовыхъ Astragalus schugnanicus flore purpureo; склоны же, обращенные на сѣверо-западъ, обладаютъ настоящими представителями высокогорной флоры.

Далѣе мы проѣзжаемъ мимо устья рѣки Юблахъ-дары, впадающей въ Баджамъ-дару съ правой стороны. Вытекаетъ Юблахъ-дара изъ громадной снѣговой горы. Въ верховьяхъ этого ручья виденъ большой ледникъ; область питанія его очень круто обрывается. Ледникъ этотъ имѣетъ большую морену и ледъ также отвѣсно обрывается. Онъ то и былъ виденъ издалека еще вчера.

Въ 8 ч. 35 м. утра мы снова должны переправиться на правый берегъ съ тѣмъ, чтобы черезъ пять минутъ опять переходить на лѣвый. Здѣсь появляются уже болѣе типичные представители высокогорной флоры: Primula nivalis, Saxifraga hirculus, здѣсь же растетъ въ изобиліи и Potentilla, называемая „чай-уашакъ“, такъ какъ изъ нея приготовляютъ шугнанцы чай. Изъ прочихъ растеній надо отмѣтить здѣсь Isopyrum thalictroides (подъ камнями), Nepeta (блѣдная), Poa.

Далѣе приходится преодолѣть небольшой, но крутой подъемъ по камнямъ, что̀ не легко для нашихъ лошадей. Это заставляетъ насъ бросить лошадей и продолжать дальнѣйшій путь уже пѣшкомъ, пользуясь лишь однимъ имѣвшимся у насъ кутасомъ. Первое время пути мы не видимъ Баджамъ-дары; она скрыта осыпью подъ обваломъ горы, сажень на 20. Вслѣдъ затѣмъ мы снова ѣдемъ вдоль рѣки,

по правому ея берегу, а затѣмъ сейчасъ же снова переѣзжаемъ на лѣвый. Изъ растительности здѣсь преобладаютъ типы высокогорной области, но встрѣчается также и субъальпійская Winklera silaifolia. Подъ камнями ютится папоротникъ Cystopteris fragilis.

Въ 10 ч. у. мы добираемся до поворота Баджамъ-дары вправо; здѣсь Баджамъ-дара представляется въ видѣ незначительнаго ручья. Прямо передъ нами находится нижній конецъ огромной морены ледника. Отсюда приходится отправить обратно всѣхъ лошадей, кромѣ одной, которой какъ то удается пробираться по камнямъ. Подъемъ идетъ по каменистому склону съ растительностью. Вскорѣ мы снова перебираемся на правый берегъ, Баджамъ-дары, а затѣмъ сейчасъ же ручей скрывается подъ осыпью — здѣсь сходится осыпь лѣваго берега съ конечной мореной ледника праваго берега. Подъемъ здѣсь труденъ и на лошади совершенно невозможенъ. Впереди, показывается еще ледникъ, очень длинный и большой. Онъ полого спускается въ нижней своей части, имѣя громадную морену. Здѣсь росли типичные высокогорные Melandryum apetalum, Aster flaccidus, Smelowskia pectinata, Papaver alpinum (flore croceo).

Въ верховьяхъ ледника видна возможность съ трудомъ подняться по гребню хребта, но говорятъ, на той сторонѣ еще больше льда и пройти нельзя. Впрочемъ, я отношусь вообще довольно скептически къ показаніямъ туземцевъ относительно условій пути по снѣгамъ, такъ какъ много разъ приходилось выслушивать указанія безусловно преувеличенныя, тѣмъ болѣе, что тѣ же таджики сообщили и названіе этого предполагаемаго перевала — Термандаль.

Обернувшись назадъ, мы видимъ въ верховьяхъ одного изъ пройденныхъ уже нами притоковъ Баджамъ-дары еще одинъ небольшой ледникъ, котораго мы раньше не видѣли. Впереди виденъ также ледникъ, широкій; его снѣговое поле постепенно переходитъ въ снѣговую вершину. Здѣсь росли, между прочимъ, Leontopodium alpinum, Oxytropis immersa, а вскорѣ появилась и Lloydia serotina, а немного выше и Calamagrostis anthoxanthoides.

Къ 1 ч. 45 м. д. мы добираемся до нижняго конца послѣдняго изъ ледниковъ верховій Баджамъ-дары и вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же начинаемъ подниматься на этотъ ледникъ. (Рис. 26.) Кое-гдѣ замѣчаемъ здѣсь ледниковые столы.

Рядомъ съ нами, къ югу, возвышается громадная, длинная снѣговая гора, питающая этотъ ледникъ. (Рис. 27.)

Путь по самому леднику, по льду и фирну, не особенно труденъ и продолжался около 40 минутъ, послѣ чего мы оставляемъ поверхность ледника и начинаемъ взбираться по сланцевой осыпи къ самому перевалу. Эта часть пути является труднѣйшей на всемъ подъемѣ, такъ какъ кромѣ крутизны здѣсь еще приходится бороться съ сыростью, скользить по скаламъ: на верху подъема имѣется залежь

Рис. 26. Подъемъ къ перевалу Баджамъ.

снѣга, которая подтаиваетъ и смачиваетъ весь склонъ. Весь путь по этому крутѣйшему склону, по сланцамъ и снѣгу, занялъ около 50 минутъ, да, кромѣ того, намъ пришлось сдѣлать остановку на полтора часа, чтобы дождаться сильно отставшихъ товарищей. Такимъ образомъ, только въ 4 ч. 50 м. дня добрались мы до гребня перевала и были поражены!

Перевалъ представляется совершеннѣйшимъ остріемъ ножа. Уже и то мѣсто, куда мы вышли, представляетъ площадку шириной въ 1—2 аршина, съ чрезвычайно кру-

тымъ спускомъ съ той стороны, откуда мы пришли, и почти отвѣснымъ обрывомъ на противоположную стѣну. Но сейчасъ же дальше, гребень водораздѣла представляетъ лишь острый уголъ тѣхъ обломковъ скалъ, которые здѣсь выдаются; такимъ образомъ, для отдыха послѣ труднѣйшаго подъема намъ и пришлось размѣститься отчасти на описанной „площадкѣ“, а отчасти буквально сѣсть верхомъ на скалу и болтать ногами надъ пропастью въ тысячу футовъ на одну сторону и на нѣсколько тысячъ — въ другую.

Рис. 27. Снѣговыя горы къ югу отъ перевала Баджамъ.

Прямо предъ нами или вѣрнѣе подъ нами разстилалась живописная долина *какой-то* рѣки. Долина была не особенно широка; казалось, внизу есть какое то селеніе, посѣвы — это все были лишь скалы и травяные склоны.

Наши карты не давали отвѣта на вопросъ, что̀ это за рѣка; показанія туземцевъ были тоже неясны. Во всякомъ случаѣ, первой нашей задачей было спуститься куда-нибудь съ перевала и затѣмъ уже искать дальнѣйшаго пути. Оказалось, что сдѣлать это не такъ то просто: прямо внизъ, по отвѣсу, идти было немыслимо и потому пришлось про-

бираться нѣсколько десятковъ сажень по гребню хребта, къ югу, пока наконецъ не дошли до такого мѣста, гдѣ рѣшились рискнуть спуститься внизъ, при помощи веревокъ. (Рис. 28.) Однимъ изъ крупныхъ препятствій для спуска оказались рыхлыя осыпи. Становясь на такую осыпь, мы быстро спускались, вѣрнѣе, съѣзжали внизъ на десятки сажень, рискуя въ тоже время ускорить свой спускъ сверхъ мѣры, такъ какъ осыпавшаяся масса легко могла увлечь насъ въ видѣ каменной лавины сразу книзу. Съ другой стороны, пре-

Рис. 28. Спускъ съ перевала Баджамъ.

пятствіемъ былъ и спускъ по скаламъ, гдѣ приходилось буквально цѣпляться ногтями за скалу, а обрывавшіеся выступы и обломки скалъ своимъ паденіемъ грозили разбить находившихся внизу. Наконецъ, очень затруднялъ насъ и, къ счастью, единственный кутасъ, который не могъ идти по такимъ крутизнамъ. Его и пришлось намъ бросить на произволъ судьбы на одномъ изъ выступовъ скалы. Нижняя часть спуска значительно легче, приходится идти по не особенно крутой сланцевой осыпи и, наконецъ, уже по травянистому склону. Здѣсь прибавилось однако новое

препятствіе, а именно темнота: было уже довольно поздно. Въ виду этого, всѣ мы въ особенности спѣшили возможно скорѣе завершить этотъ адскій спускъ.

Было уже $8^1/_2$ ч. вечера, когда я добрался, вмѣстѣ съ Азисъ-ханомъ, до долины загадочной рѣки, гдѣ мы и расположились на ночлегъ; прежде всего мы развели здѣсь огонь и вотъ, на огонекъ постепенно спустились одинъ за другимъ къ намъ и остальные спутники наши.

7. Перевалъ Шитхарфъ.

Утромъ (29 іюля) проснулись мы въ своей палаткѣ и прежде всего принялись за выясненіе вопроса: гдѣ же мы находимся. Показанія новѣйшей карты заставляли насъ думать, что мы пришли уже въ верховья Гармъ-чашмы, изученіе которой меня такъ манило. Противъ такого опредѣленія нашего мѣстонахожденія единогласно возстали всѣ шугнанцы, бывшіе съ нами. Чтобы выяснить вопросъ окончательно и достовѣрно, я рѣшилъ раздѣлить нашу партію на двѣ части; одна должна была обслѣдовать верховья рѣки, на которой мы находились, и, если возможно, перевалить въ Ваханъ, а оттуда уже проникнуть на настоящую Гармъ-чашму; другой партіи предстояло спуститься внизъ вдоль неизвѣстной рѣки, дойти до Шахъ-дары и оттуда перебраться прямо на Гармъ-чашму. Встрѣча была назначена на восьмой день: почти такъ, съ небольшимъ опозданіемъ на одинъ день, она и состоялась.

Въ Шахъ-даринскій отдѣлъ нашей партіи были выбраны люди, наиболѣе утомившіеся и пострадавшіе отъ вчерашняго перевала. Все утро у насъ было занято всевозможными распросами о странѣ, которая все болѣе и болѣе раскрывала предъ нами свои загадочные уголки. Днемъ мы экскурсировали въ окрестностяхъ нашей стоянки, сначала на рѣчной галькѣ, а потомъ среди каменныхъ глыбъ, свалившихся съ окружающихъ горъ.

Только передъ вечеромъ (3 ч. 45 м. д.) выступилъ въ путь Шахъ-даринскій отрядъ, а черезъ нѣсколько минутъ двинулись и мы вверхъ по неизвѣстной рѣкѣ, оказавшейся, какъ впослѣдствіи выяснилось, Бадамъ-дарой, лѣвымъ притокомъ Шахъ-дары. Сначала мы шли по галечному дну долины. Справа и слѣва къ долинѣ довольно близко подходятъ горныя

крутизны. Слѣва съ крутизны спадаетъ красивый водопадъ, узкой струей низвергающійся сажень на десять. Оказалось далѣе, что этотъ водопадъ двойной, такъ какъ вверху скалъ тотъ же ручей образуетъ еще такой же каскадъ.

Характеръ растительности здѣсь уже исключительно высокогорный, здѣсь росли: Primula nivalis, Cicer songoricum (крупн.), Delphinium caschemirianum.

Скалы на противоположномъ, лѣвомъ берегу Бадамъ-дары обращаютъ здѣсь на себя особое вниманіе. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, шугнанцевъ, начинаютъ утверждать, что именно здѣсь, круто поднимаясь по осыпи, надо было бы идти, чтобы выйти къ перевалу Дартой, ведущему въ Ваханъ. Перевалъ этотъ весьма труденъ, но кутасъ могъ бы пройти чрезъ него. Дальнѣйшія изслѣдованія наши въ этой области показали, что все это является вполнѣ правдоподобнымъ.

На нашемъ пути встрѣтился также довольно крутой подъемъ, а затѣмъ спускъ, которые пришлось сдѣлать пѣшкомъ, а затѣмъ снова я могъ сѣсть на кутаса.

Изъ растеній здѣсь отмѣчены: Potentilia floribunda, Diplopappus, Leontopodium, Alopecurus (высохш.), Potentilla, Winklera silaifolia, Artemisia.

На лѣвомъ берегу рѣки мы видимъ далѣе небольшой ручей, круто вытекающій изъ висячаго фирнъ-глетчера и впадающій въ Бадамъ-дару. Вскорѣ приходится намъ переправляться на лѣвый берегъ, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же снова вернуться на правый. Здѣсь отмѣчены Waldheimia tridactylites съ розовыми цвѣтами.

Переправившись, мы располагаемся на ночлегъ на небольшой мокрой луговинѣ, поросшей травою; изъ растеній здѣсь, кромѣ злаковъ и осоки, особенно много было Saxifraga hirculus. Не мало было здѣсь громадныхъ обломковъ скалъ, свалившихся сверху; не особенно пріятно было бы, если бы число ихъ стало за ночь увеличиваться,— но болѣе удобнаго мѣста для ночлега мы не надѣялись найти, здѣсь же могли собрать и навозъ для топлива, чтобы согрѣть себѣ чай.

Съ мѣста нашего ночлега, въ верховьяхъ Бадамъ-дары, двое шугнанцевъ пошли обратно на Бадамъ-дару и рѣшились пройти новымъ перевалomъ, который назвали Гоазакъ. Повидимому, со стороны Бадамъ-дары это и есть то, что намъ называли наканунѣ Термандаль. По разсказамъ шугнанцевъ, съ южной стороны здѣсь скалы, а на сѣверѣ

масса снѣга и льда, препятствующихъ движенію. Я не думаю, однако, чтобы этотъ перевалъ былъ труднѣе того, которымъ мы прошли.

Морознымъ утромъ (30 іюля), послѣ холодной ночи, мы стали приготовляться къ дальнѣйшему движенію въ Ваханъ. Мы выступили немного раньше 6 ч. у. Справа отъ насъ, за большой мореной, замѣчаемъ два небольшихъ ледника, раздѣленныхъ внизу выступающей скалой и сообщающихся только въ верхней части снѣжника. Сзади, тоже

Рис. 29. Ледникъ къ сѣв. склонѣ перевала Шитхарфъ.

по лѣвой сторонѣ Бадамъ-дары, также виденъ небольшой ледникъ, котораго раньше снизу не было видно за мореною. Впереди, слѣва отъ насъ, виденъ висячій ледникъ, очень круто спускающійся. Изъ растеній по камнямъ здѣсь отмѣчены Astragalus schugnanicus flore purpureo. Слѣва по скаламъ ниспадаетъ небольшой водопадъ. Справа отъ насъ видны еще слѣдующіе ледники:

1) выходящій изъ ущелья; сразу виденъ его обильный снѣжникъ;

2) большой ледникъ, лежащій къ западу отъ перевала, вправо отъ насъ, и

3) перевальный ледникъ, на который намъ и предстояло взбираться. (Рис. 29, 30.)

Слѣва отъ насъ изъ щели со снѣгомъ вырывается ручей въ видѣ водопада. На осыпяхъ здѣсь встрѣтили Saxifraga flagellaris. Увѣряютъ, что и здѣсь можно пройти къ перевалу Термандаль. Здѣсь мы были въ 6 ч. 40 м. у. Поднимаемся выше и въ 7 ч. 30 м. достигаемъ приблизи-

Рис. 30. Ледникъ на сѣв. склонѣ перевала Шитхарфъ.

тельно уровня нижняго конца большого ледника, хотя подъ мореной онъ, вѣроятно, спускается нѣсколько ниже.

Всѣ дальнѣйшія усилія наши за это утро были употреблены преимущественно на борьбу съ трудностями подъема къ перевалу Шитхарфъ. Растеній попадалось необычайно мало и потому можно было удѣлять больше вниманія на изученіе ледниковъ, которые здѣсь изобилуютъ. Прежде всего пришлось, однако, намъ полюбоваться великолѣпной лавиной, со множествомъ камней и обломками скалъ, которая сорвалась откуда то съ высокихъ надледни-

ковыхъ областей и съ грохотомъ низверглась внизъ, по счастью минуя насъ.

Дальнѣйшее движеніе дало намъ нѣкоторыя болѣе детальныя свѣдѣнія о ледникахъ. „Висячій“ оказался собственно фирнъ-глетчеромъ; но кромѣ него, въ ущельи влѣво отъ насъ, оказался и небольшой настоящій ледникъ. Вправо видны снѣговыя поля и фирны. (Рис. 31.)

Подъемъ идетъ сначала по моренѣ, гдѣ приходится по временамъ съ большимъ трудомъ перепрыгивать съ камня

Рис. 31. Снѣговыя поля на сѣв. склонѣ перевала Шитхарфъ.

на камень; далѣе мы идемъ по льду главнаго перевальнаго ледника, а затѣмъ по довольно пологому снѣговому полю, питающему перевальный ледникъ. (Рис. 32, 33, стр. 80, 81.)

Верхняя часть снѣгового поля представила небольшія затрудненія нашему движенію, такъ какъ приходилось взбираться по чрезвычайно крутому снѣговому откосу, притомъ снѣгъ былъ рыхлый, такъ что мы проваливались въ немъ, по временамъ по поясъ. (Рис. 34, 35, стр. 82, 83.)

Наконецъ, въ 10 ч. 40 м. у. мы были на перевалѣ. Оказалось, что вся сѣдловина перевала завалена снѣгомъ и

только влѣво отъ насъ, къ востоку, имѣется небольшая скала. Перевалъ этотъ представляетъ интересъ, такъ какъ является возможнымъ, хотя и труднымъ доступомъ въ любопытнѣйшую ледниковую область. Пребываніе на самомъ перевалѣ далеко не безопасно, такъ какъ, во первыхъ, мы всѣ сильно проваливались въ снѣгу, а во вторыхъ, снѣгъ весь въ трещинахъ и грозитъ развалиться, срываясь лавинами. Конечно, наше пребываніе могло только способствовать распаду снѣговой залежи.

Рис. 32. Подъемъ къ пер. Шитхарфъ.

Въ 11 ч. 05 м. мы уходимъ съ перевала; начало спуска представляетъ серьезныя трудности, но затѣмъ путь по леднику внизъ кажется намъ уже очень нетруднымъ и мы заботимся только объ одномъ — спуститься возможно скорѣе, тѣмъ болѣе, что въ верхнихъ зонахъ (Рис. 36, стр. 84.), не только среди снѣговъ, но и ниже, на моренѣ, нѣтъ никакой растительности; только въ 12 ч. 25 м. замѣчаемъ мы на боковой осыпи, первыя растенія — это были Primula nivalis, Waldheimia розовая, Saussurea pamirica.

Большой ледникъ, по которому мы спускаемся, обла-

даетъ большими трещинами; онъ еще не кончился, но въ этой части прикрытъ мореной. Съ правой его стороны имѣется два ничтожныхъ висячихъ фирнъ-глетчера. Движемся еще внизъ и наконецъ въ 1 ч. 10 м. дня мы находимся уже у конца морены ледника, въ небольшомъ расширеніи долины, на ваханскихъ пастбищахъ. Къ нашему удовольствію, здѣсь мы видимъ лошадей, которыми и пользуемся для дальнѣйшаго движенія внизъ. На каменистыхъ

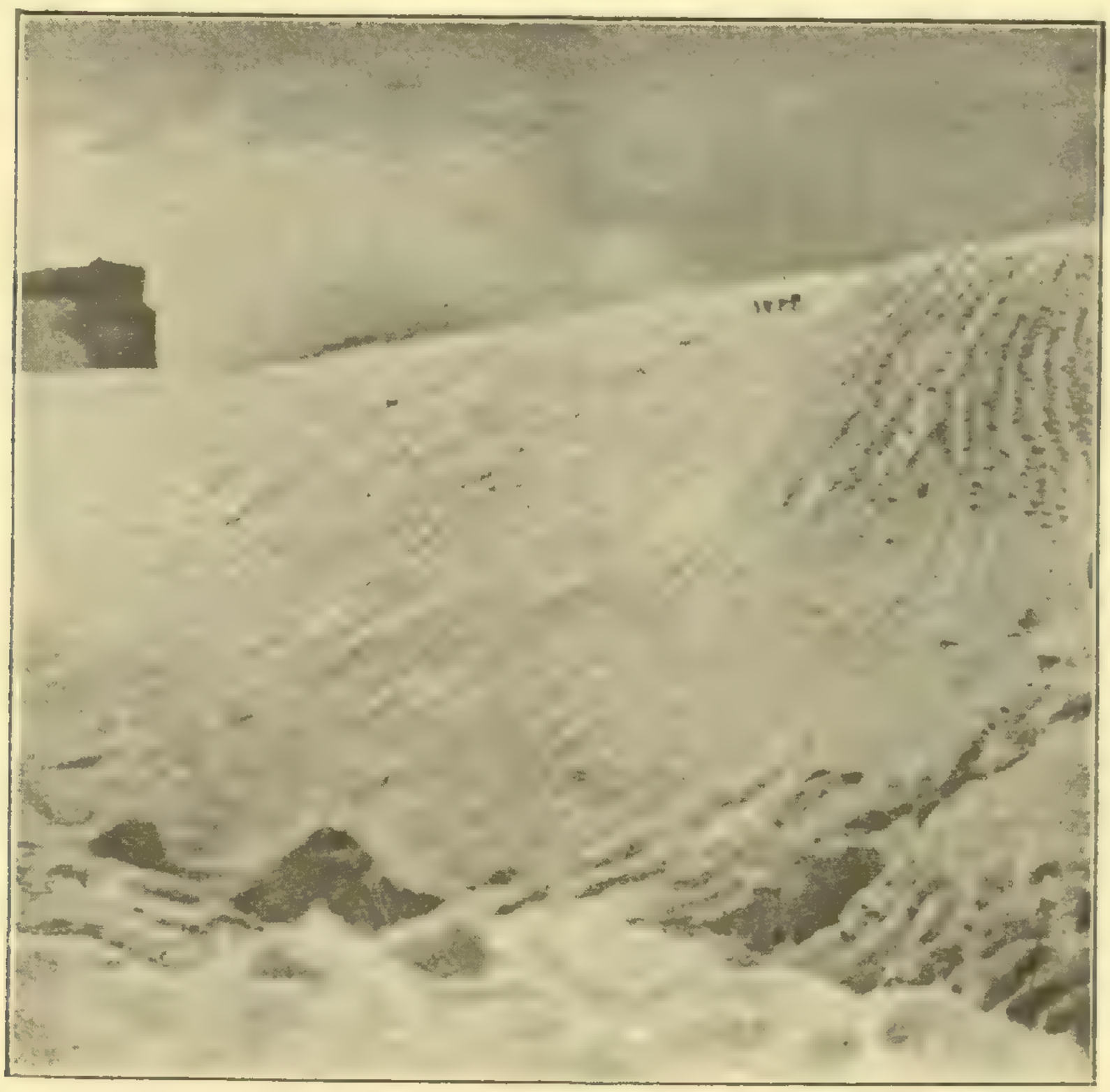


Рис. 33. Подъемъ къ гребню пер. Шитхарфъ.

розсыпяхъ здѣсь собираемъ нѣсколько интересныхъ высокогорныхъ растеній.

Далѣе, черезъ четверть часа мы останавливаемся въ урочищѣ Уамбынъ, на правомъ берегу ручья Шитхарфъ, между двойнымъ водопадомъ и струей воды, замерзшей въ видѣ водопада.

Въ 1 ч. 50 м. мы выѣзжаемъ дальше. Здѣсь отмѣтимъ разнообразную высокогорную растительность: Delphinium caschemirianum — вуямбаръ (шугн.), Isopyrum anemonoides, Pleurospermum darwasicum, Astragalus Olgae, Leontopodium (по ручью), Pyrethrum Stoliczkai, Myricaria, Epilobium latifolium,

Erigeron acer, Dracocephalum 1, Dracocephalum 2, Sedum gelidum (красн.-желт.), Sedum elongatum, Primula nivalis, Carex крупный, Calamagrostis anthoxanthoides, Elymus lanatus, Cicer tragacanthoides, Senecio Renardi, Zozimia желтая, Lonicera Semenovii, Euphorbia virgata, Macrotomia perennis, Acantholimon parviflorum — „Захъ“ (ваханск.), Solenanthus stylosus, Melandryum apetalum.

Нѣкоторое время я ѣхалъ верхомъ, но это такъ трудно и мало пріятно, что я предпочелъ послѣдовать примѣру

Рис. 34. Гребень перевала Шитхарфъ.

остальныхъ и спѣшился; дальше, однако, снова можно было ѣхать верхомъ, по каменнымъ глыбамъ, безъ признаковъ какой-либо тропинки.

Въ 3 ч. 05 м. мы переѣзжаемъ чрезъ небольшой ручей, являющійся правымъ притокомъ ручья Шитхарфъ. Здѣсь у ручья мы замѣчаемъ заросли Myricaria germanica, а въ нихъ Conioselinum schugnanicum. Видимъ здѣсь и другіе кустарники: Rosa, Ribes orientale. Растительность представляетъ такимъ образомъ здѣсь уже начало новой зоны, болѣе низкой. Около ручья видимъ мы и небольшую луговину, на которой

отмѣтили Plantago, Astragalus schugnanicus. Это мѣсто назвали намъ Тропъ-шабырга. На противоположной сторонѣ рѣки виденъ значительный притокъ, Ростоу-джрафъ, вытекающій, по словамъ шугнанцевъ, также изъ ледника водораздѣльнаго хребта. На нашемъ берегу здѣсь появляются первые признаки тропинки. Очевидно, сюда ваханцы заходятъ со своими стадами болѣе часто. Изъ растительности отмѣтили здѣсь Rosa съ розовыми цвѣтами, образующую

Рис. 35. Гребень перевала Шитхарфъ.

здѣсь великолѣпный розарій, а также Eritrichium pamiricum (подъ скалами), Astragalus alatavicus, Artemisia.

Въ 3 ч. 35 м. д. мы находимся какъ разъ напротивъ устья Ростоу-джрафъ. Здѣсь появляются еще Cousinia (красная), Hedysarum cephalotes, Trigonella Emodi. Характеръ долины Шитхарфа во многомъ отличается отъ ущелій Вранга и Янга. Здѣсь долина шире, тропа гораздо болѣе доступна.

Пока все еще мы ѣдемъ по высокой области, гдѣ нѣтъ никакихъ ивняковъ, а по рѣкѣ изобилуютъ лишь Myricaria. Изъ другихъ растеній отмѣтили здѣсь любопытные Astragalus Scheremetewianus, A. Laxmanni, Potentilla bifurca.

Спускаемся далѣе внизъ по долинѣ Шитхарфъ и прибываемъ въ уроч. Пшоудъ-айлякъ (4 ч. 05 м. д.). Здѣсь долина представляетъ нѣкоторое расширеніе. Съ запада сразу горы поднимаются въ видѣ отвѣсной стѣны; на луговинѣ виденъ ключъ съ прозрачной водой и загоны для скота. Изъ растеній здѣсь Inula rhizocephala, Eurotia ceratoides, Solenanthus stylosus (во множествѣ). Луговина кочковатая и служитъ истокомъ ручья съ очень прозрачной водой. На противоположномъ берегу, на склонѣ горы мы видимъ небольшой кустъ

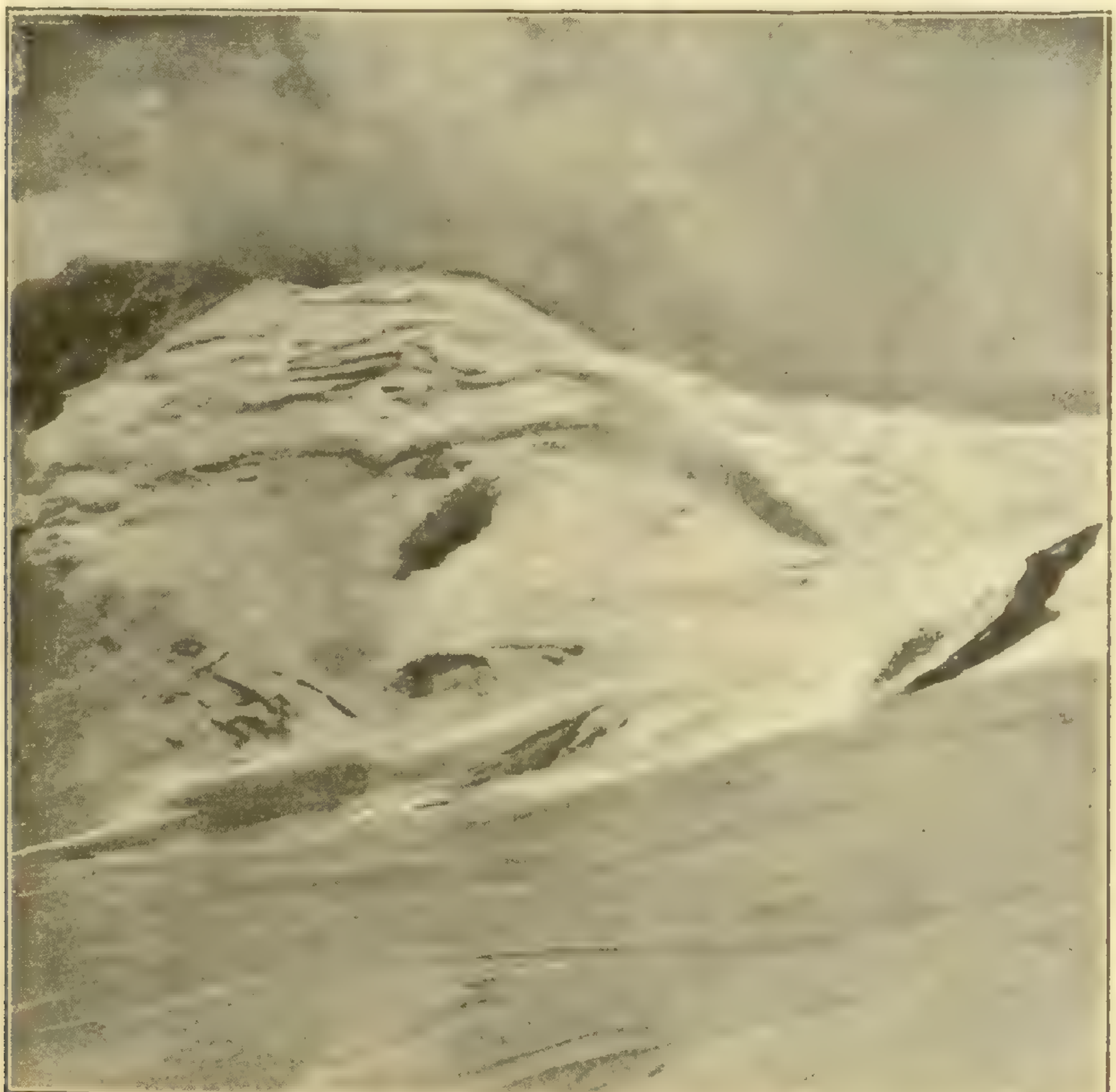


Рис. 36. Къ югозападу отъ перевала Шитхарфъ.

арчи Juniperus excelsa, вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же и на нашемъ берегу нѣсколько кустовъ этого растенія (Рис. 37.).

Мы ѣдемъ далѣе по дну долины, но вправо отъ насъ отходитъ объѣздная тропа — на случай силя, т. е. бурнаго потока, мѣшающаго движенію по долинѣ. Изъ растеній здѣсь появляется Heracleum Olgae. Арча здѣсь появляется въ видѣ нѣсколькихъ деревцовъ, а есть также пни болѣе старой арчи — одинъ вершковъ 6 въ діаметрѣ. Впадающій здѣсь ручей, съ большимъ силевымъ выносомъ, самое урочище, все это названо по имени арчи — Арчастоунъ. Тутъ

намъ пришлось нѣсколько подняться на склонъ горы, но дальше снова спускаемся на дно долины (5 ч. д.) Здѣсь есть уже и ивняки, но ихъ еще мало, хотя деревца довольно большія. Впрочемъ, то же явленіе, появленіе сразу крупныхъ не малорослыхъ ивъ увидимъ мы и далѣе, на Даршаѣ. Не мало здѣсь и сорнаго Cirsium arvense.

Мы ѣдемъ по разливамъ рѣки, гдѣ изъ древесныхъ породъ присоединяется еще облѣпиха, Hippophaë rhamnoides.

Рис. 37. Арча въ урочищѣ Арчастоунъ.

Въ 5 ч. 20 м. мы переѣзжаемъ небольшой, очень короткій ручей Фырзъ, текущій изъ подъ горы.

Далѣе возлѣ рѣки развитъ чрезвычайно густой ивовый лѣсъ, но мы въ него не въѣзжаемъ. Еще нѣсколько сотъ саженъ и мы прибываемъ на сырую луговину подъ отвѣсной скалой, именуемую Пуршуй. Здѣсь отмѣтили Parnassia. Далѣе опять ѣдемъ по разливамъ рѣки и такимъ образомъ ее переѣзжаемъ. Въ заводи здѣсь отмѣчаемъ Ranunculus natans. Отсюда видно назадъ очень характерную вершину, съ небольшимъ количествомъ снѣга, на стрѣлкѣ между верховьемъ Шитхарфа, по которому мы шли, и упомянутому

выше притоку его Ростоу-джрафъ. Вершину эту назвали намъ Шонъ-и-митганъ.

Перейдя черезъ разливъ рѣки, мы шли немного опять луговиной, а затѣмъ снова идемъ по каменному развалу, по которому, однако, устроено нѣчто въ родѣ тропы; оригинально, что мѣстами тропа эта завалена камнями, положенными въ видѣ особыхъ стѣнокъ; сдѣлано это для того, чтобы помѣшать скоту возвратиться назадъ съ пастбищъ. Каменные развалы здѣсь тянутся по обоимъ берегамъ рѣки. По такому завалу круто спускаемся мы внизъ, къ урочищу Русъ, гдѣ рѣка Шитхарфъ образуетъ двойной водопадъ.

Далѣе снова небольшой подъемъ и затѣмъ мы проѣзжаемъ мимо небольшой тупъ-ханы, представляющей собственно развалину. Затѣмъ еще спускъ, и наконецъ въ 6 ч. 45 м. мы въ ваханскомъ кишлакѣ Шитхарфъ.

Стоянка, или вѣрнѣе, ночлегъ въ кишлакѣ Шитхарфъ давалъ намъ мало надеждъ на благополучный дальнѣйшій путь, такъ какъ испортился одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ успѣха путешествія — погода. Всю ночь дулъ западный „ваханскій“ вѣтеръ, а къ утру все небо затянуло облаками.

8. Даршай и Абхарвъ.

Въ 9 ч. у. (31 іюля) выступили мы съ мѣста ночлега и направились внизъ по долинѣ Пянджа (рис. 38.). Черезъ нѣсколько десятковъ саженъ намъ пришлось перейти въ бродъ р. Шитхарфъ; рядомъ съ бродомъ имѣется плохенькій каменный мостикъ для пѣшеходовъ. Далѣе мы идемъ полями, среди которыхъ кое-гдѣ попадаются участки каменистые. Изъ растительности здѣсь отмѣтимъ: Echinops, Anabasis, Eurotia ceratoides. Далѣе тропа выходитъ на конгломераты и по нимъ, а затѣмъ по скалѣ высоко надъ Пянджемъ, мы и ѣдемъ. Вслѣдъ за этимъ тропа снова подходитъ къ Пянджу, гдѣ мы видимъ песчаныя дюны, поросшія Hippophaë rhamnoides, Lasiagrostis splendens и Eurotia ceratoides. Далѣе къ тропѣ довольно близко подходитъ рѣка и берегъ здѣсь искусственно укрѣпленъ, а затѣмъ мы снова ѣдемъ по карнизу и по скалѣ Ливбаръ. Вслѣдъ затѣмъ мы переѣзжаемъ чрезъ ручей Нарнупъ, ниспадающій со скалы почти отвѣсно въ видѣ водопада, футовъ на 500.

Въ другую сторону, на Пянджѣ, предъ нами открывается

широкій видъ на долину рѣки. Изъ растительности на пескахъ здѣсь появляется Iphione radiata (= Inula ammophila Bge).

Въ 10 ч. 30 м. мы должны измѣнить направленіе своего пути. Мы оставляемъ Пянджъ и сворачиваемъ круто, почти подъ прямымъ угломъ, вправо, съ тѣмъ, чтобы итти далѣе по долинѣ Даршая, притока Пянджа. Мы сворачиваемъ по пологому склону, не доѣзжая верстъ двухъ до кишлака Даршай. Вскорѣ мы бросаемъ лошадей, на которыхъ ѣхали до сихъ поръ верхомъ, и затѣмъ направляемся далѣе на ку-

Рис. 38. Долина р. Пянджъ.

тасахъ, которыхъ удалось достать нѣсколько, хотя и не для всѣхъ спутниковъ нашихъ. Въ послѣдній разъ любуемся мы ваханскимъ Пянджемъ; прямо передъ нами широко раскинулся кишлакъ Даршай, а на противоположной афганской сторонѣ Пянджа виденъ кишлакъ Дигергенъ.

Вскорѣ долина Даршая съуживается; у самаго входа въ ущелье его находится небольшая сторожевая башня, тупъ-хана (рис. 39.). Видъ на ущелье Даршая замыкается въ отдаленіи величественной снѣговой вершиной.

Недолгое время мы можемъ ѣхать верхомъ на нашихъ кутасахъ, а затѣмъ приходится спѣшиваться, проводить кутасовъ въ поводу и не безъ труда перетаскивать (рис. 40.) на рукахъ вьюкъ по крутому и узкому карнизу, именуемому Тунгъпаринъ. Самое трудное мѣсто этого карниза назвали намъ Рафакъ-и-даршай — тамъ мы были въ 12 ч. 25 м. (рис. 41.) Ровно въ 1 ч. д. я снова сажусь на кутаса и мы продолжаемъ путь прежнимъ порядкомъ и вскорѣ добираемся до уроч. Скорцъ, почти у самой рѣки. Это первое на пути по Даршаю мѣсто,

Рис. 39. Тупъ-хана надъ Даршаемъ.

удобное для ночлега. Здѣсь есть кормъ для скота, дрова (ивняковый лѣсъ) и площадка, гдѣ удобно разбить лагерь. Немного далѣе мы переѣзжаемъ чрезъ Даршай по мосту Пуль-и-фурзъ, который названъ такъ по имени встрѣчающихся здѣсь березъ, Betula alba var. schugnanica, по шугнански „фурзъ“. Отъ деревьевъ остались здѣсь, однако, преимущественно толстые пни съ очень тонкими побѣгами. Изъ другихъ кустарниковъ упомянемъ о черной смородинѣ, по шугнански „іофтъ“.

За мостомъ небольшой, крутой подъемъ, и вслѣдъ за

нимъ мы дѣлаемъ небольшую остановку, на довольно крутомъ склонѣ, заросшемъ облѣпихою (Hippophaë rhamnoides).

Въ дальнѣйшемъ пути мы переѣзжаемъ чрезъ очень маленькій ручей Затъ-пуріанъ, а на противоположной сторонѣ Даршая видимъ впаденіе ущелья сухаго ручья Пьяхестоунъ дары. Видны большіе силевые выносы, но воды нѣтъ, такъ какъ невидно и снѣга въ верховьяхъ этого ручья.

Вскорѣ въ долинѣ Даршая начинаютъ попадаться и тополя, хотя и небольшія деревья. Тропа спускается опять

Рис. 40. Тунгъ-паринъ.

къ уровню рѣки, и здѣсь, въ ур. Кокъ-джангаль, мы замѣчаемъ большіе ивняковые лѣса. Съ правой стороны въ Даршай впадаетъ еще небольшой ручей Асой-джангаль, который намъ и приходится переѣзжать. У ложа этого ручья мы замѣчаемъ одинокій кустъ арчи (Juniperus excelsa), а въ горахъ виднѣется здѣсь немного снѣга. Изъ другихъ растеній здѣсь нами замѣчены: Helichrysum Buhseanum, Astragalus secundus, Astragalus lasiosemius, Angelica brevicaulis, Cicer tragacanthoides и Conioselinum schugnanicum. На противоположной сторонѣ Даршая виднѣется также сухое ложе ручья,

съ громадными силевыми выносами — это Хышка-дара, а далѣе такое же ложе Сафедъ-дара. Немного далѣе впадаетъ слѣва р. Міаунда-дара; вдоль нея тянется лѣсокъ, расширяющійся книзу, а далѣе — луговина у рѣки и загонъ для скота. Это айлакъ Міаунда. Выше мы снова переѣзжаемъ Даршай по мосту Скордъ, около сухого ложа р. Скордъ-дары и наконецъ въ 6 ч. 25 м. веч. останавливаемся въ ивняковомъ лѣсу на ночлегъ въ ур. Имастъ, около устья р. Имастъ, долина котораго также, сколько видно, заросла ивняковымъ лѣсомъ.

Рис. 41. Рафакъ-и-даршай.

Утромъ 1 августа въ 7 час. мы выступили съ ночлега въ урочищѣ Имастъ и направились въ дальнѣйшій путь къ истокамъ Даршая. Возлѣ Даршая ивняковый лѣсъ, но постепенно онъ рѣдѣетъ и вскорѣ ивы пропадаютъ и остаются лишь кустарныя Myricaria germanica. Отдѣльные экземпляры ивы заходятъ однако и далѣе. Такъ, довольно крупныя деревья мы встрѣтили гораздо выше, почти у расширенія долины Даршая.

На пути мы переѣзжаемъ нѣсколько ручьевъ, которые и наносимъ на карту. Здѣсь же упомянемъ лишь о Давла-

джанѣ, ручья съ прозрачной водой; по берегамъ него тянутся сырыя луговины съ отдѣльными деревцами ивъ. Въ верховьяхъ каменистаго ущелья этого ручья видно немного снѣга. Упомянемъ еще и о неширокомъ, но очень красивомъ водопадѣ Вырзгоузъ, образуемомъ однимъ изъ ручьевъ. По берегамъ этого ручья тянутся заросли Myricaria, среди которыхъ растутъ Pyrethrum Stoliczkai, Swertia lactea. Выше отмѣтили красивый водопадъ Шохъ-шупда-дары, гдѣ вода совершенно распыляется. Надъ ручьемъ того же имени, впадающимъ въ Даршай съ противоположнаго праваго берега, виситъ пластъ снѣга, напоминающій по виду фирнъ-глетчеръ. Долина рѣки то расширяется, то съуживается. На песчаныхъ мѣстахъ мы наблюдаемъ здѣсь Paracaryum himalayense, Artemisia sp., Astragalus lasiosemius. На каменистыхъ мѣстахъ, а такія преобладаютъ, отмѣчены: Ribes orientale, Lonicera Semenovii, Cicer tragacanthoides, Nepeta, Crepis, Acantholimon, Dracocephalum. Одно изъ расширеній долины особенно велико — здѣсь рѣка образуетъ небольшое озеро, которое, однако, въ зависимости отъ притока воды въ рѣкѣ то повышаетъ, то понижаетъ свой уровень; суточныя колебанія, по словамъ туземцевъ, достигаютъ громадныхъ размѣровъ и къ утру озеро уменьшается почти до половины своего размѣра. Длина озера около 75 саженъ, ширина — саженъ 100. Вода мутная, сѣрозеленоватая. На равнинѣ около озера замѣчены нѣкоторыя бобовыя растенія — Oxytropis chiliophylla, Hedysarum cephalotes var. schugnanicum. У верхняго конца озера много Myricaria germanica, и здѣсь же появляются первыя Primula nivalis. Здѣсь же мы перебрались вбродъ снова на правый берегъ Даршая. На пескахъ у рѣки здѣсь замѣчены: Epilobium latifolium, Conioselinum schugnanicum, Astragalus Olgae. Подъ камнями же здѣсь замѣчены Cystopteris fragilis, на галькѣ Rheum spiciforme.

Выше озера переѣзжаемъ два ручья — Шаршара-дару и Сель-дару, а на противоположной сторонѣ Даршая виденъ ручей Куталь-дара, гдѣ будто бы идетъ тропа къ перевалу на Шахъ-дару. Ущелье очень круто и не легко для подъема, но льда тамъ нѣтъ и туземцы увѣряютъ, что кутасы могутъ тамъ пройти. Въ ур. Шуйль-айлакъ мы видимъ опять каменные загоны для скота и пристройки къ скаламъ — временныя жилища туземцевъ. Тропа здѣсь нѣсколько раздѣлана, большіе камни съ нея убраны, такъ какъ здѣсь лежитъ путь сообщенія

съ горными пастбищами, къ которымъ мы и приближаемся. Слѣва отъ насъ тянется совершенно отвѣсная скалистая стѣна и съ нея по трещинѣ спускается небольшой висячій фирнъ-глетчеръ. Впереди же передъ нами находилась значительныхъ размѣровъ котловина Тунгъ, замыкавшаяся цѣпью или вѣрнѣе, кольцомъ снѣговыхъ пиковъ. Растительность этой котловины носитъ уже рѣшительно высокогорный характеръ. На луговинахъ здѣсь отмѣтимъ: Cerastium trigynum, Saxifraga hirculus, Leontopodium alpinum. На сухихъ склонахъ, однако, здѣсь преобладаетъ Artemisia и много Nepeta kokanica. Рѣка Даршай здѣсь именуется уже Тунгъ и течетъ по луговинѣ многими рукавами. И здѣсь есть небольшія каменныя постройки — Тунгъ-айлакъ. Вся эта мѣстность представляетъ великолѣпныя горныя пастбища.

Послѣ небольшой остановки, вызванной главнымъ образомъ необходимостью разобраться въ собранныхъ растеніяхъ, мы двинулись въ дальнѣйшій путь къ перевалу на Абхарвъ. Путь нашъ шелъ сначала по котловинѣ Тунгъ, причемъ мы могли видѣть и нанести на карту рядъ деталей — ручьевъ и ледниковъ въ этой никому неизвѣстной мѣстности. Изъ растительности заслуживаютъ упоминанія: на галькѣ — Myricaria germanica, Oxytropis platonychia, Pyrethrum Stoliczkai, Epilobium latifolium, мѣстами сплошь покрывающій прибрежную гальку, Melandryum apetalum, Primula nivalis; на луговинахъ — Swertia marginata, Saxifraga hirculus, Allium monadelphum. Подъ камнями — Saxifraga sibirica. На склонѣ: Hedysarum cephalotes var. pamiricum, Macrotomia perennis, Nepeta kokanica, Acantholimon parviflorum, Solenanthus stylosus, Artemisia, Geranium collinum var. glandulosum, Arenaria Griffithi, Parrya, Ephedra, Carex. Каждые десять шаговъ пути сначала по задерненной древней моренѣ, затѣмъ по луговинѣ и снова по моренѣ, даетъ намъ возможность видѣть новыя и новыя картины. Въ общемъ удалось установить, что р. Тунгъ, верховье Даршая, составляется изъ трехъ — р. Амбарку, р. Куталь и р. Ростоу. Въ верховьяхъ первой имѣются большіе ледники и возвышается величественный пикъ Амбарку. Вторая, Куталь-дара, также вытекаетъ изъ большого ледника, по которому и предстояло намъ взбираться на перевалъ. Наконецъ, Ростоу-дара также вытекаетъ изъ ледниковъ и въ верховьяхъ ея виднѣется высокій снѣговой пикъ. Изслѣдованіе ледниковой области Ростоу-дары и ея отношенія къ

верховьямъ Гармъ-чашмы составляетъ ближайшую задачу изслѣдователей Шугнана.

Къ 5 ч. дня мы добрались до нижняго конца ледника Куталь-дары, гдѣ и остановились на ночлегъ. Предъ нами возвышался величественный хребетъ, на который намъ предстояло взбираться. Я предпринялъ вечеромъ еще небольшую экскурсію къ ледникамъ, а наши спутники таджики долго стояли предъ ледяной стѣной, особенно красивой при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца и съ сомнѣніемъ смотрѣли на предстоявшій переходъ.

На утро, 2 августа въ 6 ч. 35 м., выступили мы въ дальнѣйшій путь, по осыпи, вдоль ледника, держась сначала надъ нимъ. Растительность осыпей сразу дала здѣсь рядъ интересныхъ формъ, ранѣе нами невиданныхъ, какъ Ranunculus Schaftoanus, рѣдкихъ вообще — Astragalus schugnanicus flore purpureo или даже и совсѣмъ новыхъ — Parrya sp. n.

Ледникъ, вдоль и по которому намъ предстояло идти на поискахъ перевала, составляется собственно изъ четырехъ. На пути нашемъ пришлось увидѣть не мало любопытнаго. Необходимо отмѣтить существованіе красиваго ледниковаго озера, длиной около 50 саженъ и шириной саженъ въ 25. Выше, надъ снѣговымъ полемъ ледника, по которому мы шли, расположенъ другой, въ которомъ на отвѣсномъ обрывѣ съ чрезвычайной ясностью видна слоистость льда. У этого высоколежащаго ледника видны двѣ боковыя морены, спереди почти сходящихся, но конечной морены не образующихъ. Ручей, вытекающій изъ этого ледника, уходитъ подъ снѣговое поле. Большую часть подъема къ перевалу удалось сдѣлать верхомъ на кутасѣ; только немного не доходя перевала пришлось спѣшиться и взбираться по крутому снѣжному склону и скалѣ, причемъ кутасовъ все же провели къ перевалу, только въ обходъ. Ровно въ полдень мы были на гребнѣ перевала, который представляетъ изъ себя родъ снѣгового корридора или небольшія котловины шаговъ въ двадцать ширины. Лѣвѣе гребень перевала скалистый, безснѣжный. Перевалъ намъ удалось отыскать не сразу, такъ какъ первоначально мы послали людей на поиски перевала тамъ, гдѣ по словамъ туземцевъ, раньше удавалось имъ перебираться на Абхарвъ,—нѣсколько лѣвѣе того мѣста, гдѣ мы перешли хребетъ. Оказалось однако, что тамъ невозможно пройти, пришлось отыскивать себѣ новый перевалъ, что̀ и удалось исполнить.

Видъ съ перевала грандіозный! Подъ ногами у насъ находилась вся котловина Абхарва, видно озерко съ зеленой водой, множество ледниковъ. Взглядъ брошенный назадъ, въ верховья Даршая, обнаруживаетъ такую массу льдовъ, какой мнѣ еще не приходилось до тѣхъ поръ видѣть.

Съ вершины перевала на Абхарвъ мы имѣли возможность ознакомиться съ верховьями этой совершенно не изученной долины. Вдоль праваго берега долины тянется почти безснѣжный хребетъ. Только тамъ, гдѣ конфигурація горъ образуетъ котловину, наблюдаемъ небольшія скопленія снѣга, дающія впрочемъ начало небольшимъ ледникамъ. Число такихъ ледниковъ въ общемъ достигаетъ почти десяти. Скажемъ нѣсколько словъ вкратцѣ о каждомъ изъ нихъ.

Начинаемъ съ праваго берега ручья, снизу кверху. Два первые ледники имѣютъ одинъ общій снѣжникъ. Третій и четвертый ледники не велики. Пятый ледникъ довольно длиненъ, но не спускается низко. Шестой ледникъ, лежащій въ углу между хребтомъ праваго берега и хребтомъ лѣваго берега (въ которомъ находится описываемый перевалъ), — больше другихъ и довольно низко спускается; одинъ ледникъ, седьмой, находится между этимъ угломъ и переваломъ и наконецъ послѣдній, восьмой — немного лѣвѣе перевала. Кромѣ описаннаго хребта праваго берега, вправо виднѣется и еще рядъ болѣе короткихъ хребтовъ. На заднемъ планѣ замѣтна болѣе высокая цѣпь съ обильными снѣгами и, вѣроятно, съ ледниками. Въ $12^1/_2$ ч. д. мы начинаемъ спускаться съ перевала. Не смотря на крайнюю крутизну, спускъ по мокрой, скользкой осыпи и скалѣ, все же намъ удается спуститься самимъ и даже провести своихъ кутасовъ. Подконецъ мы идемъ уже по снѣговому, не особенно крутому склону и черезъ $1^1/_2$ часа стремительнаго спуска внизъ останавливаемся наконецъ на моренѣ седьмого ледника, считая перевала пройденнымъ. Прибавляю, что, если спускъ съ перевала занялъ $1^1/_2$ часа, то восхожденіе потребовало бы вѣроятно не менѣе пяти часовъ времени. Пройдя нѣкоторое время на кутасахъ, мы стали встрѣчать наконецъ и растенія. Первыми были Saxifraga flagellaris и Saussurea pamirica. По моренѣ этой пришлось намъ спускаться около часа, затѣмъ идемъ по землистой осыпи и наконецъ въ 3 ч. 20 м. дня останавливаемся на лужайкѣ у ручья.

Верховья Абхарва, какъ уже сказано, образуютъ не-

большое расширеніе, представляющее, вѣроятно, древній ледниковый циркъ. Кромѣ упомянутыхъ выше семи ледниковъ, надо упомянуть и еще объ одномъ, самомъ нижнемъ, по лѣвому берегу ручья. У нижняго конца этого ледника находится большая мореновидная осыпь, а въ верхней части его, къ гребню — отвѣсный ледяный обрывъ, около предполагавшагося перевала. Между прочимъ надо отмѣтить, что, если бы я шелъ въ обратномъ направленіи, съ Абхарва на Даршай, то очевидно сталъ бы искать перевала по леднику пятому, и вѣроятно въ результатѣ перебрался бы на одинъ изъ ледяныхъ притоковъ Ростоу-дары, третьяго изъ истоковъ р. Даршай.

На луговинѣ у ручья у мѣста остановки расли Parrya n. sp. и Saxifraga hirculus, а на мягкой почвѣ болѣе сухихъ склоновъ я наблюдалъ: Nepeta kokanica, Smelowskia pectinata, Ranunculus rufosepalus, Allium monadelphum, Draba alpina, Chorispora macropoda, Primula nivalis, Oxytropis immersa, Sedum gelidum, Parrya n. sp., Cerastium trigynum.

Въ 4 ч. 5 м. мы выступили въ дальнѣйшій путь. Перебравшись сейчасъ же вбродъ чрезъ Абхарвъ, мы стали спускаться по очень трудному скалистому спуску, причемъ конечно, пришлось карабкаться и съ особыми усиліями вести внизъ кутасовъ. Почти два часа продолжался этотъ трудный путь, пока наконецъ снова мы не дошли до Абхарва, вдоль котораго и пошли далѣе. Здѣсь долина немного расширяется, вдоль рѣки развита небольшая луговина съ хорошей травой — на пастбищѣ мы видимъ и лошадей. Слѣва впадаетъ здѣсь ручей Медзынъ-хара, вытекающій изъ двѣнадцатаго ледника, обладающаго большою мореною. Одиннадцатый ледникъ расположенъ нѣсколько выше.

Изъ растительности здѣсь пришлось отмѣтить цѣлый рядъ характерныхъ видовъ: кустарники: Lonicera Olgae во множествѣ, Astragalus lasiosemius. Злакъ: Stipa turkestanica. Многолѣтники: Morina persica, Cousinia, Cicer tragacanthoides, Cicer songaricum, Senecio Renardi, Euphorbia virgata, Erigeron acris, Pyrethum Stoliczkai, Epilobium latifolium, Nepeta podostachys. Подъ камнями Eritrichium pamiricum.

При самомъ концѣ крутого спуска, слѣва впадаетъ въ Абхарвъ небольшой ручей, падающій сверху красивымъ водопадомъ; но откуда онъ берется — неизвѣстно. Здѣсь-же у рѣки мы замѣтили представителей прирѣчной флоры: Myricaria germanica и Swertia lactea.

Немного ниже долина опять сильно стѣснена обломками скалъ, нагромоздившихся въ безпорядкѣ и завалившихъ рѣку. Здѣсь имѣется среди этихъ нагромажденій скалъ и небольшая тропа, которая въ это время была искусственно завалена камнями, для того, чтобы помѣшать лошадямъ, которыя паслись на пастбищѣ, уйти внизъ; вверхъ уйти, какъ мы видѣли, лошадямъ невозможно, такъ какъ и кутасовъ намъ удалось провести съ громадными затрудненіями.

Изъ растительности здѣсь отмѣтили: Allium monadelphum въ изобиліи на лугахъ. Acantholimon diapensioides на каменистыхъ склонахъ. Изъ кустарниковъ здѣсь появились: Ribes и въ зарослях ея Astragalus secundus, Solenanthus petiolaris. Наконецъ, здѣсь же появились Delphinium dasyanthum, Megacarpaea gracilis. У рѣки появились кусты Salix съ бѣлыми стволами, на скалахъ Ribes orientale. Еще немного — и я впервые встрѣчалъ оригинальный колючій кустарникъ Onobrychis Echidna.

Въ 7 ч. 30 м. мы останавливаемся на ночлегъ у сліянія трехъ рѣкъ, дающихъ начало Абхарву. Здѣсь есть небольшая тупъ-хана, старый кишлакъ и посѣвы ячменя и пшеницы. Остановились на ночлегъ, а немного спустя встрѣтили и людей, пробиравшихся куда-то въ верховья праваго притока (мы шли по среднему).

Мѣсто нашей остановки и ночевки, какъ выяснилось изъ распросовъ встрѣтившихся довольно неожиданно людей, есть кишлакъ Тускараунъ. Три ручья носятъ названіе: лѣвый — Дзюнгхра; въ верховьяхъ его есть ледникъ; средній, по которому мы шли, Худускъ и правый — Гандорфъ. Ниже, соединенная рѣка называется Вирмонъ, Абхарвомъ же именуется весь бассейнъ. Людей въ Тускараунѣ не было, они ушли куда-то въ Рунъ; встрѣтившіеся же таджики направлялись въ айлакъ Хырсъ Хаворъ, по верхнему теченію Гандорфа, гдѣ также есть ледники.

На утро мы выступили внизъ по Вирмону, идя все время по его правому берегу. Выступили мы въ 7 ч. 45 м. у. и сейчасъ же должны были перейти по маленькому мостику чрезъ Гандорфъ. Кутасовъ же перевели вбродъ. Дальше тропа мѣстами по осыпи шла надъ обрывомъ, такъ что не мало пришлось идти пѣшкомъ. Изъ растеній здѣсь отмѣчены: Acanthophyllum pungens, Euphorbia schugnanica n. sp.,

Astragalus Scheremetewianus, Acantholimon parviflorum, Eremurus stenophyllus.

Въ дальнѣйшемъ пути интересъ представляютъ нѣкоторыя подробности топографіи лѣваго притока, который назвали намъ Вирмонкомъ, здѣсь виднѣется небольшой ледникъ и снѣга. Правый притокъ, vis-á-vis Вирмонка, именуется Miаундау, и здѣсь мы видимъ уже небольшой арыкъ, вы-

Рис. 42. Гигантская арча.

веденный изъ этого ручья. Сейчасъ здѣсь мы видѣли плохіе посѣвы ячменя, немного проса и бобовъ (Vicia Faba), но кромѣ нихъ слѣды болѣе крупныхъ прежнихъ посѣвовъ. Строенія бывшаго кишлака здѣсь также почти всѣ развалились и я видѣлъ едва лишь одинъ домикъ, въ которомъ можно было бы жить.

У устья Вирмонка, т. е. на лѣвомъ берегу, виденъ также

старый кишлакъ, въ которомъ сейчасъ не живутъ, но посѣвы тамъ имѣются. По самому Вирмонку виднѣется также и ивняковый лѣсъ. Въ дальнѣйшемъ пути очень большой интересъ представило (рис. 42) гигантское дерево арчи (Juniperus excelsa), остатокъ прежнихъ лѣсовъ. Дальнѣйшій путь до Пянджа не представилъ большаго интереса. Кое-гдѣ на лужайкахъ встрѣтили мы, правда, Primula Warshenewskiana.

Предъ выходомъ въ долину Пянджа мы должны были спуститься по довольно крутому склону, а затѣмъ уже вдоль Пянджа по хорошо раздѣланной тропѣ къ 6 час. веч. дошли до Ишкашимскаго укрѣпленія, возлѣ кишлака Мульводжъ. Это укрѣпленіе было крайнемъ пунктомъ нашего движенія на югъ въ первое шугнанское путешествіе въ 1901 г.

9. На Гармъ-чашму.

Изъ Ишкашимскаго поста мы вышли на слѣдующій день въ 1 ч. дня внизъ по Пянджу по дорогѣ, знакомой уже намъ съ 1901 года, вплоть до киплака Баршау, гдѣ мы и остановились на ночлегъ (5 ч. 35 м.) у Искандеръ-хана, въ его оригинальномъ двухъ-этажномъ домѣ.

На утро мы свернули уже со знакомой дороги по Пянджу и направились вверхъ по р. Богушъ, желая найти перевалъ на верховья Гармъ-чашмы. Выступивъ въ 7 ч. 20 м. у., мы шли вдоль ручья, а черезъ полчаса проходили по небольшому и невысокому, хорошо раздѣланному карнизу Рафакъ-и-Шингаръ, за которымъ слѣдуетъ кишлакъ Казыды. По мосту чрезъ Богушъ мы перебираемся на правый берегъ рѣки и ѣдемъ преимущественно пойменнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ облѣпихи (Hippophaë rhamnoides) и ивняковъ (Salix изъ группы Purpureae). Дальше вдоль рѣки есть и тополя, но мы уже поднимаемся надъ долиной, переѣзжаемъ одинъ изъ боковыхъ ручьевъ, заросшій, кромѣ тополей и ивняковъ, еще и жимолостью, и поднимаемся на боковой увалъ, съ вершины котораго хорошо видно долину Богушъ-дары впередъ верстъ на 7—8, со многими посѣвами. На вершинѣ увала маленькое зданіе, въ сторонѣ также видны поселенія. Далѣе путь становится болѣе труднымъ, идемъ пѣшкомъ по карнизу, въ самомъ трудномъ мѣстѣ котораго впрочемъ имѣется нѣчто въ родѣ углубленія въ скалѣ и передъ ними сложено нѣсколько небольшихъ камней — это мазаръ Пирирадоръ.

Проѣзжаемъ дальше чрезъ небольшой кишлакъ Яхчеве, гдѣ и остановились въ саду у саиба Сейдъ-Асана. Пробывъ тамъ съ небольшимъ часъ, мы двинулись дальше. Изъ растительности отмѣтимъ рядъ сорныхъ — Elscholtzia densa, Cichorium Intybus, Capsella bursa pastoris, а также Geranium collinum var. eglandulosum, Heracleum Olgae, Ribes orientale, Crambe schugnana.

Вскорѣ мы добираемся до мѣста сліянія двухъ ручьевъ — Царходжа и Реджа, образующихъ сліяніемъ своимъ рѣку Богушъ. Дальнѣйшій путь идетъ уже по Царходжу. Одинъ изъ его притоковъ — Аврозакъ, гдѣ и айлакъ того-же имени. Здѣсь изъ растеній отмѣчены Oxyria digyna, Onobrychis Echidna, Polygonum alpinum, Acanthophyllum pungens, Acantholimon parviflorum, Eremurus stenophyllus.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ вбродъ чрезъ Царходжу мы начинаемъ очень крутой и довольно непріятный подъемъ по тропѣ, выводящей къ вершинѣ боковаго увала, гдѣ находится айлакъ Яспаручъ. Здѣсь я отмѣтилъ Inula rhizocephala, Barbarea, Swertia lactea, Allium monadelphum, Linum perenne, Macrotomia perennis, Morina persica, Pyrethrum Stoliczkai, Winklera silaifolia, Potentilla desertorum, Dracocephalum.

Спустившись съ увала и перейдя рѣку вбродъ, мы остановились на ночлегъ въ ур. Сафегумоу, гдѣ приблизительно проходила граница ивняковъ: у рѣки здѣсь уже нѣтъ ивняковъ, но на сѣверномъ склонѣ у ключа они еще есть.

На утро 6 августа мы выступили въ 6 ч. 50 м. Верховья рѣки, по которой мы шли, были скрыты въ туманѣ и только отчасти кое-гдѣ виднѣлись снѣга и вершины. Вскорѣ мы добрались до боковаго ручья Дара-и-Царходжъ, по которому намъ и предстояло взбираться къ перевалу на Гармъ-чашму. Вскорѣ мы отпускаемъ назадъ проводниковъ съ лошадьми, такъ какъ дальнѣйшее движеніе возможно только пѣшкомъ.

Здѣсь изъ растительности назовемъ нѣсколько альпійцевъ: Ranunculus Aucheri, Papaver alpinum, Erigeron, Rheum spiciforme, немного дальше Allium monadelphum у ручья.

Подъемъ становится все болѣе и болѣе труднымъ. Въ началѣ двѣнадцатаго часа дня мы по моренѣ поднялись къ такому мѣсту, откуда виденъ весь ледникъ. Онъ полого спускается съ возвышающейся вправо отъ насъ вершины и занимаетъ во всю ширину имѣющуюся долину.

Нижняя часть его прикрыта мореной, только слѣва отъ

насъ видно немного темногрязнаго льда. Верхняя часть вся открыта и обрывается довольно круто. Вскорѣ мы вступаемъ на ледъ. Подъемъ сначала довольно крутой, потомъ положе, по снѣгу, прикрывающему ледъ. Немного дальше мы встрѣчаемъ большую трещину, которая даетъ намъ возможность видѣть, что на поверхности ледника находится слой снѣга, подъ которымъ залегаетъ ледъ. Справа отъ насъ видна громадная снѣговая гора, дающая начало этому леднику. Виденъ и гребень перевала — сланцы безъ снѣга. Подъемъ къ перевалу трудный; но еще прежде, чѣмъ подниматься къ самому перевалу мы должны были немного спуститься въ снѣговую котловину, образованную ледникомъ. На днѣ этой котловины находится небольшой замерзшій прудокъ. Подъемъ къ самому перевалу, идетъ по крутому сланцевому склону и осыпи. Въ 12 ч. 35 м. д. мы были на гребнѣ перевала.

Предъ нами открылся грандіознѣйшій видъ, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ, которые удалось намъ видѣть въ Шугнанѣ. Прямо подъ нашими ногами были истоки загадочной Гармъ-чашмы, вытекающей изъ громаднаго ледника, длиною около 10 верстъ, и спускающагося съ высокой снѣговой вершины. Кромѣ этой вершины видна и еще одна очень высокая, въ туманѣ, за ними и третья, быть можетъ менѣе высокая; кромѣ того, рядомъ съ нами та снѣговая вершина, съ которой спускается ледникъ, по которому мы шли. Наконецъ, на заднемъ планѣ виденъ гребень, идущій отъ второй высокой вершины и въ гребнѣ этомъ замѣтенъ выдающійся трехугольный пикъ. За гребнемъ этимъ протекаетъ, по словамъ туземцевъ, Бадамъ-дара, вѣрнѣе — одинъ изъ ея притоковъ. Проведя полчаса на остромъ гребнѣ перевала, мы стали спускаться внизъ съ чрезвычайной быстротой, тѣмъ болѣе, что погода рѣзко измѣнилась и началась вьюга. Черезъ $1^1/_2$ часа такого быстраго движенія, сначала по фирновому полю, потомъ по леднику и наконецъ по склону, мы спустились наконецъ въ долину Гармъ-чашмы и могли сдѣлать остановку у ручья, который здѣсь именуется Ростоу-дара, какъ и всѣ вообще верховья Шугнанскихъ рѣкъ. Истоки рѣки, т. е. нижній конецъ большаго ледника, немного выше, метровъ на 100, мѣста нашей стоянки.

Здѣсь изъ растительности отмѣтимъ: Allium monadelphum, Rheum sp., Corydalis Gortschakowi, Polygonum alpinum, Swertia lactea, Winklera silaifolia, Cousinia, Geranium collinum

var. glandulosum, Astragalus schugnanicus, Primula nivalis, Angelica ternata, Senecio Renardi, Papaver alpinum. Здѣсь насъ встрѣтили шугнанцы съ Гармъ-чашмы, которые къ великому удовольствію нашему, предоставили въ наше распоряженіе нѣсколько лошадей.

Во время нашего движенія внизъ по Ростоу-дарѣ намъ пришлось переѣхать чрезъ рядъ притоковъ — Даргоу-и-Кильдоръ, Кильдоръ, Хохъ-джолъ-дару, Себеръ-дару, Кофаредару; въ верховьяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ притоковъ виднѣются ледники.

Къ 4 ч. 45 м. мы добрались до айлака Истедоджа. Здѣсь встрѣтили мы людей, отъ которыхъ могли получить нѣкоторыя распросныя свѣдѣнія о мѣстности. Отсюда виднѣется чрезвычайно трудная и крутая тропа къ перевалу по Кофаредарѣ на верховья Богуша; этимъ путемъ, болѣе краткимъ, чѣмъ нашъ, но еще болѣе труднымъ, прошли два таджика изъ нашей партіи. На склонахъ надъ айлакомъ виднѣется довольно много арчи (Juniperus excelsa), не крупной, но и не стелющейся. Вскорѣ попались намъ и первыя деревца бѣлоствольной ивы. Раньше, при устьи Чильдара, встрѣтились намъ низкорослыя кустарныя ивы.

Долина слѣдующаго притока, Хошъ-дары, занята зарослями бѣлоствольныхъ ивъ.

Немного далѣе, намъ приходится спускаться по крутому спуску пѣшкомъ и по мостику перебираться чрезъ ручей Явнухъ. Сейчасъ же за мостомъ подъемъ и спускъ по землистому увалу, а вслѣдъ затѣмъ появляются изъ растительности береза, Chesneya vaginalis и Delphinium Batalini.

Изъ слѣдующихъ притоковъ упомянемъ Рингъ-чаге и Дара-и-Хеуджъ. Въ долинѣ рѣки все больше и больше древесной растительности — ивы, арча, тополь. Появляются наконецъ и признаки существованія когда-то кишлаковъ и посѣвовъ въ мѣстн. Зеуджъ. Здѣсь, по словамъ таджиковъ, сѣялся ячмень и горохъ. Немного ниже по долинѣ встрѣчаемъ и засѣянныя поля; эта мѣстность также носитъ названіе Зеуджъ.

Въ 7 ч. 40 м. мы переѣзжаемъ чрезъ большой притокъ Хчафрезъ; по этому ручью идетъ тропа съ перевала на Шахъ-дару. Этотъ перевалъ былъ обслѣдованъ частью нашей партіи, съ которой мы разстались на Бадамъ-дарѣ и должны были встрѣтиться на Гармъ-чашмѣ. Еще часъ пути, уже въ потьмахъ, по долинѣ — и мы добрались до кишл. Джунтъ,

гдѣ и нашли нашихъ товарищей, ожидавшихъ насъ тамъ уже вторыя сутки.

Они успѣли выяснить теченіе Бадамъ-дары, дойти до укрѣпленія Хорогъ и оттуда съ другой стороны пришли въ Джунтъ чрезъ перевалъ Хчафрезъ.

Такимъ образомъ Гармъ-чашма была выяснена совершенно.

На утро мы занялись осмотромъ того любопытнаго уголка, куда мы попали. Уже вчера ночью я видѣлъ, что обрывъ высочайшей горы имѣетъ какой-то особенный фантастическій бѣловатый видъ. Оказалось, что вся эта мѣстность изобилуетъ горячими сѣрнистыми ключами, которые выходятъ, мѣстами въ скалѣ, образуя отложенія, которыя въ лунномъ свѣтѣ и быть можетъ благодаря фосфоресценціи казались ночью такими фантастическими. Болѣе интересны однако тѣ источники, которые выходятъ внизу, у самаго кишлака, грандіозные горячіе источники до 60^0, которые и дали названіе рѣкѣ (гармъ-горячій). Эти источники бьютъ не только ключемъ, но прямо фонтаномъ вверхъ. Сѣрныя отложенія образовали здѣсь рядъ круглыхъ бассейновъ, съ разной t^o воды. Купанье здѣсь для здороваго человѣка — наслажденіе, а для многихъ больныхъ могло бы быть весьма полезно. Около самаго фонтана въ скалѣ имѣется пещера, въ которой жилъ когда-то святой. Здѣсь три ручья и мазаръ, т. е. священное углубленіе въ скалѣ, кругловатый камень и лампада, въ которой мѣстный ишанъ зажигаетъ свѣтъ.

Все это было такъ интересно, ново, неожиданно послѣ нашихъ ледниковыхъ странствій.

Мы должны были однако спѣшить далѣе, въ Хорогъ, гдѣ и собрались всѣ три партіи нашей экспедиціи.

Изъ кишл. Джунтъ на слѣдующій день около 11 ч. утра мы отправились по долинѣ р. Гармъ-чашмы. Здѣсь растительность довольно разнообразна, есть и лѣсъ, и заросли кустарниковъ. Мы отмѣтили: Populus, Prunus prostrata, Crambe schugnana, Urtica dioica, Artemisia vulgaris, Lepidium latifolium, Ferula Jaeschkeana, Astragalus coluteocarpus, Incavillea Olgae. Отмѣтимъ также большое число посѣвовъ. Черезъ два часа пути мы были въ Андеробѣ, на Пянджѣ.

На слѣдующее утро отъ кишлака Андеробъ мы должны были до укрѣпленія Хорогъ идти вдоль рѣки Пянджъ по тропѣ, знакомой мнѣ еще съ экспедиціи 1901 года. Поэтому

этотъ путь и былъ сдѣланъ возможно быстро. Самымъ интереснымъ по части растеній были заросли громадныхъ зонтичныхъ, которыя также мнѣ знакомы съ 1901 года. Собравъ тогда образцы этого растеніе, я описалъ его, какъ новый видъ, Ferula gigantea B. Fedtsch. Дѣйствительно, это гигантъ. Многіе экземпляры высотой достигаютъ до 2-хъ саженей, образуя настоящій лѣсъ изъ травянистыхъ своихъ стеблей. Интересенъ тотъ фактъ, что нигдѣ болѣе въ Шугнанѣ этого растенія я не находилъ, какъ и никто другой изъ путешественниковъ. Здѣсь на Пянджѣ, между Андеробомъ и Нишузомъ, преимущественно въ уроч. Хосъ-Хорогъ (а также въ противоположномъ афганскомъ берегу Пянджа) обитаетъ это замѣчательное растеніе. Шугнанцы называютъ его „камоль“ и „вицакъ“.

Въ Хорогѣ мы встрѣтили и третью партію нашей экспедиціи, двигавшуюся все время вдоль Шахъ-дары.

Въ Хорогѣ мы провели весь слѣдующій день въ разборкѣ нашихъ коллекцій и различныхъ матеріаловъ по географіи страны.

10. Отъ Хорога до Кала-и-Вамара.

Утромъ 10 августа я сталъ собираться въ путь внизъ по Пянджу, желая ознакомиться съ долиной рѣки на протяженіи до Кала-и-Вамара, а также, если окажется возможнымъ, пройти сколько-нибудь на Бартангъ: вообще говоря, познакомиться нѣсколько съ Рошаномъ. Въ составъ нашей партіи, кромѣ меня, вошелъ одинъ изъ казаковъ — Рахматулиновъ, одинъ изъ бывшихъ съ нами таджиковъ — Аманъбекъ, заявившій что со мной онъ пойдетъ куда-угодно; далѣе — назначенный въ мое распоряженіе для оказанія содѣйствія при поѣздкѣ въ Рошанъ одинъ изъ джигитовъ Хорогскаго поста, Адамша, бывшій въ Рошанѣ еще въ тѣ времена, когда въ Кала-и-Вамарѣ стоялъ русскій постъ. Вьючную лошадь взяли мы всего лишь одну, сокративъ свой багажъ до крайности. Къ намъ присоединилась еще одна крѣпостная собака. Было уже не очень рано (8 ч. 20 м. у.), когда мы, наконецъ, выбрались изъ Хорогскаго укрѣпленія. Проѣхавъ кишлакъ, мы должны были немного еще ѣхать по долинѣ Гунта, но вскорѣ завернули вправо и были уже въ долинѣ собственно Пянджа. На самомъ поворотѣ при-

ходится дѣлать небольшой подъемъ и тропа идетъ около скалъ, но сейчасъ же за поворотомъ тропа выходитъ опять на сухую каменистую равнину, по которой и ѣхали мы въ продолженіе почти часа до кишлака Тима. На афганской сторонѣ виднѣлся рядъ поселеній: кишлаки Хузъ и Шивъ, расположенные по горному склону. Далѣе, кишлакъ Кронджисъ, при устьи ручья Хохцинъ, по которому, по словамъ туземцевъ, идетъ тропа на озеро Шиву.

Кишлакъ Тимъ состоитъ изъ 30 домовъ и замѣчателенъ прежде всего чрезвычайнымъ изобиліемъ садовъ. Здѣсь между прочимъ множество тутовыхъ деревьевъ. Но для таджиковъ кишлакъ этотъ имѣетъ совсѣмъ иное и очень большое значеніе: здѣсь находится большой мазаръ, одинъ изъ самыхъ славныхъ во всемъ Шугнанѣ. Надъ мазаромъ возвышается нѣсколько шестовъ со священнымъ изображеніемъ руки. Внутри же этого святилища находится камень съ отпечаткомъ руки пророка Али.

Долина Пянджа здѣсь довольно широка. Рѣка течетъ множествомъ рукавовъ, не мало небольшихъ песчаныхъ островковъ, заросшихъ кустарникомъ и травой. Скотъ перебирается черезъ рѣчные рукава и пасется на этихъ островкахъ; по временамъ видишь издали на островкѣ группу животныхъ и затрудняешься сразу рѣшить, чей скотъ — афганскихъ или бухарскихъ таджиковъ. Скотъ не признаетъ человѣческихъ границъ.

На афганской сторонѣ виднѣлся рядъ кишлаковъ, въ которыхъ замѣтно было множество садовъ. Особенно привлекалъ мое вниманіе, однако, Кала-и-баръ-Пянджъ, столица Шугнана, отданная нами при разграниченіи (въ 1895 г.) афганцамъ.

На нашей, или вѣрнѣе, бухарской сторонѣ, также было нѣсколько поселеній, прежде всего кишлакъ Пархоръ; выше по ущелью ручья то же поселенія мнѣ назвали Джручъ (на картѣ — Джурчъ). Въ верховьяхъ этого ущелья виднѣется немного снѣга. Перевала на Гунтъ по словамъ таджиковъ нѣтъ.

Слѣдующее поселеніе назвали мнѣ Цсихоръ. Оно остается отъ дороги нѣсколько вправо. Передъ полуднемъ (въ 11 ч. 15 м.) прибыли мы въ кишлакъ Поршневъ, гдѣ и сдѣлали небольшую остановку подъ деревьями, чтобы дать отдыхъ нашимъ лошадямъ, да и самимъ напиться чаю и поѣсть фруктовъ; здѣсь намъ дали тута, яблоковъ и урюка.

Послѣ небольшого отдыха (въ 12 ч. 05 м.) выступили дальше внизъ по долинѣ Пянджа. Очень скоро пришлось проѣхать еще мимо двухъ святыхъ мѣстъ — мазаровъ, устроенныхъ чрезвычайно убого: одинъ мазаръ — это просто кучка небольшихъ круглыхъ камней, сложенныхъ на большомъ камнѣ; другой мазаръ — камни и рога кіиковъ, сложенные вмѣстѣ. Вся эта мѣстность называется, какъ и предыдущее поселеніе, Поршневъ. Отдѣльныя группы домовъ носятъ однако особыя названія; такъ, здѣсь вправо на склонѣ мнѣ указали кишлакъ Буизъ, со множествомъ садовъ.

Далѣе переѣзжаемъ довольно значительный ручей Барчидара, а на немъ нѣсколько поселеній, изъ которыхъ одно назвали мнѣ Воозъ (на правомъ берегу ручья), другое Кухъ (на лѣвомъ). На противоположномъ берегу виднѣется также значительный кишлакъ Вишоръ.

Нашъ путь все время шелъ недалеко отъ Пянджа. По временамъ мы приближались къ самой водѣ, иногда отъ нея удалялись, но все время ѣхали по аллювіальной долинѣ. На песчаныхъ мѣстахъ попадалась характерная Inula ammophila Bge (= Iphione radiata Bth.). На глинисто-каменистыхъ Incarvillea Olgae съ красивыми крупными розовыми цвѣтами. Шугнанцы называютъ ее „буунивъ“. Иногда мы приближались къ скалистымъ склонамъ или осыпямъ, ограничивающимъ долину. Осыпи эти отчасти лишены всякой растительности, а отчасти заросли (рис. 43.) дикимъ виноградомъ (Cissus aegyrophylla Bge), называемымъ туземцами „ропъ-серизъ“, который своими длинными корнями хорошо скрѣпляетъ рыхлую каменную осыпь. Уже издали видны зеленыя пятна этого оригинальнаго кустарника.

Немного дальше мы проѣхали кишлаки Юмчъ: Баръ-юмчъ и Зыръ-юмчъ, при выходѣ небольшого ущелья изъ горъ. Здѣсь же туземное кладбище, а въ долинѣ Пянджа въ котловинахъ замѣтилъ я нѣсколько водныхъ растеній — напр., Polygonum amphibium L. var. natans. Слѣдующее поселеніе на нашемъ берегу — Буни у ручья Буни. Съ противоположной стороны Пянджа здѣсь въ него впадаетъ рѣка Дара-и-Шитвудъ, на которой стоитъ кишлакъ Шитвудъ. По этой рѣкѣ имѣется тропа въ Дарвазъ чрезъ перевалъ Куталъ-и-Шитвудъ.

Немного дальше дорога становится хуже. Вскорѣ проѣзжаемъ мы въ значительный кишлакъ Сочарвъ, гдѣ и

располагаемся на отдыхъ. Мы помѣстились, конечно, на землѣ, въ саду подъ тутовыми и орѣховыми деревьями. Пока грѣется чайникъ, таджики начинаютъ приготовлять и другое угощеніе — трясутъ деревья тута и собираютъ осыпающіяся совсѣмъ спѣлыя ягоды его. Не довольствуясь тѣмъ, одинъ изъ таджиковъ залѣзаетъ на дерево и начинаетъ еще сильнѣе трясти его. Въ толпѣ таджиковъ я замѣчаю

Рис. 43. Заросли Cissus aegyrophylla Bge.

одного съ подвязанной рукой, весьма жалкаго, болѣзненнаго вида. Оказывается, этотъ таджикъ не задолго до того свалился съ тутоваго дерева и теперь хвораль. Онъ не надѣялся, кажется, выздоровѣть: повидимому, на почвѣ плохого питанія, вообще пустой переломъ принялъ дурное теченіе.

Въ Сочарвѣ подъ деревьями мы хорошо отдохнули. Изъ растительности я замѣтилъ здѣсь нѣсколько гидрофиловъ — Impatiens parviflora, Trifolium repens у арыковъ, и

затѣмъ сорное Datura Stramonium, которой не встрѣчалъ раньше въ Шугнанѣ. Таджики убѣждали меня остаться ночевать въ Сочарвѣ, однако было еще рано и я рѣшилъ, перемѣнивъ лошадей, двигаться дальше.

Путь отъ кишлака идетъ сначала по мѣстности весьма культурной. Всюду видны посѣвы, преимущественно особаго вида проса — Panicum italicum — „саере-пинджъ“ (по шугнански). То же растеніе по ваханскн называется „юрзь“, по шугнански „чуарбъ“. Вскорѣ проѣзжаемъ небольшое поселеніе кишлакъ Чакъ-кингизъ. Здѣсь всего два дома, но цѣлыя заросли серебристыхъ тополей, которые здѣсь хорошо растутъ. Долина рѣки Пянджа здѣсь сильно съуживается, рѣка уже не течетъ широкимъ русломъ спокойнымъ теченіемъ, а стѣсненная образуетъ родъ пороговъ и сильно шумитъ.

На афганскомъ берегу виднѣется кишлакъ Новодахъ, весь въ садахъ; здѣсь впадаетъ въ Пянджъ довольно значительный, очень красивый притокъ. Благодаря стѣсненію долины, наша дорога становится нѣсколько болѣе трудной: мы уже не ѣдемъ по аллювіальной долинѣ, а принуждены взбираться на гранитную скалу. Подъемъ довольно крутъ, но зато здѣсь я встрѣчаю нѣсколько растеній, которыхъ раньше не было, и въ числѣ ихъ Scutellaria schugnanica и др. Подъемъ, однако, не особенно продолжителенъ. Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа мы уже на вершинѣ бокового увала и должны опять немного спускаться. Было уже 6 ч. 25 м., когда мы спустились и остановились на ночлегъ въ незначительномъ поселеніи Даштъ. Здѣсь всего одинъ домъ, небольшіе посѣвы и нѣсколько деревьевъ, подъ которыми мы и расположились. Разные распросы заняли остатокъ вечера. Весь вечеръ слушали мы какіе то странные, непонятные крики, кто-то кого-то пугалъ; по временамъ наоборотъ кричалъ жалобно. Это мальчишки таджики сторожили поля свои, защищая ихъ отъ птицъ, которыя слетаются на эти посѣвы стаями, выбираютъ зерна изъ колосьевъ и лишаютъ такимъ образомъ таджика хлѣба насущнаго. Утромъ еще до свѣта начинаются также эти налеты и защита посѣвовъ. Подъ такіе крики пришлось намъ и просыпаться съ разсвѣтомъ.

Въ 7 ч. у. мы уже выступили изъ Дашта. На афганской сторонѣ виднѣется значительный кишлакъ Сайпуджъ и съ той стороны также доносились до насъ крики таджиковъ, защищающихъ свои поля.

Дорога наша сначала шла по равнинѣ, вдоль Пянджа, но вскорѣ пришлось подниматься на небольшой перевалъ черезъ боковой увалъ — перевалъ Каукъ. Когда въ Пянджѣ еще меньше воды, то верховая тропа идетъ не черезъ перевалъ, а низомъ, у воды; пѣшая тропа и теперь находится въ серединѣ, въ полъ-горѣ; наши люди прошли этой тропой, мы же поднимались выше. Съ перевала сейчасъ же начинается опять спускъ и вскорѣ мы снова у Пянджа. Въ 8 ч. 15 м. мы пріѣзжаемъ къ урочищу Воджъ, гдѣ имѣются посѣвы.

Еще дальше мы переѣзжаемъ ручей Баджу. Здѣсь урочище Пасъ-баджу. Здѣсь также имѣются посѣвы, но поселенія нѣтъ: кишлакъ Баджу находится въ сторонѣ, выше по теченію рѣки.

Въ дальнѣйшемъ пути намъ сейчасъ же предстоялъ новый подъемъ на невысокій перевалъ Бобо-Лянгаръ, а вслѣдъ затѣмъ было и урочище Бобо-Лянгаръ, посѣвы и загоны подъ скалой для скота и ночлега людей. Немного дальше проѣзжаемъ айлакъ Марджана-кильчи, съ каменными постройками для ночлега. Изъ растительности здѣсь надо отмѣтить преобладаніе Clematis songorica. Все время мы ѣдемъ очень невысоко надъ уровнемъ воды въ Пянджѣ. Одно время (9 ч. 45 м. у.) мы подъѣзжаемъ къ самой водѣ, останавливаемся на прибрежномъ пескѣ и сейчасъ снова поднимаемся на небольшой довольно хорошій землистый карнизъ.

На противоположномъ берегу виднѣются афганскіе кишлаки — Руботакъ, а ниже Пшкундакъ.

Немного дальше на нашемъ пути мы снова встрѣчаемъ посѣвы, сады; это посѣвы жителей долины Хуфъ. Самый кишлакъ Хуфъ въ сторонѣ въ верховьяхъ рѣчки Хуфъ, а здѣсь только Пасъ-Хуфъ, т. е. сюда приходятъ лѣтомъ жители Хуфа посѣять и собрать хлѣба, собрать и высушить плоды. Во время нашего посѣщенія урюки были уже собраны и ихъ сушили; насъ угостили, однако, довольно плохими яблоками. Подъ тѣнью великолѣпнаго орѣха мы остановились на небольшой отдыхъ (10 ч. 45 ч. — 12 ч. 10 м.). Я воспользовался временемъ чтобы собрать интересныя уродливости на листьяхъ орѣха, галлы, производимые какимъ то насѣкомымъ. Немного раньше, въ этотъ же день, мнѣ удалось собрать интересные галлы на серебристомъ тополѣ. Долина Хуфъ представляетъ значительный интересъ, несмотря на то, что она невелика и жителей здѣсь немного. Прежде

всего, съ Хуфа имѣются два перевала (оба никѣмъ изъ европейцевъ не пройденные). Одинъ, перевалъ Девлехъ, идетъ въ долину р. Девлехъ и по ней къ кишлаку Ридъ на Бартангѣ, представляя такимъ образомъ весьма важный обходный путь. Другой, перевалъ Хуфъ, выводитъ въ ущелье р. Мунъ, впадающій въ Гунтъ у кишлака Мунъ. Я предполагалъ сначала вернуться именно черезъ этотъ перевалъ, но потомъ рѣшилъ пройти на Бартангъ и попытаться пройти чрезъ перевалъ Штамъ, который по разсказамъ долженъ былъ быть болѣе труднымъ и болѣе интереснымъ, чѣмъ Хуфъ. Поэтому, не оставаясь дальше въ Пасъ-Хуфѣ, я двинулся далѣе по Пянджу. Изъ растительности надо отмѣтить здѣсь обиліе превосходныхъ грецкихъ орѣховъ, а изъ травянистыхъ растеній — красивую Incarvillea Olgae; сорная Escholtzia densa — представительница флоры сѣверной Индіи. Сейчасъ же за мѣстомъ нашего отдыха мы подъѣзжаемъ къ рѣкѣ Хуфъ и ее переѣзжаемъ по мостику. Дальше, однако, намъ приходится ѣхать и по водѣ, такъ какъ разливъ рѣчки близко подходитъ къ скалѣ.

На противоположномъ берегу Пянджа виденъ небольшой афганскій кишлакъ. Любопытно устроенъ арыкъ, выводящій воду къ полямъ афганскаго кишлака: струя воды перехвачена на чрезвычайно крутомъ, чуть не отвѣсномъ обрывѣ и по скалѣ отведена въ сторону — туда, гдѣ въ долинѣ Пянджа имѣется немного аллювіальной почвы, годной для культуры. Подобнаго совершенства гидротехники мнѣ нигдѣ не приходилось больше видѣть.

Черезъ часъ пути вдоль скалъ и по нетрудной тропѣ, мы прибыли къ знаменитому перевалу Юлъ-дарбандъ, границѣ Шугнана и Рошана. Въ прежнія времена эта скала, близко подходящая къ рѣкѣ, была искусно укрѣплена и проходъ, единственный путь сообщенія между двумя областями, всегда могъ быть загражденъ. Въ настоящее время заграждений никакихъ нѣтъ и черезъ четверть часа пути отъ вершины „перевала“ мы были уже у небольшого айлака Капайекъ, расположеннаго въ долинѣ Пянджа у скалы. Еще нѣсколько шаговъ и мы на берегу Бартанга, недалеко отъ впаденія его въ Пянджъ. Переправа черезъ Бартангъ совершается на пути въ Кала-и-Вамаръ различными способами: вбродъ или же вплавь на турсукахъ. Первый способъ примѣнимъ только осенью и зимой, въ малую воду. Мы не

знали достовѣрно о состояніи воды въ Бартангѣ и потому рѣшили попытаться перейти рѣку вбродъ. Однако, наша попытка не удалась, такъ какъ лошадей нашихъ сильнымъ теченіемъ сносило внизъ и безъ крайней къ тому необходимости я не рѣшилъ слишкомъ рисковать жизнью людей. Итакъ, пришлось переправляться на турсукахъ. Для этого мы должны были проѣхать вверхъ по долинѣ Бартанга до кишлака Ахзеу и даже немного дальше, вызвать людей съ турсуками съ праваго берега изъ кишлака Сумджанъ и затѣмъ уже переправляться. Немного передъ Ахзеу мы перешли рѣчку того же имени, по теченію которой виденъ красивый водопадъ. Въ Ахзеу мы остановились на нѣсколько минутъ; намъ предложили обычное угощеніе тутъ и абрикосовыя косточки.

Итакъ, пришлось переправляться на турсукахъ. Я нѣсколько описался этого способа переправы, памятуя страшныя описанія г. Кузнецова (Дарвозъ стр. 26—27), который привязывалъ къ плоту людей во время переправы. Оказалось однако, что переправа на турсукахъ вещь вовсе не страшная, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ. Не всѣ, однако, могутъ такъ спокойно относиться: почтенный Аманъ-бекъ напримѣръ, не переставалъ твердить молитвы и можетъ быть заклинанія во время этой и слѣдующихъ переправъ на турсукахъ, а казакъ потерялъ отъ волненія свою шапку.

Турсукомъ называется выдѣланная козлиная шкура, всѣ отверстія которой плотно зашиты. Одно отверстіе остается незашитымъ — одна изъ ножекъ; сюда вставляется деревянная пробка, которая вынимается, когда нужно бываетъ надувать турсукъ воздухомъ. Десять — двѣнадцать такихъ турсуковъ, связанные вмѣстѣ и скрѣпленные деревянными палками въ видѣ рамы, образуютъ плотъ, на которой садятся два—три человѣка; два полуголыхъ таджика берутъ каждый еще по турсуку, захватывая ихъ между ногъ, одной рукой каждый изъ этихъ людей берется за плотъ, другой гребетъ. Самое движеніе этого плота, конечно, возможно лишь по теченію, причемъ руками и ногами гребцы направляютъ плотъ къ извѣстному мѣсту.

Переправа черезъ широкій Бартангъ заняла всего $2^1/_2$ минуты, причемъ насъ отнесло, конечно, далеко внизъ по теченію. Въ общемъ плотъ идетъ довольно равномѣрно, но на порогахъ, конечно, рискуетъ разбиться и во всякомъ слу-

чаѣ вмѣстѣ съ пассажирами погружается болѣе или менѣе въ воду.

Переждавъ на правомъ берегу въ Сумчанѣ, пока переправятся наши люди и багажъ, я рѣшилъ, по совѣту джигита нашего, направиться въ дальнѣйшій путь, внизъ по Бартангу и затѣмъ по Пянджу до крѣпости въ Кала-и-Вамарѣ не на лошадяхъ, а также на турсукахъ. Наше путешествіе было совершенно благополучно, отъ Сумчана до сліянія Пянджа и Бартанга въ 50 м., отъ сліянія до крѣпости — 40 м., а всего $1^1/_2$ часа.

Крѣпость расположена на самомъ берегу рѣки. Насъ ожидала торжественная встрѣча, бековскіе чиновники бухарцы въ своихъ яркихъ парадныхъ халатахъ — Ишмурудъ-бекъ и Мирза-магомедъ. Черезъ десять минутъ послѣ насъ прибыла и первая партія отправившихся изъ Сумчане верхомъ: казакъ, Аманбекъ и джигитъ Адамша. Несчастный Аманбекъ съ большимъ страхомъ приближался къ бухарской твердынѣ: разнесся слухъ, что бекъ прислалъ предписаніе своимъ людямъ задержать Аманъ-бека именно здѣсь, въ Кала-и-Вамарѣ.

Значительно позже прибылъ въ Вамаръ нашъ вьюкъ.

11. Отъ Кала-и-Вамара до Багу.

Кала-и-Вамаръ — небольшая бухарская крѣпость, расположенная на самомъ берегу Пянджа. Выстроена она по словамъ Коббольда, Абдурхманъ-ханомъ, но мнѣ говорили, что собственно основаніе ей положено отцомъ Абдурхмана, Асфале-ханомъ. Послѣ Памирскаго разграниченія (1895 г.), когда Рошанъ отошелъ къ бухарцамъ, крѣпость была занята небольшимъ русскимъ отрядомъ, подъ командой офицера; но вскорѣ по неизвѣстной мнѣ причинѣ русскій отрядъ былъ оттуда выведенъ и крѣпость передана бухарцамъ. Стратегическое значеніе крѣпости заключается въ охранѣ сообщенія между Бухарой и Шугнаномъ. Вся крѣпость имѣетъ форму квадрата, одинъ изъ угловъ котораго представляетъ собственно внутреннюю часть крѣпости, осмотрѣть которую мнѣ не удалось. Другой изъ угловъ занятъ красивымъ цвѣтникомъ, въ которомъ въ изобиліи цвѣли Pharbitis purpurea, Calendula officinalis, Amaranthus, Callistephus chinensis, Coreopsis, Malva silvestris, Ocimum basilicum, Tagetes erecta, a

также нѣкоторыя овощи — рѣдька, капуста, кукуруза. Наконецъ около стѣнъ росъ виноградъ.

Большая часть всей крѣпости занята фруктовымъ садомъ. Ко времени нашего пребыванія въ Вамарѣ абрикосы уже отошли, но начали созрѣвать персики и было много яблоковъ. Въ центрѣ фруктоваго сада расположенъ небольшой павильонъ, въ которомъ бухарцы собирались на молитву, а немного ближе къ воротамъ — павильонъ для гостей въ которомъ мы и расположились. На открытой террасѣ размѣстили вещи, а сами вошли внутрь помѣщенія, представляющаго небольшую комнату. Встрѣчавшіе же бухарскіе чиновники, Ишмурудъ-бекъ и Мирза Магометъ предложили намъ великолѣпное угощеніе изъ разныхъ фруктовъ, а немного позже, когда уже мы начинали засыпать, явился и обѣдъ.

Рано утромъ 12-го Августа стали мы собираться въ дальнѣйшій путь вверхъ по Бартангу; первыя версты можно было сдѣлать верхомъ, до кишлака Сумчанъ, гдѣ наканунѣ на турсукахъ переправлялись мы чрезъ Бартангъ. Путь до Сумчана занялъ около $2^1/_2$ час. Довольно долгое время пришлось ѣхать по дорожкамъ среди садовъ кишлака Кала-и-Вамаръ: всюду въ садахъ и около домовъ виднѣлись люди. Переѣзжаемъ небольшую рѣку Вамаръ-дору, тянущуюся съ перевала Одуди (между Рошаномъ и Дарвазомъ), и далѣе продолжаемъ свой путь среди садовъ Кала-и-Вамара.

Изъ растительности упомяну о слѣдующихъ замѣченныхъ мной видахъ: Cirsium lanceolatum, Cichorium Inthybus, Perovskia scrophulariaefolia, Primula Warshenewskiana, на луговинѣ у стѣнъ крѣпости, Daucus Carota, Centaurea, Mentha silvestris, Melilotus alba и officinalis, Xanthium strumarium, Artemisia vulgaris, Hippophaë rhamnoides, Incarvillea Olgae, Echinops macracantha, Scirpus lacustris, Clematis orientalis, Leptorhabdos micrantha, Andropogon Ischaemum, Cynanchum acutum, Phragmites communis, Berberis integerrima. По сырымъ мѣстамъ растутъ: Inula rhizocephala, Triglochin palustre, Erythraea. Около самой дороги мѣстами въ изобиліи растетъ бобовое растеніе, особый видъ Oxytropis, называемое туземцами „рахчамъ“. Эта трава ядовита по словамъ таджиковъ для коровъ и лошадей. И въ самомъ дѣлѣ она одна не съѣдена, на лугахъ и у дороги, гдѣ всѣ остальныя травы были съѣдены. Немного далѣе, къ устью Бартанга, сады прекращаются и

увеличивается число посѣвовъ, среди которыхъ не мало рисовыхъ полей. Хлѣба созрѣвали и всюду были слышны обычные крики дѣтей, сгоняющихъ съ полей зерноядныхъ птицъ. Верстахъ въ пяти отъ крѣпости начался крутой, хотя и не трудный подъемъ на поперечный увалъ — Бунджъ, господствующій надъ сліяніемъ Бартанга съ Пянджемъ. Послѣ крутаго подъема мы выѣхали на каменистую ровную поверхность, затѣмъ путь шелъ по довольно труднымъ карнизамъ, а затѣмъ предстоялъ спускъ къ кишлаку Сумчанъ. Въ концѣ этого кишлака, подъ большими ивовыми деревьями мы и остановились. Тамъ предстояло переформировать нашъ караванъ въ пѣшій, а мнѣ кромѣ того надо было заняться подготовкой растеній къ отправкѣ ихъ въ Хорогъ на главную квартиру нашей экспедиціи, чтобы возможно облегчить нашъ грузъ.

Чтобы идти пѣшкомъ, пришлось нашъ вьюкъ съ одной лошади распредѣлить на 5 человѣкъ носильщиковъ. Сами мы сняли свои сапоги и одѣли таджикскіе мягкіе сапоги. Сначала въ нихъ было очень больно идти, но потомъ они оказались незамѣнимыми для карабканья по скаламъ. Изъ мѣстныхъ жителей съ нами долженъ былъ итти волостной, но онъ уклонился, заявивъ что тропинка слишкомъ плоха и что деревянные балконы не выдержатъ его тяжести. Мы пригласили поэтому съ собой низшаго чина мѣстной власти, аксакала изъ кишлака Сумчанъ, оказавшагося превосходнымъ проводникомъ и помощникомъ.

Уже съ первыхъ шаговъ пѣшаго пути пришлось карабкаться по скалѣ. Вскорѣ потребовался и небольшой отдыхъ. Мы были на камняхъ Тырсъ; это довольно хорошая позиція для ружейнаго огня. Здѣсь мнѣ указали каменный заборъ устроенный для ночлега и остатки печи, устроенной въ 1893 г. афганскимъ отрядомъ, препятствовавшимъ движенію партіи Ванновскаго. Сейчасъ же за этими скалами начинается трудно проходимое мѣсто: скалы Рузначу паринъ, деревянный балконъ, устроенный изъ 4 палокъ, лѣстницъ и балконъ изъ двухъ палочекъ. Это были первые балконы, съ которыми я имѣлъ дѣло. Опасности они большой не представляютъ, такъ какъ устроены не высоко надъ рѣкой, но во всякомъ случаѣ, сильно затрудняютъ движеніе. Бывшая съ нами собака не въ состояніи была перебраться — ее пришлось перенести на спинѣ.

Вскорѣ однако, балконы эти прекратились и мы вышли на небольшое расширеніе долины, лѣтовку Вавзуджъ, гдѣ и расположились подъ деревомъ. Тутъ постоянныхъ жителей нѣтъ, хотя лѣтомъ къ своимъ посѣвамъ и приходятъ туземцы. Ручей Вавзуджъ немноговоденъ и вода въ немъ очень грязная. Сейчасъ же за лѣтовкой намъ предстоялъ новый подъемъ, довольно крутой. Сначала я поднимался безъ особыхъ затрудненій, но вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи особыхъ приспособленій, именно веревки, которая очень облегчила восхожденіе. Черезъ 40 минутъ подъема мы были на вершинѣ скалы и шли по ровной мѣстности, засѣянной хлѣбами, и имѣли случай полакомиться послѣдними абрикосами, съ одинокихъ деревьевъ, тамъ растущихъ.

Вскорѣ намъ предстоялъ не трудный спускъ къ кишлаку Имцъ и въ $2^1/_2$ часа дня мы были въ этомъ кишлакѣ.

Ванновскій описываетъ путь отъ Имцъ до Вавзуджа не чрезъ увалъ, какъ мы шли, а по балконамъ вдоль рѣки, причемъ говоритъ, что этотъ балконъ „изъ всѣхъ самый трудный и оригинальный“.

Въ Имцѣ сбѣжалось на встрѣчу рѣдкимъ гостямъ все наличное населеніе. Въ то время какъ мы подкрѣпляли свои силы закуской и чаемъ, 4 туземца музыканты играли на своихъ примитивныхъ музыкальныхъ инструментахъ — двухъ гитарахъ (7 и 6 струнныя), скрипкѣ (двуструнная) и бубнѣ.

Устройство этихъ инструментовъ довольно оригинальное.

Въ шестиструнной гитарѣ двѣ первыя струны (1, 2) — настроены одинаково, двѣ слѣдующія (3, 4) также одинаковы между собой, пониже первыхъ (1, 2), слѣдующая (5) — еще ниже, а послѣдняя (6) — выше всѣхъ.

Въ семиструнной гитарѣ первыя двѣ одинаковы (1, 2), слѣдующая (3) ниже, далѣе слѣдуютъ двѣ (4, 5) одинаковыхъ выше предыдущихъ, затѣмъ (6) ниже всѣхъ и (7) выше всѣхъ.

Двуструнная скрипка представляетъ совершенно примитивный инструментъ. Струны ея настроены приблизительно въ сексту. Вмѣсто смычка — палка съ натянутой шерстяной веревкой.

Бубенъ представляетъ деревянный или лубочный обручъ съ натянутой кожей. Мелодіи крайне незамысловаты, но повидимому музыка доставляетъ музыкантамъ немалое удовольствіе.

Я не хотѣлъ оставаться на ночлегъ въ Имцъ, надѣясь

сдѣлать еще нѣсколько верстъ въ остающіеся часы свѣтлаго времени, поэтому въ 4 часа дня мы выступили дальше.

Сразу начался очень крутой подъемъ, мы подошли къ скалѣ Чошъ на рѣку на которую взобраться удалось опять таки съ не малымъ трудомъ, при помощи веревокъ. Въ теченіи $1^1/_2$ час. мы двигались съ большимъ трудомъ по очень неудобнымъ скаламъ и карнизамъ. Только къ $5^1/_2$ час. мы спустились опять въ русло Бартанга у выхода сухаго ручья Чошъ-дары. Далѣе мы шли по руслу рѣки, по водѣ, пескамъ и галькѣ, по временамъ перепрыгивая чрезъ рукава Бартанга. Оказалось что наша партія немного убавилась: бывшій съ нами песъ не въ состояніи былъ преодолѣть трудностей пути и предпочелъ вернутся въ кишлакъ Имцъ.

Въ началѣ 7-го мы подошли къ небольшому увалу, обошли его по луговинѣ съ хорошей травой разными хорошими злаками, а также Phragmites communis, Lotus corniculatus, Orchis turkestanica, Equisetum ramosissimum, Parnassia ovata. Отъ этого увала, на западѣ хорошо видѣнъ фирнглетчеръ въ хребтѣ близъ Имца. Очевидно о немъ говоритъ и Ванновскій („обширный ледникъ р. Пумдары“) и въ 6 час. 25 м. были въ кишлакѣ Багу, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Ванновскимъ путь отъ Багу до Имца описывается нѣсколько иначе. Очевидно, въ то время (а можетъ быть и теперь при низкой водѣ) не шли по Чошъ-парину, а переходили по рѣчной галькѣ русломъ рѣки, дѣлая лишь часть пути (расположенную ближе къ гор. Баку) по скаламъ. „Вертикальнаго шеста съ перекладинами“, который изображенъ Ванновскимъ, теперь не существуетъ и приходится итти по уступамъ скалъ.

12. По Бартангу: Багу — Падрудзъ.

Въ кишлакѣ Багу протекаетъ небольшой ручей того же имени, впадающій сейчасъ ниже кишлака въ Бартангъ. Въ верховьяхъ этого ручья и находится перевалъ, которымъ въ 1893 г. ушелъ съ Бартанга въ Дарвазъ со своимъ конным отрядомъ Ванновскій. Въ его отчетѣ перевалъ названъ „Шидъ-акъ-ба“, на картахъ его обыкновенно называютъ „перевалъ Ванновскаго“, помѣщая притомъ не вполнѣ правильно. Мнѣ также говорили о существованіи этого пере-

вала и называли его „Хаитъ“. Перевалъ подробно описанъ Ванновскимъ. Изъ его описанія я упомяну лишь объ отрывочномъ ботаническомъ замѣчаніи о существованіи арчевой рощицы верстахъ въ двухъ выше селенія Багу. Въ самой долинѣ Бартанга мы не видѣли арчи, но она очевидно существуетъ во многихъ боковыхъ долинахъ.

Нашъ путь отъ кишлака Багу вверхъ по Бартангу шелъ сначала по правому берегу рѣки, мимо кладбища, затѣмъ берегомъ рѣки, но вскорѣ намъ предстояло переправиться на турсукахъ на лѣвый берегъ, чтобы такимъ образомъ обойти чрезвычайно трудные балконы праваго берега между кишлаками Ридъ и Багу, описанные Ванновскимъ и хорошо видные съ лѣваго берега. Впрочемъ, туземцы-таджики считаютъ эти карнизы удобопроходимыми и наши вьюки носильщики пронесли по этимъ балконамъ.

На турсукахъ мы переправились чрезъ Бартангъ, причемъ, разумѣется, нѣсколько спустились по теченію рѣки — приблизительно противъ кишлака Багу. Выйдя на берегъ, мы должны были перейти чрезъ небольшой увалъ, а затѣмъ спустились къ рѣкѣ, вдоль берега которой и шли по камнямъ до кишлака Ридъ, расположеннаго при устьѣ рѣчки Ридъ. Въ верховьяхъ этой рѣки находится кишлакъ Девлехъ и отъ него перевалъ къ кишлаку Хуфъ на притокѣ Пянджа. Въ кишлакѣ Ридъ не живутъ люди постоянно. Сюда приходятъ только для сбора хлѣбовъ съ посѣвовъ и плодовъ — здѣсь много яблонь и тутовыхъ деревьевъ въ садахъ.

Сейчасъ же за кишлакомъ Ридъ переходимъ рѣчку Ридъ и видимъ вправо, къ югу всѣ верховья долины этой рѣчки — кончая водораздѣльнымъ (съ долиной Гунта) гребнемъ хребта. Снѣга въ верховьяхъ этой долины виднѣется довольно много, но существованіе ледниковъ нѣсколько сомнительно, хотя мнѣ казалось, что я вижу одинъ ледникъ. Переправившись чрезъ р. Ридъ, мы сейчасъ же приступили къ переправѣ и чрезъ Бартангъ, снова на правый берегъ, съ нашими вьюками.

Послѣ небольшаго отдыха на прибрежныхъ пескахъ, направились мы далѣе вверхъ по Бартангу (12 ч. 20 м.). Сразу пришлось преодолѣть небольшой подъемъ на скалу, вслѣдъ за которымъ снова идетъ спускъ къ самой водѣ. Дальнѣйшій путь былъ и труденъ, и непріятенъ: приходилось пробираться около самой воды, по осыпи, камни кото-

рой едва держатся и часто вырываются изъ подъ ногъ, съ шумомъ скатываясь въ рѣку. Еще непріятнѣе, однако, когда камни скатываются сверху, срываясь откуда то отъ скалъ. Черезъ полчаса такого пути мы имѣли возможность дать себѣ небольшой отдыхъ — около воды была небольшая отмель, на которой лежали принесенные откуда то теченіемъ бревна. Дальше — снова подъемъ и опять путь по трудной осыпи, послѣ чего вновь мы отдыхаемъ на песчаной отмели.

Напротивъ насъ, съ лѣваго берега, впадаетъ въ Бартангъ ручей Джезифъ, а въ верховьяхъ его есть, говорятъ, перевалъ на Гунтъ — называется Джезифъ-ростоу; подъ переваломъ есть небольшіе ледники. Другой перевалъ изъ долины Джезифа ведетъ въ долину р. Раумидъ (притокъ Бартанга) и называется Талькаріонъ.

Нашъ дальнѣйшій путь опять шелъ по сланцевымъ обрывамъ, къ счастью, не высоко надъ рѣкой. Это мѣсто называется Хонай-паринъ. А впереди, по теченію Бартанга, виднѣлся и кишлакъ Падрудзъ, въ который мы должны были дойти къ вечеру. Передъ самымъ кишлакомъ со скалы заросшей мхомъ и травой спадаетъ незначительный водопадъ. Я поднялся отъ тропы къ самой водѣ, которая была тепловата и имѣла вкусъ слегка минеральной воды. Конечно, около водопада ютились представители гидрофильной флоры — Aquilegia, Agrostis и др. Сейчасъ же за водопадомъ переходимъ ручей Падрудзъ — и мы въ кишлакѣ того же имени, уже въ 5 ч. вечера. Подсчитывая версты, сдѣланныя нами въ теченіе дня, мы видимъ, что ихъ пройденно всего семь — такъ труденъ здѣсь путь.

13. Падрудзъ — Земцифъ.

Ночь мы провели на открытомъ воздухѣ, подъ деревьями въ кишлакѣ Падрудзъ и рано утромъ (14 авг.) выступили въ дальнѣйшій путь по Бартангу. Первое время идемъ по мягкому грунту около рощи изъ плодовыхъ деревьевъ — краснаго боярышника (Crataegus), Elaeagnus. Вскорѣ однако приходится идти по осыпи вверхъ поднимаясь къ вершинѣ увала Узарфъ, а съ него снова спускаться внизъ, къ отмели рѣки, гдѣ мы и идемъ по песку. На противоположномъ берегу виднѣется небольшое укрѣпленіе, топхана, именуемая также Узарфъ.

Вскорѣ съ отмели мы снова поднимаемся на вершину увала Ваузаръ-винцъ, а затѣмъ начинается балконъ изъ палочекъ и очень крутой спускъ. Мы находимся на высотѣ около 200′ надъ рѣкой и здѣсь передвигаться довольно затруднительно. Для лошадей это мѣсто конечно, совершенно непроходимо. Ванновскій провелъ свой конный отрядъ (въ 1893 г.) переправляя лошадей вплавь на лѣвый берегъ для обхода этихъ трудныхъ карнизовъ. По крутому спуску снова мы пробираемся къ рѣкѣ, гдѣ и отдыхаемъ, чтобы затѣмъ сейчасъ же начать новый крутой подъемъ по осыпи и затѣмъ еще болѣе крутой по скалѣ на карнизъ Михбаунъ-паринъ. Дальнѣйшій путь идетъ по тропѣ высоко надъ Бартангомъ, по землисто-щебнистому грунту, а вслѣдъ затѣмъ снова спускъ по такому же грунту. Этотъ спускъ приводитъ насъ къ ручью Ховодачъ, впадающему въ Бартангъ. У этого ручья мы остановились для отдыха, уже въ $10^1/_2$ ч. у. Ховодачъ — очень небольшой ручей, берега его сплошь заросли кустарникомъ — ивой, барбарисомъ и пр. и потому это превосходное мѣсто для отдыха, какъ днемъ, такъ и ночью — здѣсь есть дрова, вода и тѣнь, что при романской жарѣ — было около 30^0 въ тѣни — очень существенно.

На противоположномъ берегу Бартанга виднѣется обрывистая и высокая гора Вушбаунъ.

Дальнѣйшій путь нашъ снова представлялъ подъемъ по осыпи, затѣмъ мы шли у рѣки; а потомъ снова стали взбираться на крутой сланцевый склонъ, представляющій подъемъ къ боковому перевалу Хойпастъ черезъ увалъ, круто выходящій къ Бартангу. Подъемъ къ перевалу занялъ болѣе $^1/_2$ часа. Въ это время туземцы показали мнѣ оборонительныя сооруженія изъ камней, построенныя еще въ 1893 г. Ванновскимъ. Можетъ быть, впрочемъ, часть этихъ сооруженій относится къ болѣе раннему времени, такъ какъ уже Ванновскій пишетъ, что рушанцы во время своего возстанія долго задерживали здѣсь движеніе авганцевъ, пока не были обойдены чрезъ боковой перевалъ съ Джизефа (см. выше). Въ общемъ, эта позиція чрезвычайно важна въ стратегическомъ отношеніи. Вершина перевала плоская и представляетъ рядъ какихъ то ямъ. На противоположной сторонѣ перевала спускъ сначала чрезвычайно слабый, но послѣ довольно крутой — къ мосту чрезъ Бартангъ. Съ высоты перевала виднѣется лѣвый берегъ Бартанга съ находящимся тамъ киш-

лакомъ Хиджисъ, при устьѣ рѣки Раумидъ. Спустившись къ мосту, мы стали черезъ него перебираться, что показалось сначала тоже не очень легкимъ, такъ какъ мостъ оказался чрезвычайно легкой постройки. Длина его — 54 шага.

На лѣвомъ берегу Бартанга, у моста, насъ ожидали уже новые таджики, изъ Хиджиса, съ двумя лошадьми — это для насъ было чрезвычайно пріятно, такъ какъ можно было дать небольшой отдыхъ своимъ ногамъ, да и тропинки значитъ, въ дальнѣйшемъ предстояли уже менѣе трудныя, чѣмъ по Бартангу. Это послѣднее предположеніе оправдалось однако, лишь отчасти.

Мостъ чрезъ Бартангъ устроенный въ Хиджисѣ по словамъ Ванновскаго схожъ съ другимъ мостомъ чрезъ Бартангъ — въ кишлакѣ Сипянджъ. По моимъ наблюденіямъ, мостъ въ Хиджисѣ однако устроенъ совершенно иначе, чѣмъ описанный и изображенный Ванновскимъ мостъ въ Сипянджѣ. Оба моста представляютъ весьма важные пути для пѣшеходнаго сообщенія береговъ Бартанга, но прочность ихъ не велика, такъ какъ бурная рѣка не рѣдко уничтожаетъ ихъ и вообще бываютъ несчастные случаи. Устроенъ мостъ въ Хиджисѣ такъ: Взяты тополевыя бревна, толстые концы которыхъ укрѣплены въ каменной кладкѣ. Такъ какъ эти бревна не сходятся между собой по срединѣ рѣки, то устраивается еще дополнительная связь между ними, въ видѣ плетенки особаго рода, изъ древесныхъ вѣтвей. И вотъ путешествіе по этой то плетенкѣ и представляетъ наибольшую опасность. Къ тому же все это происходитъ довольно высоко надъ бурной рѣкой.

Перебравшись чрезъ Бартангъ, мы расположились на отдыхъ въ устьѣ р. Раумидъ, въ кишлакѣ Хиджисѣ, подъ большими ветлами, у источника. Обычный отдыхъ въ такихъ случаяхъ состоялъ въ томъ, что согрѣвали чайникъ съ водой и пили чай, прибавляя къ нему если оставались какія-нибудь сухія лепешки или остатки вареной баранины. Подобный отдыхъ занималъ у насъ около часа времени. Дальнѣйшій путь былъ пріятенъ для насъ тѣмъ, что можно было ѣхать верхомъ, хотя на двухъ лошадяхъ, конечно, приходилось уже ѣхать по очереди.

Растительность имѣетъ здѣсь, въ долинѣ Раумидъ-дары совершенно иной характеръ, чѣмъ на самомъ Бартангѣ. Берега рѣки заросли обычно густой зарослью деревьевъ и кустарниковъ, среди которыхъ березы, ивы, облепихи и уви-

тая часто ломоносомъ (Clematis orientalis) жимолость играютъ выдающуюся роль.

Каменистые склоны покрыты кустарниками и полукустарниками: Prunus prostrata, Clematis songorica, Colutea orientalis, Perovskia scrophulariaefolia, Cissus aegyrophylla, Acantholimon lycopodioides, A. parviflorum и травянистой растительности: Lindelofia spectabilis, Leptorhabdos micrantha, Heracleum Olgae, Echinops maracandicus, Ferula Grigoriewi, Lactuca orientalis, Rheum sp., Scutellaria n. sp., Hedysarum flavescens, Anaphalis leptophylla, а ближе къ водѣ Conioselinum Schugnanicum, Phragmites communis. Тропинка то поднимается на невысокіе каменистые увалы, то спускается къ рѣкѣ. Почти все время впереди виднѣется одинокій пирамидальный серебристый тополь, очень удобный пунктъ для засѣчени направленія пути. Черезъ часъ движенія, пройдя верстъ пять, мы переходили сухое ложе ручья Баржунтъ и останавливаемся въ садахъ кишлака того же имени, гдѣ постоянныхъ жителей впрочемъ нѣтъ. Здѣсь то и растетъ помянутый одинокій тополь. Сейчасъ же за кишлакомъ Баржунтъ переѣзжаемъ мы по небольшому мостику рѣку Раумидъ дару и ѣдемъ далѣе по ея лѣвому берегу, все по той же каменистой тропѣ. У самой рѣки много березъ и тополей. Черезъ полчаса, версты черезъ двѣ съ половиной отъ кишлака, переѣзжаемъ мы сухое ложе ручья Земцифъ и сейчасъ же останавливаемся на ночлегъ въ урочище того же имени, среди небольшихъ участковъ посѣвовъ хлѣбовъ и около тѣхъ обычныхъ таджицкихъ лѣтнихъ каменныхъ построекъ, которыя всюду въ горахъ устроены. Время было еще очень раннее (3 ч. 45 м. д.) и я хотѣлъ двигаться въ этотъ день и дальше, но очевидно утомленіе моихъ людей заставило ихъ пуститься на уловки и утверждать, что если не остановиться здѣсь, то мы не успѣемъ засвѣтло дойти до другого удобнаго мѣста. Земцифъ мѣсто для ночлега весьма удобное, но тѣмъ не менѣе, возможно было пройти засвѣтло и нѣсколько дальше, какъ мы увидѣли на слѣдующій день.

Конечно, для всѣхъ насъ отдыхъ былъ нелишнимъ и я воспользовался случаемъ, чтобы побесѣдовать съ рошанцами на разныя интересовившія насъ темы и по возможности собрать разныя свѣдѣнія отъ нихъ.

Какъ и наканунѣ, на Бартангѣ, была чудная лунная ночь и картина была поистинѣ живописна.

14. Земцифъ — Сары-куль-Шаборгы.

Рано утромъ (15 августа) выступили мы вверхъ по Раумидъ-дарѣ съ мѣста нашей ночевки въ Земцифѣ. Сначала мы ѣхали по тропѣ лѣваго берега рѣки по небольшому расширенію долины; немного дальше, тропа спускается ближе къ рѣкѣ, и мы ѣдемъ подъ деревьями — два вида Salix, Populus и березы. Направо отъ насъ (значитъ, на лѣвомъ берегу рѣки) виднѣется замыкающая долину отвѣсная стѣна— скала кристаллической породы, а подъ ней конгломератовыя отложенія, напоминающія ледниковыя. Впрочемъ, этотъ вопросъ долженъ быть обслѣдованѣ болѣе детально.

Немного дальше, приходится ѣхать по каменной осыпи, а вслѣдъ за тѣмъ тропа снова спускается къ самой водѣ и даже приходится ѣхать по разливамъ рѣки. Въ какой-нибудь верстѣ — полутора отъ мѣста ночлега находится ключъ, вытекающій изъ подъ скалы и носящій также названіе Земцифъ. Вытекающая изъ ключа вода образуетъ очень небольшое озерцо-лужу, діаметромъ въ 3—4 сажени.

Далѣе ѣдемъ по каменистому склону и еще версты черезъ $1^1/_2$ переѣзжаемъ сухое ложе ручья Джизефъ-дары. Здѣсь выходитъ трудная, извѣстная лишь по распросамъ, тропа съ перевала Джизефъ (изъ бассейна рѣки Джизефъ, впадающей въ Бартангъ у кишлака Ридъ). Стратегическое значеніе этого перевала велико и уже было использовано въ недавнее время авганцами для обхода позицій Каруцъ на Бартангѣ.

Вслѣдъ за сухимъ ложемъ Джизефа долина рѣки Раумидъ снова нѣсколько расширена, рѣка разлилась нѣсколькими руслами; площадка эта представляетъ также мѣсто довольно удобное для ночлега каравана. Дальнѣйшій путь — то по осыпи, то разливомъ рѣки, въ руслѣ которой растутъ отдѣльныя деревья, большіе тополя, образующіе характерный „пойменный паркъ“ (табл. IX).

Ровно въ 8 ч. у. переѣзжаемъ рѣку Раумидъ по небольшому мостику Вавдрау, или даже собственно говоря, проходимъ черезъ мостъ пѣшкомъ, а двухъ нашихъ лошадей переправляемъ водой.

Сейчасъ же за мостомъ долина Раумидъ-дары сразу значительно расширяется. Почти къ самому мосту слѣва подходитъ громадная каменная осыпь, но выше она отходитъ

влѣво (отъ насъ). Путь по расширенію долины мѣстами довольно непріятенъ и неудобенъ, такъ какъ рѣка течетъ многими рукавами, мѣняя свое русло, эти временные рукава затѣмъ заносятся иломъ и галькой, благодаря чему время отъ времени путникъ проваливается въ жидкую грязь довольно глубоко. Во время пути по расширенію долины приходится нѣсколько разъ переѣзжать и черезъ рукава рѣки съ водой. Наконецъ мы переѣхали окончательно послѣдній рукавъ и выѣхали (8 ч. 30 м. у.) опять на лѣвый берегъ Раумидъ-дары въ кишлакѣ Дана у впаденія Шафъ-дары въ Раумидъ-дару.

Переправа чрезъ рукава Раумидъ-дары при томъ количествѣ воды, которое было въ рѣкѣ въ то время, не представляетъ большихъ затрудненій. Для сообщенія же во время половодій повидимому служатъ обходныя тропы лѣваго берега, по которымъ можно пройти отъ моста Вавдрау (не переходя по нему) къ кишлаку Дана. Этотъ кишлакъ, ни на картахъ, ни въ описаніяхъ страны не значащійся, очень не великъ — всего нѣсколько домиковъ, пріютившихся у скалы. Здѣсь направленіе нашего пути рѣзко мѣнялось: мы поворачиваемъ вправо почти подъ прямымъ угломъ. Верховья Раумидъ-дары остаются влѣво; долина Раумидъ-дары (гдѣ расположенъ и кишлакъ того же имени) шире и больше, чѣмъ долина р. Шафъ-дары, по которой намъ предстояло итти; количество воды въ Раумидъ-дарѣ значительно больше, чѣмъ въ Шафъ-дарѣ. Упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ отсюда слѣдуетъ съ несомнѣнностью, что неизвѣстныя верховья самой Раумидъ-дары представляютъ еще большій географическій интересъ, чѣмъ осмотрѣнныя мною верховья Шафъ-дары. Выступивъ (въ 9 ч. 15 м. у.) изъ кишлака Дана мы прежде всего переѣхали вбродъ чрезъ р. Шафъ-дару, а затѣмъ сейчасъ же поѣхали дальше вверхъ по ея правому берегу. Склоны ущелья Шафъ-дары и въ особенности ея правый берегъ, чрезвычайно круты, мѣстами отвѣсны. По берегамъ рѣки изобиліе лѣса — ивы, тополя, березы. Тропа идетъ то по лѣсу, то по голымъ камнямъ, удаляясь отъ бурлящей рѣки (см. табл. X). Вскорѣ приходится преодолѣть довольно трудный подъемъ по осыпи. Верхомъ всетаки можно ѣхать, хотя въ концѣ концовъ моя лошадь упала и я сильно ушибъ себѣ при этомъ ногу и руку.

Въ долинѣ Шафъ-дары, вправо отъ насъ, виднѣются

очень острые пики, одинъ изъ которыхъ съ небольшимъ количествомъ снѣга и передъ нимъ нѣчто похожее издали на морену.

Верстахъ въ трехъ отъ кишлака Дана мы переѣзжаемъ вбродъ (легко) на лѣвый берегъ Шафъ-дары возлѣ айлака Бархао — два каменныхъ навѣса на полянѣ среди деревьевъ, на правомъ берегу рѣки. Здѣсь оба берега рѣки заросли превосходнымъ строевымъ лѣсомъ — тополемъ, ивой, березой; въ особенности хороши почти прямоствольныя березы (см. табл. XI). Немного дальше появляются отдѣльные кусты арчи; одно деревцо было впрочемъ и ниже, въ кишлакѣ Дана.

Вскорѣ мы выѣзжаемъ изъ лѣса, поднимаясь нѣсколько надъ уровнемъ рѣки и ѣдемъ по каменистому склону; изъ древесной и кустарной растительности назову арчу — Juniperus excelsa, Ribes orientale v. schugnanicum, Rosa (съ длинными плодами), Lonicera Sieversiana, Ephedra. Послѣднюю туземцы называютъ амоджакъ и кладутъ въ насвай (нюхательный табакъ).

Изъ травъ здѣсь расли: Cousinia, Ferula Jaschkeana, Polygonum alpinum, Acantholimon parviflorum.

Въ 11 ч. у. мы пріѣзжаемъ къ сухому выносу ручья изъ узкой щели, называемой Рошъ-яворгмай. Вправо отъ насъ виднѣется еще очень острый пикъ. Здѣсь встрѣчаютъ насъ нѣсколько туземцевъ жителей кишлака Раумидъ, которые услышали о нашемъ приходѣ въ ихъ края и вышли къ намъ помочь пройти чрезъ мало доступный перевалъ Штамъ.

Еще немного дальше, и мы въ урочищѣ Хадзуръ — это расширеніе долины Шафъ-дары, гдѣ имѣются небольшіе посѣвы ячменя, еще совершенно зеленаго. Здѣсь есть и загоны для скота. Справа еще сухой оврагъ и опять острый пикъ, за нимъ небольшой гребень и вершина съ незначительнымъ количествомъ снѣга. Отсюда верстахъ въ $1^1/_2$ также имѣется небольшая площадка удобная для посѣвовъ — были и посѣвы еще мѣсяцъ тому назадъ, но грознымъ силевымъ потокомъ все это погубило совершенно и покрыло толстымъ слоемъ земли. Видно, какъ шелъ этотъ силевой выносъ съ горы справа (отъ насъ) и чрезвычайно ясно видно все отложеніе въ долинѣ рѣки (табл. XII).

Проѣхавъ еще немного, мы достигаемъ урочища Харибзекъ — здѣсь въ березовомъ лѣсу устроенъ пѣшеходный мостикъ черезъ Шафъ-дару. Мы переѣзжаемъ здѣсь рѣку

вбродъ и къ полудню пробываемъ въ уроч. Яводжъ — небольшіе посѣвы ячменя, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхняя граница земледѣлія на сѣверныхъ склонахъ Рошанскаго хребта — на высотѣ.

Немного далѣе, въ урочищѣ Горгинъ-иль Шафъ-дара имѣетъ болѣе спокойное теченіе — паденіе ея весьма не значительное. На луговинахъ около рѣки изъ болѣе интересныхъ растеній я отмѣтилъ Primula Warschenewskiana. Справа отъ насъ, почти напротивъ, виднѣется опять большой мореновидный выносъ, но такъ какъ снѣга на вершинѣ, находящійся позади этого выноса, немного, то врядъ-ли есть тамъ ледникъ; впрочемъ изъ подъ этого выноса вытекаетъ небольшой ручей.

Мое вниманіе привлекала однако другая часть открывшейся предъ нами картины: впереди виднѣлся снѣговой гребень водораздѣльнаго Рошанскаго хребта, куда предстояло намъ подниматься. Картина была величественная, но невольно возникало сомнѣніе, есть ли возможность вскарабкаться на эти снѣговыя громады.

Вскорѣ расширеніе долины закончилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и березы.

Характеръ теченія рѣки, или уже скорѣе ручья, совершенно измѣнился: онъ течетъ среди осыпи и по берегамъ лишь кое-гдѣ отдѣльныя ивы.

Въ 12 ч. 40 м. мы доходимъ до уроч. Утоджъ — снова расширеніе долины, но этотъ разъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Горгинъ-иль. Рѣка течетъ очень тихо среди луговинъ. Образованіе этого расширенія долины вызвано существованіемъ выноса изъ ущелья лѣваго берега. Едва ли однако этотъ выносъ представляетъ морену.

Здѣсь имѣется нѣсколько каменныхъ загоновъ и вообще это мѣсто можетъ служить удобнымъ ночлегомъ. Мои спутники очень просили объ остановкѣ на ночлегъ именно здѣсь, но какъ уже сказано, было еще очень рано и я хотѣлъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы подойти возможно близко къ снѣгамъ. Поэтому въ Утоджѣ мы ограничились лишь отдыхомъ и чаепитіемъ.

Въ 1 ч. 50 м. дня выступили мы въ дальнѣйшій путь. Послѣ небольшаго ночлега по осыпи мы снова вышли на небольшое расширеніе долины, и снова ручей течетъ тихо и спокойно. Это мѣсто носитъ то же названіе Утоджъ. Изъ

подъ осыпи здѣсь выходитъ ключъ; растительность принимаетъ субальпійскій характеръ, на луговинахъ изобилie Inula rhizocephala, а на каменистыхъ склонахъ — Winklera silaifolia, Ribes orientale, Polygonum alpinum. Проѣзжаемъ немного дальше, выше по долинѣ, и теряемъ изъ глазъ ручей: онъ совершенно скрытъ подъ осыпью. Поднявшись немного, вправо отъ себя снова видимъ ручей, но не главный, а притокъ, который и носитъ собственно названiе Утоджъ-зрафъ. Онъ вытекаетъ изъ подъ значительной морены, а выше на горѣ видна масса снѣга и несомнѣнно есть ледникъ. Только поднявшись еще выше мы видимъ снова главный ручей и можемъ наблюдать, какъ онъ уходитъ подъ осыпь. Растительность здѣсь получаетъ еще болѣе альпійскій характеръ. Я замѣтилъ здѣсь Oxyria digyna и Primula nivalis. Сейчасъ же дальше мы замѣчаемъ снова озеровидную котловину, въ которой течетъ нашъ ручей, а къ этой котловинѣ ручей спадаетъ съ осыпи красивыми раскадами. Здѣсь на осыпи расли Cicer tragacanthoides и Ziziphora clinopodioides. Немного дальше мы достигаемъ каменной стѣны, Дарбандъ, изгороди, служащей для того, чтобы скотъ, пасущiйся въ верховьяхъ ущелья, не могъ прежде времени сойти внизъ. Такiя стѣнки мы видѣли уже и въ другихъ мѣстахъ Шугнана, устраиваются онѣ конечно тамъ, гдѣ ущелье суживается наиболѣе. Здѣсь же около этой стѣнки растутъ двѣ одинокiя ивы — Salix sp. и здѣсь же лежитъ верхнiй предѣлъ распространенiя ихъ на сѣверныхъ склонахъ Рошанскаго хребта. Изъ другихъ растенiй я собралъ и отмѣтилъ здѣсь слѣдующiя: Potentilla desertorum, Macrotomia perennis, Arenaria Griffithi, Delphinium dasyanthum, Elymus lanatus, Elymus sibiricus, Scrophularia, Zozimia pamirica, Delphinium caschenirianum, Pleurospermum Lindleyanum.

Вся долина завалена древней мореной, сцементированными обломками скалъ. Мы ѣдемъ по довольно хорошей тропѣ. Обернувшись, я увидѣлъ назади чрезвычайно острый пикъ на правой сторонѣ долины. Этотъ пикъ видно было и утромъ съ Раумидъ-дары.

Дальше слѣдуетъ опять небольшой, но крутой подъемъ и затѣмъ передъ нашими глазами все верховье долины по которой мы шли, замыкающееся очень большихъ размѣровъ ледникомъ. Ближе къ намъ однако опять озеровидное расширенiе долины именуемое Фырохъ-соніобъ. Справа отъ насъ

еще громадный ледникъ съ большими моренами, дающій небольшой ручей, Саръ-кули-Шаборга. По этому леднику, говорили нѣкоторые изъ бывшихъ съ нами таджиковъ, можно подняться къ гребню водораздѣльнаго хребта и перевалить въ бассейнъ Гунта, но другіе отрицали возможность такого перехода.

Нижній конецъ ледника Саръ-кули-Шаборга представляетъ чрезвычайно интересное явленіе. На нѣкоторомъ разстояніи отъ конца льда тянутся два интересные вала въ видѣ какъ бы древнихъ конечныхъ моренъ отступающаго ледника (табл. XIII). Однако, свѣдѣнія, собранныя у туземцевъ, не позволяютъ сдѣлать заключенія о такомъ отступаніи ледника. Каждый годъ, по словамъ таджиковъ, весной ледникъ доходитъ до этихъ валовъ и каждый годъ, къ осени, отъ нихъ отступаетъ.

Кромѣ большого ледника Саръ-кули, немного выше имѣется еще второй небольшой. Проѣхавъ по котловинѣ, мы снова немного поднимаемся по древней моренѣ. Растительность сохраняетъ прежній характеръ, прибавляется лишь альпійскій Didymophysa Fedtschenkoana. Впереди виднѣется еще ледникъ, а на сѣверѣ, въ туманной дымкѣ, вырисовываются вершины Язгуламскаго хребта.

Въ $4^1/_2$ ч. дня мы остановились на ночлегъ на древней моренѣ, на камняхъ, гдѣ очевидно, и раньше случалось ночевать таджикамъ со своими стадами, такъ какъ мѣстами были сдѣланы обычные загоны изъ камней. Мѣсто это назвали мнѣ, какъ и послѣдній ледникъ, Сары-куль-шаборга. Ночь эту предстоитъ провести такъ близъ къ ледникамъ безъ палатки, безъ достаточнаго количества теплаго платья.

15. Перевалъ Штамъ и возвращеніе въ Хорогъ.

Слѣдующій день — 16 августа — былъ рѣшающимъ. Предстояло перейти черезъ водораздѣлъ по совершенно неизвѣстному перевалу.

Ясная, морозная ночь была для насъ не слишкомъ тяжела, такъ какъ мы были хорошо защищены среди камней и укрыты бурками и пр. Въ $6^1/_2$ ч. мы выступили въ путь.

Отъ нашего ночлега виднѣлась только часть тѣхъ грандіозныхъ ледниковыхъ картинъ, которыя пришлось намъ въ этотъ день увидѣть. Назади оставался ледникъ Саръ-куль

(№ 1), съ его характерными конечными валами камней, и рядомъ съ нимъ уже упомянутый небольшой дополнительный ледничекъ (№ 2); ближе къ намъ возвышалась обрывистая скала безъ снѣга и около нея морена; прямо впереди насъ виднѣлся нижній конецъ большаго ледника (№ 3), а лѣвѣе выдѣлялся острый пикъ со снѣгомъ, но съ верхушкой обнаженной отъ снѣга, вслѣдствіе крутизны. Первое время можно было по древней моренѣ двигаться верхомъ, хотя и не безъ труда. Съ каждымъ шагомъ картина становилась все грандіознѣе. Ледникъ № 3 оказался первоклассным, длиной около трехъ верстъ. На нижнемъ концѣ ледника много продольныхъ трещинъ и ясно видна слоистость льда. Морены конечныя и боковыя незначительны; къ нижнему концу ледника № 3 подходитъ также ледниковый языкъ: нижняя оконечность слѣдующихъ № 4 и № 5, такъ что даже трудно сказать, гдѣ граница отдѣльныхъ ледниковъ. Видъ къ сѣверу, назадъ, былъ также весьма интересенъ — вдали виднѣлся хребетъ Язгуламскихъ горъ съ великолѣпнымъ двойнымъ снѣговымъ пикомъ Спунджъ (Спянджъ), близъ перевала Биджрафъ. Растительность была очень бѣдная, но уже типично альпійская. Назову лишь Carex (высокая), Waldheimia tridactylites.

Ледникъ № 4 имѣетъ характерный ледопадъ въ своей средней части. Ледникъ № 5 не великъ; въ особенности грандіозенъ № 6 — онъ тянется отъ самаго перевала, и даже отъ снѣгового пика нѣсколько вправо (отъ насъ) отъ перевала, широкимъ (саженъ 300) и длиннымъ выпуклымъ языкомъ. Слѣва отъ насъ виднѣется еще небольшой ледникъ — № 7, онъ имѣетъ морену и кончается выпукло. Мы идемъ сначала по моренѣ, потомъ по снѣгу и льду, не безъ затрудненій. Въ 8 ч. 20 м. у. начинается подъемъ пѣшкомъ вверхъ по льду — дѣлаемъ здѣсь маленькую остановку, чтобы отпустить тѣхъ таджиковъ, которымъ принадлежатъ двухъ лошадей, взятыя нами при устьѣ Раумидъ-дары.

Дѣлаемъ нѣсколько десятковъ шаговъ крутого подъема по льду и затѣмъ сейчасъ же начинается чрезвычайно крутой подъемъ по сланцевой скалѣ, подъемъ, который мы преодолѣли съ великимъ трудомъ въ продолженіи почти двухъ часовъ, поднявшись вмѣстѣ съ тѣмъ на 200 футовъ абсолютно. Послѣднія части этого подъема идутъ отчасти по обледѣнѣвшему снѣгу, въ которомъ приходилось вырубать

ступени. Въ самомъ началѣ одиннадцатаго часа мы были на гребнѣ перевала Штамъ и могли любоваться величественной картиной, представившейся предъ нашими взорами: Прямо передъ нами виднѣлся весь хребетъ снѣговыхъ Загунтскихъ горъ — „Шугнанскій“ хребетъ со множествомъ ледниковъ. Я насчиталъ десятки ихъ, но не имѣлъ возможности составить полного ихъ перечня, такъ какъ не имѣлъ бинокля, да и хребетъ по временамъ отчасти закрывался облаками. Здѣсь пришлось мнѣ въ особенности пожалѣть объ отсутствіи телефотографическаго аппарата, который далъ бы возможность сдѣлать съемку всего Шугнанскаго хребта. На первомъ планѣ передъ нами виднѣлся чрезвычайной крутизны спускъ, по которому предстояло намъ итти внизъ. Не менѣе красивъ былъ общій видъ и на знакомыя уже намъ картины ледниковыхъ областей Шафъдары. Далеко на сѣверѣ виднѣлись и Язгуламскія горы, которыя однако какъ то терялись и даже двойная снѣговая вершина Спунджъ не казалась грандіозной. Въ одномъ мѣстѣ, на горизонтѣ гребень Язгуламскихъ горъ понижаются и тамъ виднѣлись даже повидимому горы принадлежащія Ванчскому хребту. Я уже упоминалъ о той бѣдной альпійской флорѣ, которая попадалась мнѣ при подъемѣ къ перевалу. Послѣднимъ цвѣтковымъ растеніемъ было Oxyria digyna, уже на крутой скалѣ, послѣдней ступени подъема. На гребнѣ перевала виднѣлись лишь красные лишайники на скалахъ, чего нѣтъ на другихъ пройденныхъ нами перевалахъ.

На гребнѣ перевала мы провели полчаса. Главное вниманіе мое было обращено на ознакомленіе съ топографическими условіями той части Рошанскаго хребта, въ которой мы находились и которыя теперь становились для меня совершенно ясными.

Не менѣе интереснымъ оказался самый перевалъ еще въ одномъ отношеніи. На самомъ гребнѣ, у той небольшой площадки, на которой мы расположились, подъ скалой устроенъ мазаръ — т. е. лежитъ на скалѣ нѣсколько круглыхъ камней и двѣ палки. Этотъ мазаръ таджики назвали Хазретъ-Шоносыръ-пиръ. Причина устройства мазара здѣсь осталось не выясненной; быть можетъ, здѣсь имѣлось въ виду обозначить мѣсто самаго сѣдла перевала, начало спуска съ него.

Во время нашего пребыванія на перевалѣ температура

была около $1^1/_2{}^0$ ниже нуля, но вѣтра почти не было и казалось довольно тепло. По временамъ проглядывало солнце. На западѣ снѣговыя вершины окутывались снѣжнымъ бураномъ, который постепенно приближался къ намъ.

Въ 10 ч. 35 м. мы начали спускъ съ перевала. Первыя двадцать минутъ мы шли, или вѣрнѣе, карабкались по чрезвычайно крутой сланцевой мелкой осыпи, а по временамъ по сланцевой скалѣ. Затѣмъ уже вступили мы на снѣговое поле — область питанія ледниковъ, по которымъ намъ предстояло итти далѣе.

Сначала путь по снѣговому полю не особенно труденъ, такъ какъ уклонъ не слишкомъ великъ. Вскорѣ однако встрѣтились на нашемъ пути серьезныя препятствія въ видѣ большихъ трещинъ, которыя пришлось обходить. Все таки, черезъ нѣкоторыя изъ этихъ трещинъ пришлось прыгать. Всего здѣсь имѣется шесть болѣе крупныхъ трещинъ.

Сейчасъ же за трещинами ледникъ обрывается очень круто, а у подножія обрыва имѣется конечная морена изъ обломковъ сланцевого щебня. Для обхода крутого ледянаго обрыва намъ пришлось карабкаться по скалѣ правѣе ледянаго потока. Можно считать здѣсь конецъ ледника № 1 южнаго склона перевала Штамъ.

Дальнѣйшій путь идетъ по леднику № 2 — гораздо бо́льшихъ размѣровъ. Область питанія этого ледника лежитъ вправо (отъ насъ) на водораздѣльномъ хребтѣ. И на этомъ ледникѣ есть значительныхъ размѣровъ трещины. Вскорѣ начинается крутой уступъ, а затѣмъ начинается путь по моренѣ. У нижняго конца ледника № 2 конечная морена весьма значительнаго размѣра.

Впереди, вправо отъ насъ, виднѣется еще ледникъ (№ 3), съ большой конечной мореной, повидимому совершенно не связанный топографически съ ледниками № 1—2.

Слѣва (отъ насъ) открылась вскорѣ ледниковая область: ледникъ № 4 незначительныхъ размѣровъ, узкій, но далеко спускается въ долину.

Ледникъ № 5 шире и короче. Повидимому, черезъ этотъ ледникъ можно перебраться въ бассейнъ Бартанга, куда-нибудь въ верховья Раумидъ-дары. Около него находится еще небольшой ледникъ № 6, который удалось замѣтить лишь на дальнѣйшемъ пути. Въ дальнѣйшемъ пути мы увидѣли еще два небольшихъ ледника (№ 7 и 8).

Ледники № 1, 2 и 3 образуютъ даютъ начало ручьямъ, послѣ сліянія именующимся Риджайфъ, ледникъ № 4 и 5 образуютъ ручей Тахмыръ-узаръ. Сліяніемъ обоихъ ручьевъ образуется рѣка Царъ-хафъ.

Спустившись съ ледника (№ 2), мы стали встрѣчать сначала отдѣльныя растенія — Saxifraga flagellaris, Nepeta kokanica, Rheum spiciforme, а потомъ мы шли уже по склону совершенно заросшему травянистой растительностью. Я чувствовалъ однако себя совершенно больнымъ и едва могъ двигаться. Спустившись съ трудомъ по моренѣ къ травянистому склону мы только около $1^1/_2$ ч. дня, т. е. черезъ три часа пути, считая со времени ухода съ перевала, дошли до небольшой площадки, гдѣ я вынужденъ былъ дать небольшой отдыхъ. Здѣсь расли Corydalis Gortschakowiana, Taraxacum sp. Вслѣдъ за тѣмъ снова намъ предстоялъ небольшой, но крутой спускъ, и въ самомъ началѣ третьяго были мы у сліянія ручьевъ, вытекающихъ изъ ледниковъ № 1—2—3 и № 4—5—6. Здѣсь на галькѣ у ручья я собралъ цѣлый рядъ интересныхъ растеній: Pimpinella, Waldheimia, Pyrethrum Stoliczkai, Nepeta podostachys. Характеръ растительности довольно быстро мѣнялся.

Дальнѣйшій путь нашъ шелъ по ущелью ручья, носящаго отсюда наименованіе Царъ-хафъ. Очень скоро произошли два событія, сдѣлавшія нашъ путь болѣе легкимъ и пріятнымъ. Во-первыхъ насъ встрѣтилъ таджикъ, вышедшій намъ на встрѣчу, и принесшій намъ почту изъ Россіи. Какъ пріятно было читать вѣсти съ далекой родины! Другое обстоятельство, которое было очень пріятно, это встрѣча съ пасшейся въ ущельи лошадью, которую мы и изловили, а затѣмъ я сѣлъ на нее, конечно, безъ сѣдла и уздечки. Все же, ѣхать верхомъ даже при такихъ условіяхъ было для меня легче, чѣмъ итти пѣшкомъ. Впрочемъ, не долго пришлось ѣхать верхомъ, такъ какъ вскорѣ, въ урочищѣ Чуквизоръ, пришлось пробираться уже съ трудомъ пѣшкомъ по каменному развалу — обломкамъ гранитовъ. Самая долина рѣки здѣсь нѣсколько расширяется, рѣка течетъ множествомъ рукавовъ. Здѣсь появляются первые кустики Myricaria. Обернувшись назадъ, я замѣтилъ, что ледникъ № 8 не маленькій, а громадный, никакъ не меньше ледника № 2. Справа, совсѣмъ надъ головой у насъ, видѣлся еще ледникъ (№ 9), полувисячій, онъ даетъ начало небольшому

ручью, впадающему въ нижній конецъ озеровиднаго расширенія долины, о которомъ я уже упоминалъ. Расширеніе это представляетъ въ полномъ смыслѣ слово озеро, такъ какъ истока у ручья здѣсь не имѣется — вода стѣснена спадающей сверху гранитной осыпью и уходитъ подъ нее (табл. XIV). Рѣки довольно долгое время не видно вовсе, только мѣстами показываются одинъ-два небольшихъ ручья, текущихъ съ ледника № 9. Почти часъ спускаемся мы по каменистымъ заваламъ и наконецъ добираемся до мѣста выхода ручья изъ подъ осыпей, который саженъ чрезъ 20 разливается снова въ новомъ озеровидномъ расширеніи долины Бадамъ-хафъ. Здѣсь появляются еще кустарныя растенія — Salix два-три вида, Ribes orientale. Вскорѣ рѣка снова уходитъ подъ гранитный развалъ, по которому намъ опять пришлось итти уже пѣшкомъ. Вскорѣ спускъ становится очень крутымъ. Впередъ внизу виднѣется кишлакъ Штамъ, а за нимъ рѣка Гунтъ и горы лѣваго его берега. Къ концу крутаго спуска стало слышно воду, шумящую подъ камнями, а затѣмъ ее и видно. Слѣва показался небольшой ручей чистой воды. Главный ручей затѣмъ снова исчезъ подъ камнями, а затѣмъ вновь показался. Отсюда рѣка носитъ названіе Ржакъ-трабоу. Черезъ полчаса пути мы были въ кишлакѣ Штамъ, гдѣ и расположились на ночлегъ около хижины.

На слѣдующій день (17 августа) мы двинулись всѣ верхомъ изъ Штама въ Хорогъ, стараясь возможно скорѣе сдѣлать этотъ путь по знакомой мнѣ (съ 1901 года) мѣстности.

Выѣхали мы въ 6 ч. 40 м. у. Переѣхавъ по мосту чрезъ р. Гунтъ въ 7 ч. 5 м., мы къ 11 ч. 25 м. добрались до кишлакъ Ривакъ, гдѣ пришлось перемѣнить лошадей. Въ 1 ч. 15 м. выступили мы дальше и ровно въ 5 ч. д. были въ Хорогѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ въ $8^1/_2$ часовъ около 70 верстъ. Конечно, это возможно лишь по хорошо раздѣланной тропѣ.

16. Обратный путь. Научные результаты экспедиціи.

Въ Хорогѣ собрались всѣ участники экспедиціи, я со своими спутниками, всѣ наши казаки, всѣ наши таджики — Сеидъ Юсуфъ Али ша, Азисъ-ханъ и Аманъ-бекъ. Пора было думать и объ обратномъ пути, тѣмъ болѣе, что погода

въ горахъ уже становилась зимней, къ тому же фондъ экспедиціи сильно уменьшался.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя приготовленія, выступили мы въ обратный путь. Тутъ намъ приходилось уже серьезно страдать отъ стужи и снѣжныхъ вьюгъ. Поэтому я спѣшилъ сдѣлать этотъ путь возможно скорѣе, дѣлая при этомъ иногда переходы до 90 верстъ въ сутки, не мѣняя лошадей на всемъ пути отъ Хорога до г. Ошъ (Ферганской обл.).

Рис. 44. Гребень перевала Ямгъ[1]).

Вмѣстѣ съ нами изъ Хорога двинулись въ путь въ Ташкентъ и таджики — три нашихъ таджика и ихъ слуги. Провожать ихъ собралось множество, сотни таджиковъ и отъѣздъ вышелъ чрезвычайно внушителенъ. Эти достойные люди ѣхали не только просить о возстановленія своихъ правъ, но и объ облегченіи невыносимаго положенія своей родины, и больше всего—о присоединеніи Шугнана къ Россіи. Пройти

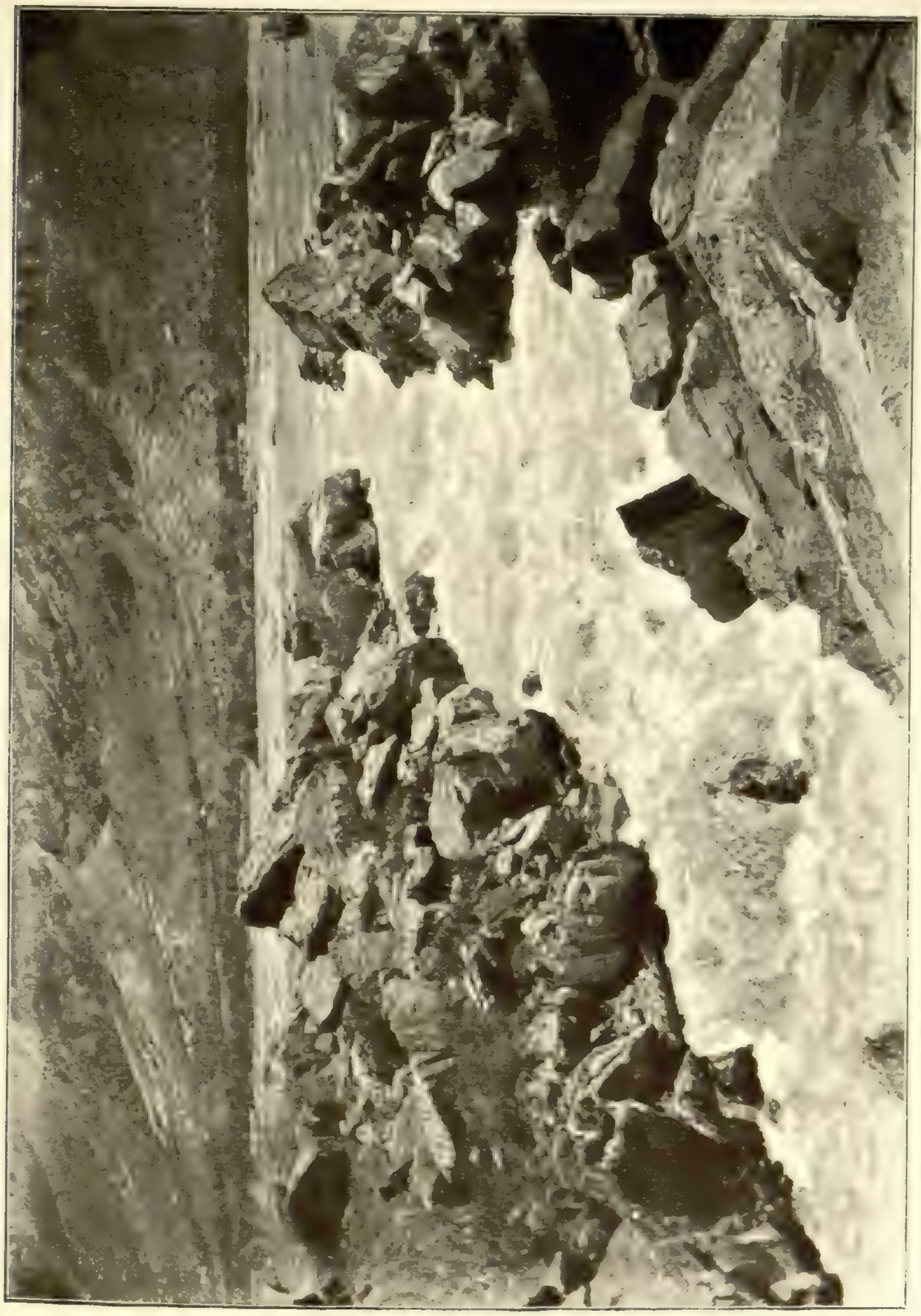
1) См. стр. 49. Помѣщеніе рисунковъ въ текстѣ прекращено въ виду отсутствія средствъ на это. (Примѣчаніе автора.)

туда, гдѣ не былъ никто удалось намъ главнымъ образомъ благодаря ихъ содѣйствію и отъ нихъ же узнать о такихъ сторонахъ жизни шугнанскаго народа, которыя скрыты для европейца.

Эти то общегеографическія изслѣдованія, маршрутная съемка, гипсометрическія наблюденія, фотографированіе (сдѣлано 240 снимковъ), изслѣдованія ледниковъ, въ томъ числѣ до сотни вновь открытыхъ — все это преимущественно въ мѣстностяхъ гдѣ не былъ никто — я и считаю главнѣйшими результатами своего путешествія.

Спеціальныя ботанико-географическія наблюденія и обширный гербарій, собранный на всемъ пути слѣдованія экспедиціи, даютъ возможность въ спеціальной части моего труда представить довольно обширный списокъ растеній флоры Шугнана и общую характеристику ихъ распредѣленія.

Р. Токузъ булакъ выше Джиландовъ.



Рѣка Гунтъ выше Чартыма.

Скалы Паринакъ въ верховьяхъ Гунта.

Укрѣпленіе Хорогъ (низовья р. Гунтъ).

Заросль Ferula gigantea B. Fedtsch.

Ferula gigantea B. Fedtsch.

Укрѣпленіе Ишкашимское (долина р. Пянджъ).

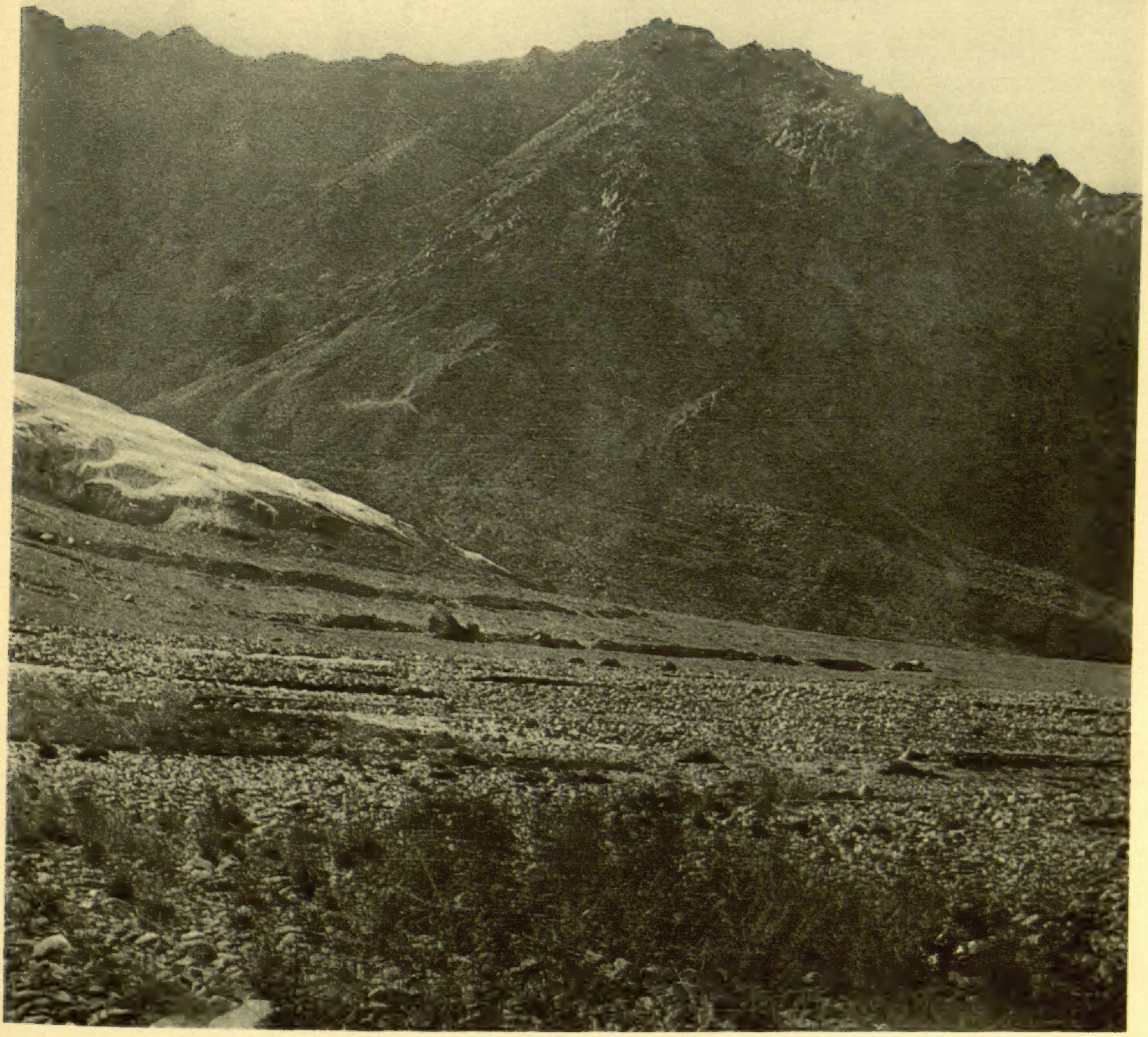
Афганское укрѣпленіе Кала-и-пянджъ.

Тополевый лѣсъ на р. Раумидъ-дарѣ.

Бурное теченіе р. Шафъ-дары.

Березовый лѣсъ на р. Шафъ-дарѣ.

Посѣвы на р. Шафъ-дарѣ, занесенные силевымъ потокомъ.



Нижній конецъ ледника Саръ-кули-шаборга.

Уходъ р. Штамъ подъ осыпь.

КАРТА СѢВЕРНАГО ШУГНАНА
Бассейновъ Гунта и Бартанга.
По даннымъ маршрутно-глазомѣрной съемки 1904г.
Б. А. Федченко.
Масштабъ 5 верстъ въ англ. дюймѣ.
Составилъ С.М. Вислоухъ.
Пер. Биджрафъ
Пер. Кумачъ-дара
Пер. Iодуди
Пер. Шитарфъ
Пер. Сутурги
Пер. Хаитъ (Ванновскаго)
Пер. Джизе
Пер. Девлехъ
Пер. Лянгаръ
Пер. Выхынгъ
Пер. Штамъ
Пер. Каукъ
Пер. Хуфъ
р. Пянджъ
р. Бартангъ
р. Гунтъ
р. Лянгаръ Су.
Калай-Вамаръ
Lith. Anst. v. E. A. Funke, Leipzig

КАРТА ЮЖНАГО ШУГНАНА

Бассейна Шахъ-дары, Вахана и Горана.

По даннымъ маршрутно-глазомѣрной съемки 1904 г.

Б. А. Федченко.

Масштабъ 5 вер. въ англ. дюймѣ.

Составилъ С. М. Вислоухъ.

Объясненіе знаковъ.

- Ледники
- Снѣга
- Снѣговыя вершины
- Лѣсъ
- Кустарники
- Единичные тополи
- Единичныя ивы
- Скала, скалистый обрывъ
- Границы растеній (въ сторону стрѣлокъ - обл. растеній)
- Маршрутъ пѣшій
- и укрѣпленіе.

Lith. Anstv. E. A. Funke Leipzig